

Ирина Петрова

Идеальные мужчины

Ирина Петрова

Идеальные мужчины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53853458

SelfPub; 2020

Аннотация

Молодой провинциальный художник переживает творческий кризис, да и личная жизнь у "красавца-мужчины" не ладится. Он попадает в загородную клинику профессора Сидорова и соглашается на участие в рискованном эксперименте наравне с другими. Эксперимент включает в себя имплантирование чипов. Он находит здесь друзей и самого себя. Участники эксперимента переосмысливают свою жизнь, попадают в сложные жизненные ситуации, но с помощью друзей находят выход. А вот личную жизнь героям приходится строить самим.

Часть 1
Клиника
Глава 1

Наталья работала, сидя в пропыленной подсобке за старенькой печатной машинкой, а света в комнате было мало. Единственное окно выходило во двор, но и оно было заложено бухгалтерскими книгами. Настольная лампа освещала только половину стола и тонкую пачку листов, исписанную её торопливыми каракулями.

Наталья любила здесь работать: никто не мешал. В голове царил вдохновенный хаос, в котором ей ещё предстояло

разобраться. Она перепечатывала текст и тут же снова правила его. Наверху в одном из залов музея царило оживление. Люди пришли посмотреть на старинные вещи, случайно обнаруженные строителями в одном из домов: бронзу, оружие времён войны 1812 года, картины.

Сколько лет просуществовал тайник, а открылся только сейчас. Наталья видела в этом особый знак.

В числе находок была неизвестная картина Дубовского, датированная 1890 годом. Зимний пейзаж просто очаровал Наталью.

Дремучий лес вдали. Длинные тени расползлись по нетронутому насту. Свет невидимой луны таинственными пятнами серебрит снег. Безлюдье. И на фоне этого простора небольшая заснеженная избушка, куда торопится по санному пути ямщик.

Наталья работала старшим научным сотрудником, и живопись девятнадцатого века была одной из разрабатываемых Натальей тем. Она пыталась найти параллель между событиями жизни художника в тот период и изображённым пейзажем. Также оставалось загадкой, как картина могла попасть в их город. Наталья надеялась, что публикация статьи, возможно, прояснит что-то.

К обеду Наталья, наконец, нащупала нужное русло в работе, и статья стала выравниваться... Остались ещё несколько штрихов и окончательная перепечатка. Но вот эти-то несколько штрихов ей никак не давались.

Уф, устала! Будто сама с лихим ямщиком долго ехала по заснеженным дорогам среди лесов, и вот, наконец, забрезжил вдали чуть заметный огонек постоянного двора. Запахло жильём, под полозья с лаем бросились собаки. Сразу всё пошло в движение, слилось в снежной кутерьме: звон колокольцев, фыркание коней, почувствовавших отдых, вскрик ямщика. Пронзил душу его жгучий взгляд из-под заиндевшего меха. «Не бойся, красавица, приехали», – слышалось из снега и инея, и невидимая улыбка повисла в воздухе остывающим парком.

Наталья взглянула на часики, вернулась в действительность, мысли её заработали в нескольких направлениях: опять заняло сердце в тревоге за Олега, за маму, но часть души всё ещё оставалась в картине.

Где уж ей понять художника, когда и современного человека, про которого знаешь, казалось, всё, порой не поймёшь. Ох, уж этот Олег! Она хорошо знала своего друга. Была рядом во время многих его срывов и депрессий. Сегодняшняя депрессия что-то затянулась. Вера его в себя подорвалась после весенней художественной выставки, где его картины выглядели не лучшим образом. А ведь почитатели его таланта многого от него ждали. Наталья пыталась его поддержать, но с ним была тогда Танечка, да и скептические замечания критиков, и уколы журналистов сделали своё дело. Потом произошёл его разрыв с Танечкой, ссоры из-за неё с матерью.

И почему Наталья должна быть для него скорой помо-

щью? Но как бы там ни было, через некоторое время она уже мчится в такси к Олегу. За окнами проносятся жёлтые шапки деревьев, прохожие, новостройки. В городе вечно что-то строилось. Наталья родилась здесь и любила город с его потоком машин, вечно спешащими людьми, уличным шумом и бешеным ритмом жизни. Скользя в новенькой машине такси по подсыхающему после дождя асфальту, она радовалась осени, умытой безмятежности природы. Город с его яркими искусственными красками не смог заглушить живой цвет и запах осени, врывающийся сквозь открытую форточку. Неужели никто его не замечает? В городе всё в соседстве: живое и неживое, красота новостроек и обновленные храмы.

Будь она поэтом, сказала бы: «Остановитесь, люди, оглянитесь вокруг!» Но она не поэт, и эта блажь у нее то ли от соприкосновения с настоящим искусством, то ли от Олега. Вот он бы точно так сказал. Когда много думаешь о человеке, начинаешь и мыслить, как он.

Наталья вышла из машины, расплатившись с шофёром, вошла в знакомый подъезд и нажала кнопку лифта. Квартира Олега находилась на последнем, девятом этаже. В лифте Наталья подумала, что ничего не купила поесть, в её сумочке лежали лишь две булочки, оставшиеся от завтрака. Впрочем, она и сегодня не надеялась, что Олег откроет ей дверь – не открыл же три дня назад. А сегодня ей во что бы то ни стало необходимо увидеться с ним.

Глава 2

Неделя прошла в сплошном тумане. Вначале Олег совместно с Игорьком Банниковым, рисующим абстрактные шедевры из точек и линий, попытался утопить своё отчаянье в вине. Но пьяный угар не приносил облегчения. В конце концов два неудачника поссорились. Олег замкнулся в себе, ночь и день для него смешались в одно, он отключил телефон и погрузился в одиночество...

Ночами он часто просыпался. Спросонья мысли в голове путались, сплетаясь в нелепый клубок. Во сне то плутал по лабиринту, то безуспешно взбирался в гору, то плакал надрывно и горько. Очнувшись, с трудом верил в отсутствие горы и слёз на глазах...

Он запретил себе думать о Танечке, но непослушные мысли слоились, разбегались, возвращая вдруг полузабытый жест подносимых к лицу рук и резкий поворот всей её устремлённой к нему фигурки. Вот глаза её он вспомнить себе не позволял. Они лишали его покоя, и даже не сами глаза, а то, что было в них тогда, что слилось вместе со всей тьмой вокруг в какой-то болезненный образ. Образ, в котором уживались вместе живые и мёртвые, протягивал ему руку покойный отец: «Держись, мужик». Накатывала волна раздражения и неясной вины. Непрестанные бессонницы и бессмысленная холостая работа мозга измотали Олега.

Этой ночью он проснулся и ничего не увидел. Это было так странно и страшно. Напрасно он таращил глаза в тем-

ноту, пытаясь уловить хоть отсвет, хоть отзвук живого мира. Через долгую секунду он понял, что это всего лишь сгустилась тьма перед рассветом. Проклятый мэр, нашел, когда экономить электричество! Темнота сразу обрела знакомые очертания, отодвинулась. Олег стал терпеливо ждать, когда ночь минует свой последний рубеж, будто дневным светом должен был наполниться не только окружающий мир, но и сама душа его. Ждал, думал: впервые чисто и ясно. Существуют же вещи важнее, чем его несогласованность с миром, с самим собою, вещи не поправимые и от тебя не зависящие, такие как жизнь и смерть.

Смешно! Испугался темноты, хоть маму зови!

А жизнь действительно полосатая, он в этом убедился воочию. Значит, впереди и его светлая полоса. Только откуда ей взяться, если язвой в нём сидит отвращение к себе как к художнику. Но всё же где-то в мозгу возникла светлая точка, и ширится растёт... Или это только запятая?

Наталья выжала из звонка три условных сигнала и стала ждать. Послышались шаги, скрежет открываемой двери – и на пороге появился он. Олег был бледный, небритый, завёрнутый в простыню. Как давно она его не видела. В один миг все предыдущие мысли, восторги, сожаления исчезли куда-то, остался только Олег.

– Да-а..., – сказала Наталья. – Ну и видок у тебя! Ты себя хоть в зеркале-то видел? На улице красота! А ты тут киснешь, плесенью покрываешься. Сколько дней ты уже из до-

му не выходил? – нападала она, пытаясь скрыть волнение.

– Ты проходи, – отступил он в комнату, застенчиво улыбаясь и не отвечая на её вопрос в своей привычной манере пропускать все нотации мимо ушей. – Я чувствовал, что кто-то должен прийти. А это ты...

– Ты не рад?

– Рад, – улыбнулся он.

Почему именно его полюбила Наталья? Неужели за эту его виновато-застенчивую улыбку (а виноват он перед ней бывал часто). Неужели она – эта улыбка – стоила так дорого, что каждый раз заставляла сильнее биться её сердце! Только ему знать об этом ни к чему. Наталья шагнула в темную прихожую и ощутила щекой его колючий поцелуй. Боже, как ей не хватало этого!

– Иди брейся, дикарь, – оттолкнула его, спрятав свои чувства за двойной шторкой волос и ресниц.

Необходимо было переключиться на деловой, бесстрастный тон. – У меня к тебе важный разговор.

Она прислонилась к стене, на минутку прикрыв глаза, вдыхая единственный запах Олеговой квартиры. Сквозь пропылённость и прокуренность чувствовалось в ней присутствие невесомой души хозяина. Вместе с пылью витали здесь частички горьких разочарований, неуловимый дух вдохновенья, ещё не взятого на кончик кисти.

Рассыпанные монеты, пепел на столике у зеркала – всё говорило о теперешнем состоянии духа хозяина. Равнодушное

стекло смутно, как бы нехотя отражало Наталью.

Когда-то они были близки, очень близки. Но это было сто лет назад, ещё позапрошлой зимой. Помнило ли всевидящее зеркало, как он прямо у порога, не давая раздеться, рисовал её вместе с подтаявшими на её лице и ворсинках воротника снежинками? На пол сбегала лужица с её сапог, сияла лампочка на сто ватт, освещая каждый обшарпанный угол.

– Почему у тебя лампочки-то нет? – скинув с себя наваждение вместе с плащом, крикнула Наталья из тёмной прихожей.

– Не купил, – издалека глухо прозвучал ответ.

– Как всегда, – пробурчала она.

Год назад между ними встала Танечка. Что он нашёл в ней? В ней ведь ничего не было кроме чистого личика и наивных глазок. Ей же замуж хотелось, это было написано у неё на лице. А Олег, он всегда был влюбчивым.

Танечка! – её и Таней-то никто не называл. Танечка!... Наталье казалось, Олег транжирит на Танечку не только свою любовь, но и её, Натальину, принадлежащую Олегу. Ревность буквально съедала её.

Олегов роман закончился, как и все романы с влюблёнными дуручками. Только этой ещё и аборт делать пришлось.

Но вот Танечки нет, а между старыми друзьями всё ещё лежит пропасть. Сколько ещё нужно времени, чтобы они смогли отделаться от ощущения её присутствия? Шлюшка со скорбным видом мадонны, сломавшая разом её и Олега

жизнь.

Олег всё ещё ощущал слабость во всём теле, боль в глазах и покалывание в виске, но уже чувствовал, что выздоравливает. Из ванной он слышал, как Наталья ругает его. Поделом! Что она там говорит? Ему нужна смена обстановки, необходимо быть среди людей, показаться врачу. Что она имеет в виду? Консультацию у психиатра, серьёзное лечение? Да, видно его вид говорил сам за себя. Олег взглянул в зеркало: оброс, лицо – болезненная стянутая маска, волосы тусклые.

В комнате звенел Натальин голос:

– Грязи-то развёл, грязи! Распустился совсем, – потом раздалось глуше, видимо из комнаты. – Ты же талант!

Наталья пробежалась глазами по мольбертам, сдула пыль с приставленной к стене картины, ничего интересного для себя не обнаружив.

– Талант! – повторила она, заглянув к нему в ванную. – И ты ещё докажешь это!

Каблучки Натальи простучали к кухне. Послышалось её ворчанье, хлопанье дверцы холодильника.

Повсюду, не желая того, Наталья видела Танечкины следы: полотенце с утёнком, салфетки, прихватки, развешанные на стене. И даже само то, что Танечка умела создать уют, сейчас раздражало Наталью. Она взялась за тряпку.

Когда заглянул в кухню Олег, Наталья обжаривала подсохшую в холодильнике ветчину, делала бутерброды. Она выбросила в мусорное ведро затвердевший сыр и пакет прокис-

шего молока.

– Давай к столу, – позвала она не глядя.

– Да зачем ты?.. Я бы сам, – обвёл он виноватым взглядом кухню.

– Молчи уж, – пробурчала она.

И вот Олег, выбритый, сидел с Натальей за чаем и радовался тому, что он не один.

Наталья сложила в пакеты пустые бутылки, перемыла посуду, расправила штору на окне и будто внесла живую струю в его заржавевшую от тоски и безделья жизнь.

Олег прихлёбывал горячий чай из своей любимой чашки в горошек, слушал звонкий Натальин голос, подчиняясь его менторскому тону, любовался изящным изгибом её розовых губ и выбившейся черной прядкой волос.

– Что ты смотришь на меня, как на инопланетянку?

– Так... Почему ты не приходила раньше?

– Я приходила. Ты меня не пустил.

– Я был не прав. Извини.

– Как всегда.

– Как всегда, – повторил он. – На улице тепло? – спросил он, будто это было ему важно.

– Восемнадцать градусов, – ответила она.

– Пахнет дождём.

– Он был. Сейчас закончился, – потянулась она и открыла пошире форточку. – В музее появились новые картины. Деятнадцатый век, ты знаешь?

– А-а-а,— протянул он нисколько не заинтересованно. – Значит, ты, как всегда, вся в делах?— спросил так же без интереса.

– Значит,— ответила она.

Разговора не получалось. Будто разговаривали посторонние люди или словно им мешал кто-то третий. «Даже картины его не интересуют!» – обиделась Наталья.

– А вообще-то я по делу. И дело это касается непосредственно тебя, – сухо сказала Наталья.

– Меня? – удивился Олег её тону.

– А ты думал, я к тебе в любовницы набиваться пришла? – усмехнулась она.

– Наташ, ну ты что, не обижайся. Ты обиделась на то, что я про дела спросил?

– Дело не в том, что спросил, а в том, как.

– А ты сама..., – укорил Олег. – А если честно, я понял сейчас, что мне тебя не хватало... Я по тебе соскучился... Правда...

– Ну ладно, проехали. А то получается, что я на комплимент напросилась. Давай о деле. Я предлагаю тебе принять участие в одном эксперименте для мужчин. – Она помолчала, собираясь с мыслями. Кто его знает, как Олег воспримет её предложение. Решительность никогда не была чертой его характера. Продолжила:

– Профессор Сидоров – видный московский учёный, знаток мужской психологии. Сейчас он работает с молодыми

мужчинами от тридцати лет и старше, неженатыми – так что ты как раз подойдешь, – помолчала она опять. – Понимаешь, это твой шанс. Нужно всего сто человек, – Наталья заметно волновалась. – Потом, это ведь всё не так просто. А мне Алик Мухин из «Центральной газеты» обещал приглашение достать. Нужно только твоё согласие.

– Что за эксперимент? – переспросил Олег вяло. Ему сейчас ни о чём не хотелось думать, и не надо было ничего кроме её голоса, дружеского участия, горячего чая и уличного шума, врывающегося через открытую форточку. Словно ему грозила болезнь, которая неожиданно отступила. Он был счастлив и наслаждался сегодняшним моментом. Всё-таки он жив. Может вот так сидеть, слушать её голос.

Наталья закурила, кивнув ему: кури, мол. Подождала, пока закурит. Струйка дыма её сигареты расплывалась, смешиваясь с Олеговой, и уходила в форточку. Сколько вечеров провели они здесь, сколько споров слышали эти стены и сколько согласий.

Наталья изящно стряхнула указательным пальчиком пепел в блюдце, стараясь не обращать внимания на его равнодушное лицо, спросила:

– Ты слышишь, что я говорю?

Он кивнул и неопределенно улыбнулся ей.

– Я навела справки об этом эксперименте, – продолжила она. – Во-первых, помогут избавиться от вредных привычек и комплексов. Во-вторых, настроят на создание семьи.

В общем, там всё: коррекция личности, гармонизация души и тела и, главное, – главное! – подчеркнула она, – раскрытие таланта! – то, что тебе нужно, – сделала она паузу, наблюдая за реакцией Олега. Стала что-то говорить об оригинальном решении профессора Сидорова, касающегося проблем демографической ситуации, алкоголизма и наркомании.

– Да что ты! Вот уж не думал, что ты веришь в сказки! – улыбнулся Олег. То, что сказала Наталья, каким-то непонятным образом перекликалось с его сном. Нереальностью что ли. Даже не верилось, что серьёзные люди могут заниматься такими проблемами. Он был уверен, что воспитывать и перевоспитывать взрослых людей бесполезно, тем более лечить тех, кто себя не считает больным.

– Это не сказки. Это наука. Мы же в двадцать первом веке живём. И Алик не дурак (хоть и дурак немалый, между нами говоря). Он сегодня встречается с профессором и возьмёт приглашения для себя и для тебя, если ты захочешь. Я только утром с ним по телефону говорила. Да, чуть не забыла, – прижав сигарету в блюдце, Наталья потянулась за сумочкой. – Я тут принесла тебе брошюры, – отодвинув чашки, положила она перед Олегом две тоненькие книжицы вполне приличной полиграфии. – Эксперимент бесплатный и безопасный. Ты считаешь, поймёшь... Но ответ мне нужен сейчас. Тебе это нужно, Олег! – делала она ударение на слове нужно.

– Ну, если так..., – скептически произнес Олег, безразлично вертя в руках книжицы.

Случайно увиденные фразы цеплялись одна за другую, но почему-то внушали уверенность, и уверенность постепенно брала верх над апатией и душевной ленью.

– Тебе видней. Да и какая в конце концов разница! – махнул он рукой, окончательно сдавшись.

– Ты что, Олег, встряхнись! Сдуй с себя пыль, а то совсем пропадёшь.

«До чего ж он иногда бывает неповоротлив и вял, – думала Наталья. – Даже не верится, что это он создавал те картины, что восхищали московских знатоков». Но она достаточно знала характер своего друга и надеялась, что всё ещё может иметь на него определенное влияние. Да и дело в принципе уже сделано.

– Ой, знаешь, мне совсем некогда. Я на обеде. Ещё в центр надо съездить, лекарство маме купить. И статья у меня в работе.

– Как здоровье Марии Петровны? – спросил Олег, любясь игрой света в её волосах.

– Приступы повторяются, – помрачнела Наталья. – Мне знакомая обещала уникальные таблетки. Вот поеду, – потянулась она к сумочке, вжикнув молнией, повесила её на плечо. Поднялась, расправляя юбку. – Ну, так ты-то как, насчёт эксперимента, решился? Окончательно?

Олег кивнул, вставая.

– Молодчина! Да, кстати, у Маховского юбилей. Тебя хотел пригласить, но до тебя ведь не дозвонишься. Ты чем хоть

занимался? Покажи эскизы! – потребовала Наталья, пройдя вслед за ним в комнату. Торопясь, пошелестела бумагами.

– Нет, ты просто бестолочь, – обозвала его всегдашним своим ругательством. – Разве можно время терять? «Кто не знает цену времени, тот не рождён для славы», – процитировала она кого-то из великих.

Просмотрела эскизы для задуманной им на библейские темы картины, отобрала два:

– Вот здесь, кажется, что-то есть, какая-то мысль, – наморщила она лоб, продолжая листать. – А остальные – мертвые... Я говорила тебе, что личная жизнь для художника должна быть на втором плане. Наши суровые будни не для чувствительных девиц, – ударила она его по больному и будто отомстила Танечке, незримо присутствующей здесь.

Олег помертвел. Наталья тут же пожалела о сказанном, но... Кто бы знал, что во всей этой истории больше всех будет страдать он. И как глупо: остаться ни с чем – ни любви, ни вдохновения, ни настоящих друзей. Хотя вот она – Наталья – рядом. И что она ждала от встречи: что он с порога раскроет ей объятия и будет уверять в вечной любви. Ведь это было бы ещё более неискренне, чем все их разговоры сегодня. А почему, собственно, она должна его жалеть?

– Во всём должно быть чувство меры и в любви тоже. – Слова высказывали как бы сами собой, и в них сквозила убийственная рациональность. – Нельзя давать чувствам задушить талант. Ну, что ты мучаешься? От этого ведь никому

не легче. Ну, женись на ней. Тебе это надо? – скептически скривилась Наталья.

– Нет.

– Ну, так в чем дело?

– Она ведь была беременна.

– Тоже мне новости! Да знаю я.

– Это ты её отговорила.

– Опять двадцать пять. Ничего я её не отговаривала, просто адрес врача дала. Она могла бы им не пользоваться. Она совершеннолетняя девочка. Признайся, ты же рад был, что всё так устроилось?..

Всё же Наталья жестока. Или в ревности женщины всегда жестоки, думал Олег. И к чему ей этот разговор?

– Зачем она матери-то твоей всё рассказала? Она что, не знала, что ничего вечного у тебя с ней быть не может? – не могла остановиться Наталья.

– Хорошо же ты обо мне думаешь... А впрочем, ты, как всегда, права, – устало согласился он, в который раз натыкаясь на мысль, что так оно и было, он просто устранился от всех проблем. Иначе он просто не умел.

– А Таня никому ничего не говорила. Мама сама обо всём догадалась. И какое это теперь имеет значение! – Олег поморщился от головной боли – снова закололо в виске.

Он задумался:

– Просто оказалось, что я никого не люблю. А для творчества и для жизни вообще нужно состояние влюбленности, –

проговорил чуть слышно.

– Хороша же влюбленность, если от неё хочется в петлю лезть.

– Всему своё время. Время смеяться и время плакать, – вспомнил он свой сон. – Время любить и время ненавидеть.

– Ненавидеть? Зачем? Может быть, лучше любить? – Разговор становился тяжелым, но от перетаскивания глыб ничего не менялось.

– Кого? Как? – растерянно спросил он.

– Меня... Ты меня любишь, просто бежишь от этого, – понизив голос, заявила Наталья.

– Ты самоуверенная девушка! – удивился он переменчивости её мысли.

– Я очень хочу этого. А если я чего-то очень захочу, то у меня всё получается. – Натальины глаза горели, от неё исходила энергия, которой хватило бы на двоих. И хоть это только её энергия, она была заразительна. Самоуверенная оптимистка.

– Всё будет хорошо, – загадочно улыбнулась Наталья, погасив, загнав в глубь глаз свою энергию. Прошла в прихожую. – Знаешь, я абсолютно уверена, что этот эксперимент тебе необходим.

– Ну-у, – проныл Олег, машинально шагая за ней.

– Что ещё? – спросила она, насмешливо взглянув. Всё же ему нужна не жалость, а плётка, чтобы подгонять как в творчестве, так и в личной жизни.

– Не уходи, – попросил он. – Без тебя я пропаду.

– Это уже что-то, – победно взглянула на себя в зеркало

Наталья.

– Я приду завтра, – пообещала она. – Так ты насчёт эксперимента окончательно решился? – вернулась к прежнему разговору.

– Ты умеешь уговаривать.

Она привычно кивнула.

– Ну ладно, мне пора... Не обижайся, – знакомо прикоснулась пальцем к пуговице его рубахи, и глаза их остановились друг на друге чуть дольше, чем она планировала.

– Спасибо тебе, – сказал Олег. – За... всё.

– Чего там! – отмахнулась Наталья. – У тебя щётка для обуви есть?

– Сейчас, – стал нетерпеливо рыться в тумбочке под зеркалом, желая угодить Наталье.

– На улице лужи, грязь, но деревья жёлтые. Золотые листики плавают в лужах, как кораблики. А ты тут сидишь, как бирюк, – передразнила она его, изобразив кислую мину.

Наталья наводила лоск, кружилась перед зеркалом, подбирая позу и взгляд, превращаясь на глазах в чужую элегантную даму. – Приходи к нам сегодня картины смотреть. Выбери обязательно, не пожалеешь...

На миг она стала собой, подставляя щёку для поцелуя.

– Ну, пока, – чмокнула воздух и, взмахнув сумочкой, скрылась за дверью. Как метеор. Была – и нет. Но что-то

опять в его жизни накрутила.

Застучали по лестнице каблучки. Даже лифта ждать не стала! В прихожей остались чуть слышный запах её духов и серебристые отблески плаща. Модница! Любит элегантные вещи, изящную обувь. Олег не представлял её в фартуке и домашних туфлях. Она вся в мире искусства. А его что, жалеет, любит?

Олег уже не помнил, когда Наталья вошла в его жизнь. Она присутствовала на всех выставках и творческих тусовках, была заметной личностью и пользовалась авторитетом у художников, обладала безупречным вкусом и художественным чутьем. С ней советовались, ей восхищались. Олег сто лет знал её по имени, но завязать более близкое знакомство ему никогда не приходило в голову. Слишком уж недоступной и холодной казалась она, а он был всего лишь начинающий художник. Но как-то она обратила на него внимание, и постепенно он привык к её звонкам, вдруг стало необходимым её присутствие в его мастерской, а затем и в постели. Она быстро привязала его к себе откровенной порочностью хищницы, скрытой за безупречной красотой топ-модели. Такой она ему виделась. А, впрочем, она была современная женщина. А что у них, у современных, в душе – поди, разберись. Тем более, сейчас, после долгой разлуки, когда и сам он, как корабль после кораблекрушения. И всё из-за Танечки.

Нет, Олег не жалел Танечку. Сама пришла, сама ушла.

Раздражали её слезы, нравоучения матери по этому поводу. Разве он во всём виноват? Он что, крайний? Обе они в последнее время измучили его, чего-то ждали от него. У него и так ничего не получалось.

Не мог же он забросить искусство и пойти у них на поводу. Этот ребёнок, ещё не родившись, уже стал центром вселенной. А сколько процентов можно дать за то, что он станет хоть сколько-нибудь полезным обществу? Да какой из него, Олега, муж-кормилец? Права Наталья: искусство требует жертв. А в любви надо знать меру. Нельзя позволять никому садиться себе на голову.

После Танечкиного аборта мать перестала с ним разговаривать. Для неё этот неродившийся ребенок важнее собственного сына. А что делать ему, он ведь художник, и никем другим себя не ощущает.

Но сколько бы он ни успокаивал себя, легкая болезненная дрожь в сердце при воспоминании о Танечке и матери напоминала ему мытарства прошедших ночей. Ну, не мог он ничего изменить и никому ничем помочь. Маме бы надо позвонить...

Олег курил у открытой форточки. Благо, Наталья оставила сигареты. Это помогало ему думать.

Полистав книжки, оставленные Натальей, решил: чему быть – того не миновать. Он был благодарен Наталье: думала о нем, заботилась. Любит... Кто её знает, любит ли? И этот эксперимент...

Пришедшее на смену тоске радостное волнение наполнило его жизнь новым переживанием – так всегда бывало у него перед чем-то новым, неизведанным. Радость новизны заслонила собой самое страшное – его равнодушие к жизни, к любимому делу.

Уже месяц он жил как сомнамбула, почти не беря в руки кисти. Наталья и то ужаснулась, увидев его детские беспомощные рисунки. Ху-удожник! Действительно, уехать, раствориться, спрятаться куда-нибудь от своих проблем сейчас – самый выход. И пусть все забудут о его существовании! А дальше – Бог даст.

Сквозь стекло пробивалось солнышко. Путаясь в занавеске, радостно рассыпалось зайчиками по стенам. Дождь, не прекращавшийся всю ночь, решил сделать передышку.

Докурив сигарету, Олег принялся наводить порядок. Помыл пол, почистил раковину, вытер накопившуюся пыль, подключил вновь телефон. За будничными делами окончательно отвлёкся от тяжёлых мыслей.

Пробудился аппетит. Олег начистил картошки, открыл мясные консервы. Кухня заполнилась соответствующими ей ароматами. Увидел, что нет хлеба.

Подхватив пакеты с пустыми бутылками, спустился к мусоропроводу. Сбежал по лестнице вниз, вдохнул свежего воздуха. Осень действительно была самая что ни на есть золотая! Распушились клёны и вязы, аллея стала уютной и бордово-золотистой. Ученики возвращались из школы. Моло-

дые мамыши катили коляски с детьми. Голубело небо. Привычно шумел город.

Жизнь шла своим чередом.

В магазине ему приветливо улыбнулась знакомая продавщица. А у него откуда ни возьмись мелькнула вредная мысль, что не будь его, всё осталось бы по-прежнему. И люди бы также здоровались и улыбались друг другу.

– Давно вас не было видно? – спросил сосед-пенсионер, отоваривающийся в этом магазине. – Всё рисуете?

– Ага, – ответил он.

Нет, никто его не забыл, и люди ему по-прежнему рады. Но им невдомёк, через какие мучения проходит душа художника в творческом кризисе. И это вдобавок к тем стрессам, что всем несёт современный мир.

– Осень-то, осень!.. – прищёлкнул языком пенсионер, ища подходящее слово. – Пора трудов и вдохновенья!

Олег кивнул, наблюдая за ловкими и одновременно плавными движениями красивых рук продавщицы. Олег любил, когда его обслуживала она. Чувствовалось, что работа ей в радость.

– А вы ещё красивее стали, – сказал он.

– Ну что вы, – смутилась она.

– Правда, правда, – уверил Олег, забирая из её рук пакет.

Подойдя к своей двери, услышал телефонный перезвон. Он всё ещё кому-то нужен! С порога бросился к аппарату:

– Алло?

Трубка помолчала и плеснулась радостно-тревожно:

– Олежек! Наконец, дозвонилась. Как дела?

Олегу ясно представилась мамина тесная прихожая и она – одинокая, ждущая, напряженно застывшая в стареньком кресле.

– Мам, я рад..., – проглотил он конец фразы. Жалость неожиданно сильно сжала сердце. Трудно стало дышать. – Ты... я, – неумело пытался оправдываться он.

– Я к тебе сейчас приду, можно? – спросила Полина Игнатьевна.

– Ну, о чём ты? Конечно! – ответил он, проглотив комок, торопливо ответил он.

Глава 3

Через сорок минут мать позвонила в дверь.

– Мам, ты прости меня, что заставил волноваться, – целуя её в пахнущую духами щёку, сказал Олег. – Проходи, садись, – забрал он у неё сумки.

– Я тебе тут поесть принесла, – Полина Игнатьевна поправила тщательно уложенные волосы и провела рукой по лицу, успокаивая дрожащие веки.

– ...Похудел-то как! – не сдержалась она, не сводя глаз с сына.

И как он мог подумать, что никому не нужен. Мать ведь есть мать! Сколько он себя помнил, мама всегда была рядом, водила его в музыкальную и художественную школы, спорила из-за него с учителями и врачами, училась вместе с ним.

Из-за его частых болезней она оставила работу, да так и осталась домохозяйкой.

Став взрослым, Олег стал тяготиться материнской опекой, и вечно занятый отец поддержал его стремление к самостоятельности. Так у него появилась эта маленькая квартира.

– Ну, как ты? Как? – повторила мать свой вопрос.

– А ты как? – ответил он вопросом на вопрос. – Не болеешь?

– С тобой да не заболеешь, – заворчала мать. «Глаза красные. Цвет лица... А ведь отец совсем не пил», – подумалось ей.

– Мам, ну всё же хорошо. Ко мне Наталья приходила сегодня.

– Чего уж хорошо. На тебе лица нет. Не ладится работа? – догадалась она.

– Не ладится, – согласился Олег обреченно.

– Может, бросить тебе всё. Жениться, устроиться куда-нибудь? – страдальчески-вопросительно взглядывала мать.

– У меня другие планы, – стараясь не встречаться с матерью глазами, ответил Олег.

– С планами твоими с ума сойти можно, – невольно приложила руку к сердцу Полина Игнатьевна – что-то опять закололо.

– Ну, мам, – успокаивал мать Олег, придерживая её за плечи и по-детски заглядывая в глаза. Чего она так разволно-

валась? Всё наладится, теперь уже верил он, поддаваясь хорошему сегодняшнему настроению. – Всё будет хорошо! – с расстановкой проговорил он.

– Я всё о тебе передумала и ничего не надумала, – не слушала его Полина Игнатьевна. Она знала, что хорошее его настроение, ни на чем не основанное, долго не продлится. Нужно трудиться, над собой в первую очередь. А он этого не хочет. – Какой ты маленький был! За всё брался, всем интересовался. Упрямый! Талант! Учителя великое будущее пророчили. И тогда ведь было нелегко. – Взгляд Полины Игнатьевны затуманился.

Она любила вспоминать школьные годы сына. Олег был послушным, и матери не приходилось за него краснеть. Учеба давалась ему легко, несмотря на дополнительную нагрузку в музыкальной и художественной школах. Когда-то она мечтала, что Олег станет музыкантом. Родителям всегда кажется, что их дети добьются в жизни того, чего не смогли добиться они. В доме не смолкал звук фортепиано. Но поняв, что сына больше привлекают краски и кисти, мать, как ему казалось, с легкостью простилась со своей мечтой. И вот уже она склонилась вместе с ним над столом. А он, белокурый мальчик, водит вспотевшим от волнения пальчиком по цветным репродукциям раздобытого матерью альбома и шепчет волшебные имена художников.

Тогда они были похожи друг на друга цветом волос и голубыми глазами. Но с возрастом волосы у Олега приобрели

темно-пшеничный оттенок, а в чертах лица, скулах и костистости носа проявилась отцовская мужественность. У матери волосы, наоборот, побелели и распушились, но она по-прежнему тщательно закрашивала седину и укладывала волосы красивой золотой волной.

– Мам, ну ты о себе расскажи. Что твоя ученица?

– Оленька – молодец! Так чувствует музыку! Она всё лето занималась. Тот трудный этюд, помнишь, он тебе всё не давался? Она сразу его одолела.

– Помню, – кивнул Олег. Хотя давно забыл все этюды. А мама по своему обыкновению путает фантазию с реальностью, уходит в воспоминания.

– Оленька мне все тайны свои доверяет. А ты? От родной матери прячешься! – вырвалось с обидой у Полины Игнатьевны. И снова закололо сердце.

– Мам..., – начал было Олег.

– Молчи уж, стыдно матери не доверять. Ты ведь маленький был – всё мне рассказывал. Как в первый раз влюбился, помнишь? В девочку из соседнего подъезда? Да как весь снег у них под окном раскрасил?

– Помню. Первый мой художественный опыт. Уж и мучился я, и горд был. А снег растаял... – и всё.

– Сколько тебе тогда было? Да девочку-то как звали, запомнявала?

– Десять лет. Леночка в параллельном классе училась, и внимания на меня так и не обратила. До чего обидно было.

Они замолчали, думая каждый о своем.

– Мам, я тебе должен что-то сообщить, – сказал Олег. –

Ты только не волнуйся...

– Хорошее начало! – вырвалось у Полины Игнатьевны.

– Я решил в эксперименте одном принять участие... Наталья меня уговорила. «Идеальный мужчина» называется, – Олег погладил дрогнувшую материнскую руку.

– Что? Какой еще эксперимент? – настороженно спросила она.

– Там врачи-психотерапевты, наркологи и... ну, в общем, идеального из меня сделают, – с остановкой проговорил он...

– Ой, Олег-ег! А это не опасно? – в голосе матери зазвучал страх. – Да ты у меня и так идеальный.

– Я всё решил. В понедельник поеду в клинику. Профессор Сидоров. Может, ты читала? Про него много пишут. – Встав, он принес из кухни брошюры. – Вот, посмотри...

– Как же так, Олег? – волновалась мать, теребя в руках брошюры. Поняла, что спорить бесполезно.

– Ты возьми, почитай дома.

Она машинально кивнула.

– Это так неожиданно. Надолго это? – достала платочек – глаза стали слезиться.

– Мам, я уже взрослый. Потом, ты же сама хотела, чтоб я женился, – обнял её сын, успокаивая. – А там, кажется, и это запланировано... Я обязательно тебе позвоню в понедельник, как всё пройдет.

– Что ж мы сидим-то! – засуетилась Полина Игнатьевна, пряча глаза, боясь выдать обиду, – опять всё решил без нее. Всё Наталья да Наталья! Какая из нее жена? Она и готовить-то не умеет! Олег сам всё.

– Чем хоть ты тут питаешься? – пройдя на кухню, спросила Полина Игнатьевна.

– О, у меня картошка есть, бутерброды Натальины остались, – весело ответил Олег.

Полина Игнатьевна приободрилась, и они стали вместе, как в детстве, хлопотать над столом. Мать достала из сумок теплоукутанный борщ, курицу, стала командовать по старинке, а Олег ей с радостью подчинялся. Нарезали салат, мать умело его украсила, всё расставила на столе.

За едой о проблемах не говорили – так издавна было заведено матерью. Восхищались осенью. Это было их любимое время года. Вспоминали стихи. Когда-то это была их игра: кто больше вспомнит стихов.

– Может, оно и правильно, что ты так надумал. Может, всё к лучшему, – сказала мама.

– Я тоже так думаю, – ответил Олег.

– В гору всегда трудно подниматься, а с горы легко катиться, Олежек..., – говорила она. – Я, пока ты болел, в церковь ходила, свечи за тебя поставила и Богородице – Неупиваемой чаше, и Николе-угоднику... Сон мне приснился, будто тебя маленького песком засыпало и ты чуть не умер. Но какие-то люди помогли тебе выбраться, и ты жив остался. Чу-

дом, понимаешь?

– Ну, мама, что ты? Со мной ведь ничего такого не может быть.

– Ты ведь у меня единственный сын. Я боюсь за тебя, как бы ты с пути не сбился, себя совсем не потерял... Тебе уже тридцать лет, а у тебя ни работы постоянной, ни семьи. А я ведь обыкновенная старуха, я внуков понянчить хочу.

– Мам, ну какая ты старуха?

– Да-а, – протянула мать раздумчиво. – Маленькие детки – маленькие бедки... – Полина Игнатьевна замолчала. Взглянув на Олега, заговорила нерешительно, собираясь с мыслями:

– Не знаю, сказать тебе или нет... Танечку я тут встретила с молодым человеком. О тебе поговорили. Она зла на тебя не держит.

У Олега кольнуло в груди – быстро же она его забыла. Но вслух сказал:

– Я рад за неё.

– Она сказала, что по-прежнему остается твоей поклонницей. Эх, Олег, она могла бы стать тебе хорошей женой!

– Мама... Ну, сколько же можно об этом.

– Я боюсь, что ты ещё пожалеешь о ней.

– Мама, я её не любил. Да и она, по-видимому, тоже.

– Вот это неправда. Что ты, мальчишка, знаешь о женской любви? – горячилась мама.

– Не нервничай, мам.

– Да и что такое любовь? Это труд совместный, умение прощать, верность!

– Верность чему? Скажи ещё, супружеские обязанности.

– Да, и супружеский долг.

Вот так всегда случалось с ними. Неожиданно распорядятся. Всё же мать принадлежит к другому поколению и в чём-то не может его понять.

Полина Игнатьевна молча собирала сумки и удивлялась, почему сын не хочет понимать очевидных вещей.

– Неужели эта Наталья лучше? – спросила она с оттенком неприязни.

– С Натальей мы друзья.

– Это ты ей друг. А у неё, может быть, другие планы.

Сколько ей? Под тридцать? Ей замуж давно пора.

– Мам, ты её совсем не знаешь!

– А ты себя не знаешь. Окрутит она тебя.

– Мне теперь три месяца не до женщин будет.

– Ой, Олег, – снова заволновалась мать перед неминуемым расставанием. – Ты на меня не обижайся, – собираясь уходить, проговорила она. – Я тебе добра желаю и верю в тебя. В отца твоего верила и в тебя тоже. Ты, как он – упрямый. Всё равно на своём стоишь.

– Мам, всё будет хорошо, – целуя её и помогая ей одеться, говорил Олег.

– Ладно уж, – ворчала Полина Игнатьевна. – Я тебе вечером еще позвоню, можно?

– Конечно, – согласился сын.

– А завтра приходи на обед. Обязательно. Только без Натальи приходи.

– Хорошо, мам, завтра приду.

– Я тебе там деньги оставила на столе, – сказала Полина Игнатьевна. – Не умирать же тебе с голоду.

Олег проводил мать до лифта, проследил из окна за удаляющейся в направлении остановки материнской фигурой.

Как любил он в детстве угадывать из окна материнскую стремительную походку. И, встретив её в прихожей, уткнуться в её теплую грудь, пахнущую духами и ждать, что же она для него достанет из сумки.

Как жаль, что навсегда ушли те времена, где всё было просто и ясно, и мама с папой знали ответы на все вопросы.

Полина Игнатьевна торопливо шла по улице, а мысли её все ещё были с Олегом. Какой он не приспособленный к жизни. Всё витает в облаках. Может, и правда ему нужен эксперимент? Но Наталья! Представить её своей снохой Полина Игнатьевна не могла. Такие ли девушки были в её пору! Да что он может понимать в женщинах, в жизни – её маленький Олежек!

Последнее время она часто вспоминала молодость. За обложкой старого альбома нашлась давно потерянная фотография Славика.

Находка взволновала Полину Игнатьевну. Она так и замерла с фотографией на коленях, уйдя в прошлое. Теперь

такое с ней случалось, она могла несколько минут просидеть как бы в прострации. Нахлынули воспоминания, прихватило сердце, и пришлось пить корвалол. Оказалось, что эти воспоминания болезненны, и память, может быть, жалея её, куда-то прятала их до сих пор. Память всегда подсовывала общие, стандартные воспоминания: походы, праздничные вечера в музыкальном училище, первые успехи.

А ведь её настоящий успех начался со Славика. Ей и раньше говорили, что она талантлива, аплодировали на концертах. Впрочем, как и некоторым другим. Но поверила она в себя тогда, когда ей, никому неизвестной молоденькой аккомпаниаторше, преподнес букет смущённый худенький паренёк. Это был Славик. В тот миг она была под властью музыки, он тоже. И после ей казалось, что их души настроены одинаково.

Как много у них было общего! Но жизнь всё решила по-своему.

Кто в молодости не делал ошибок, ведь разобраться в жизни в двадцать лет очень трудно... Нет, мужем Полина Игнатьевна была довольна. Его и сына она любила самоотверженной любовью, подчас совсем забывая о себе. Теперь она терзалась этим. Всё ли она сделала правильно в своей жизни. Может, в бедах своего сына тоже виновата она? А своя, личная жизнь? Ей стало казаться, что, выйди она замуж за Славика, жизнь могла бы сложиться по-другому, лучше для неё. Что она сделала доброго в этой жизни? Но поздно, поздно.

И у неё ведь есть Олег. Теперь ему предстоит искать ответы на вопросы: что такое любовь? что такое счастье? И решать сложные задачи, которые ставит порой жизнь. Справится ли он, и чем она, мать, может ему помочь?

Глава 4

Всё же сегодня Наталья устала. Её измотали статья, разговор с Олегом, суета вокруг картин. Вечером она повезла статью в журнал и попала на субботнюю попойку по случаю премии знакомого журналиста.

... – У-у, Наталья, – загудели радостные от выпитого журналисты.

Вадик – самый популярный репортёр журнала – стряхнул со своего плеча руку изящной, но чересчур болтливой Юли, бросился обниматься.

– Поздравляю тебя, Вадик, растёшь, – коротко улыбнулась Наталья, уклоняясь от объятий.

– Штрафной! Штрафной! – кричали со всех сторон.

Запах духов, сигаретного дыма и спиртного дыхания восьми человек заполнил небольшую комнатку. Столы сдвинуты, на полу и подоконниках – кожура от апельсинов и бананов...

– Так, так, – вышел на шум главный редактор Смоляков. – Наталья, прошу ко мне. – Ему пришлось повысить голос, чтобы перекричать гул своих подчинённых.

– Ну, босс сейчас к чему-нибудь придерётся. Час уже её ждет, – злорадно сказала, облизывая пальчики, измазанные

шоколадом, Юля, снова очутившаяся рядом с Вадиком.

– Да чего там! У Натальи всегда все о'кей, – сказал он. – Серёг, ну-ка ещё по одной, и расскажи, что у вас там за дела с профессором Сидоровым? – спросил Вадим пришедшего незадолго перед Натальей Сергея Парфёмова, своего друга, спецкора из «Центральной».

– Мухин там чего-то копает. Взял отпуск на три месяца для участия в эксперименте. Кстати, я случайно подслушал разговор его с ней, – кивнул он на дверь и понизил голос. – Якобы Мухин приглашение в клинику для Олега Дубова – её дружка – достал.

– Ну-ка с этого момента поподробней. Давно мы о Дубове не писали. Отойдём-ка, – поставил Вадик рюмку, глаза его загорелись. – Кыш, Юлька, у нас мужской разговор, – беззлобно прогнал он девушку.

Та, скорчив обиженную гримасу, отошла.

– У Дубова творческий кризис. Ты помнишь, как его критиковали на последней выставке? – спросил Сергей. – Рисунок слабый, неоригинальны цветовые решения. Техника подавляет вдохновение. «Провинциальный калейдоскоп» тогда постарался. А Маховский вообще назвал его творческим импотентом...

– А... Маховский! Наш местный Фрейд! «Связь эротики и искусства», – засмеялся Вадик.

– Помнишь его эротический натюрморт? – приснул Сергей.

– Ха-ха, – Вадик склонился с сигаретой к сидевшему на подоконнике Сергею. – Кстати, нашему корифею на днях стукнет полтинник, ты знаешь?

– Тише ты, обожжешь меня, – остановил тот друга. – Мне он как-то не очень интересен. Я думаю, Дубов намного талантливее.

– Кто бы спорил... А у Дубова действительно на этой почве проблемы? – изображая щелчок у горла, спросил Вадим, не обращая внимания на боящегося за свой костюм Сергея.

– Кто его знает. О нём последнее время вообще ничего не слышно. А ты у Натальи разведай! – посоветовал ему Парфёмов. Вадим скептически скривил губы.

За столом раздался взрыв женского смеха. Оба присоединились к застолью.

Наталья вскоре вышла, с победным видом подняв два пальца вверх. До её слуха донеслись обрывки разговора, взаимные шуточки и подколы коллег. Она не стала поддерживать разговор, отнекивалась на все предложения. Ссылаясь на усталость, заторопилась домой.

– Наталья, ну когда ты ещё придешь, – помогая ей одеться, донимал пьяной нежностью Вадик. – У меня сегодня повод, домой можно не спешить, поболтали бы по старой дружбе, – погладил он её по плечу, касаясь щекой её волос. – Ты же знаешь, как я к тебе отношусь!

– Домой, Вадик, всегда надо спешить. Тем более, когда там жена и дети.

– Фу, – сморщился обезоруженный Вадик. – Как ты про-
заична. – Мы ведь даже за твой успех не выпили.

– С Юлей выпьешь, – кивнула Наталья в сторону раскрас-
невшейся журналистки. – Да тебе, мне кажется, уже хватит
на сегодня, – сказала она.

– Мне? – удивился он и тихо добавил. – Как скажешь... А
хочешь, я всех их брошу, и мы с тобой уйдем отсюда?

– Зачем? – холодно ответила она. Когда-то у них был ко-
роткий роман, который не имел шансов на продолжение.
Неужели он этого так и не понял. Или он считает, раз она
одна, то...

– Ну, Вадик, всё, – с силой разжав его цепкие объятия,
увернулась-таки Наталья. Она знала, что к утру он забудет,
с кем пил, с кем обнимался и кому объяснялся в любви.

– Ну, всё, пока всем, – попрощалась Наталья у двери,
послав воздушный поцелуй. Под укоризненным взглядом
уборщицы вступила на мокрый пол лифта. Вздохнула – се-
годняшний день наконец-то кончился.

Мягко захлопнулась стеклянная дверь редакции, и она
вдохнула густой осенний воздух. Уютно светили фонари.
Тротуары были полны влюбленными. Дробились, отражаясь
в стёклах авто, вечерние огни. Первые этажи на этой улице
сплошь занимали кафе и ресторанчики, мелькая призывны-
ми огнями. Компаниями и парочками к ним спешила моло-
дежь. Раздавались смех, сигналы машин и мобильных теле-
фонов. Выше тепло светились занавешенные окна квартир,

отождествляя собой семейный уют.

Похолодало. Уличный ветерок сдул с неё заботы дня и приторный флёр вечеринки. На остановке она находилась почти в одиночестве. В её сторону автобусы ходили плохо.

Чем там занимается сейчас Олег? Думает ли о ней хоть немного? Наталья рада была, что с экспериментом всё так быстро уладилось. Алик Мухин звонил ей и сообщил, что приглашение на имя Олега уже у него в кармане.

Завтра с утра она заедет к нему и заберёт. Затем поедет к Олегу, он её будет ждать. Олежек, глупый маленький мальчишка, куда он без неё? Её снова охватила жалость, едва вспомнились его худое застывшее лицо и грусть в глазах. Женщины всегда его жалели. А бабья жалость, как известно, и есть любовь. Вот жалость мужская не похожа на женскую. Она часто ведёт в постель, там же и заканчивается.

О Наталье ходили слухи, будто у неё было много любовников. Но это было не так. Даже если страсть и толкала её в чьи-нибудь объятия, она же и унижала её отсутствием любви. Повторно она уже ни с кем не встречалась. И лишь в Олеге она почувствовала родство. Будто она была частью его тела, как рука или нога. Она совсем его не стыдилась. В период их близости он создал ряд интересных женских портретов, и хоть навеяны они были литературными и драматическими образами и писались с разных натурщиц, Наталья везде угадывала себя. И неудивительно, она столько времени проводила с художником, направляла его кисть. Вдыхала вместе с

ним душу в его творения. И вместе, только вместе они добились успеха. О нём заговорили, брали интервью газетчики, снимали для телепрограмм. И он пошел в гору. Развил свой талант, ушёл в своих мечтах и их воплощении дальше Натальи. Она только удивлялась и вдохновляла его.

И вдруг появилась Танечка. Как всё в жизни бывает вдруг и некстати! Наталья будто лишилась тела, души и смысла жизни. А приходилось жить, улыбаться и делать вид, что ничего не произошло, что главное для неё – работа, а любовь – это так, для молоденьких девочек.

И вот теперь Танечки нет, и ей необходимо стереть в душе Олега всякую память о ней. Она сможет, ведь она красива, умна, и она любит его. Любит, как никакая другая его не любила.

Глава 5

Утром Наталья встала рано. Можно было поспать подольше, но не спалось. Вымытые с вечера волосы распушились и пахли шампунем. Она посидела перед зеркалом, улыбаясь самой себе, накрутила волосы на спиральные бигуди – хотелось быть красивой. Напевая, занялась завтраком.

– Ты никак куда-то собралась? – медленно со вздохами усаживаясь на табурет, спросила мать.

Дымился в чашках кофе, аппетитно пахли блинчики.

– Собралась, мам, – подливая молоко, ответила Наталья, ничего не объясняя. В умных глазах Марии Петровны мелькнула догадка. Она опустила глаза, окончательно осознавая,

что её догадка верна, поправляя на груди цветастый фланелевый халат, – всё время мерзла. Незаметно вздохнула.

Мать у Натальи полная, одышливая. Сердечная болезнь и связанная с ней неподвижность сделали её такой. Они совсем непохожи внешне. Но было у них и общее: умение быстро реагировать на события, здравомыслие... и гордость. Благодаря последней Мария Петровна всю жизнь прожила одна, даже алиментов на дочь ни от кого не получала. Проработала всю жизнь скромным библиотекарем. Но для дочери желала жизни другой – яркой, поэтому с детства приобщала её к искусству. Теперь она могла быть довольна: у дочери хорошая работа, её статьи печатаются в журналах. Вот только с семейной жизнью никак не складывается. Втайне мать корила в этом себя. В то время, когда все подружки пропадали в компаниях, её Наташка сидела за книгами. Лучшее время было упущено. Подружки повыходили замуж, а её красавица-дочка все была одна. Правда, потом со сменой работы всё изменилось: Наташка стала бывать на людях, появились поклонники. Они приходили, обрывали телефон, попадались даже серьёзные люди. Да всё ненадолго. Наташка почему-то очень быстро во всех разочаровывалась. «Уж не в старых ли девах ты собираешься оставаться?» – сокрушалась Мария Петровна. «А что, это идея», – шутила в ответ дочь и уходила с головой в работу.

А когда три года назад появился Олег, Марии Петровне он не понравился. Они вместе с дочерью критиковали его

образ жизни и некоторые произведения, но, несмотря на это, Наташка всё больше влюблялась в него. Такого ли желала мать для своей дочери – быть женой художника! – терпеть его нервы, беспорядочную жизнь. Но на удивление, оказалось, что ни он, ни она и не думают о женитьбе. Мария Петровна уж готова была стать бабушкой внебрачному ребенку. Но и это было не суждено. «Какой ребенок, мама, откуда? У таких, как мы, детей не бывает». – «Что же за жизнь ты себе приготовила, дочь?» – задавалась вопросом мать.

Мария Петровна очень любила дочь, но, привыкшая к сдержанности, скрывала это. И вот сейчас каким-то вторым чувством догадалась, что опять объявился Олег.

– Не связывалась бы ты с ним. Он же одни несчастья тебе приносит, – не сдержалась мать.

– Мама, ты всё преувеличиваешь, – удивленно вскинула изящно очерченные брови дочь. – Он сейчас совсем один. Ему некому помочь. К тому же с завтрашнего дня он ложится в клинику профессора Сидорова. Помнишь, я тебе про него рассказывала? Я должна отвезти Олегу приглашение.

– Ой, дочка, не верю я в твоё с ним счастье. Поверь мне, коль раз он тебя оставил, оставит и ещё. А мне так хочется тебя счастливой увидеть. Вот увижу тебя с хорошим мужем, тогда и умирать можно. Я чувствую, мне недолго осталось.

– Мам, ты эти мысли брось. Я буду счастлива, и ты это увидишь, и внуков ещё вырастишь.

Мария Петровна вздохнула, уже не таясь.

– Я ненадолго сегодня. Часа на три. Надо помочь ему собраться. А потом мы устроим с тобой грандиозный пир, – поцеловала Наталья мать. – Ты таблетки приняла?

Мать кивнула, чувствуя, как боль теснится в груди и становится трудно дышать. «Ну что ты с ней будешь делать? Летит, как бабочка, сама не зная куда, не понимая, что можно не только крылья обжечь, а и душу опалить».

Не такой ли была она сама, когда влюбилась в женатого профессора-филолога. Да настолько, что однажды, засидевшись с ним допоздна в библиотеке, сама объяснилась в любви. Ей тогда было столько же лет, сколько и Наталье.

Профессор уехал к семье в Москву, и Машиной судьбой, а тем более судьбой дочери никогда не интересовался.

Альберт Иванович Победимцев... Надо когда-нибудь собраться и всё рассказать дочери.

– Мамочка, я обязательно приду к обеду, – целуя мать на прощанье пообещала Наталья.

– Иди уж, – любуясь дочерью, сказала мать. Необычайно хороша она сегодня: локоны рассыпались по плечам, в глазах душа светится. Мать отвела глаза. Ох, не к добру всё это!

Мария Петровна боялась таких порывов дочери, если это не было связано с работой. Наломает дров, потом жалеть будет. Спрячется, как улитка, со своей болью... Мало ли этот Олег боли ей принес своими изменами. Теперь он одинок, и она к нему побежала. Но ведь не любит он её! Да неужели ж дочь ждёт та же судьба, что и мать? Быть однолюбкой – это

всё равно что обречь себя на одиночество. Мария Петровна доковыляла до дивана, привалилась к подушке, закрыла глаза...

Глава 6

Воскресное утро было в разгаре, улицы заполнялись народом. В основном это были мамы с нарядными детьми, попадались и целые семьи. Неподалеку раскинулся приезжий цирк, и все направлялись туда. Цирк – это здорово! Это детство, праздник. «Хорошо бы с Олегом сходить в цирк», – подумала Наталья. Однажды они были с ним в зоопарке. Вместе смеялись над макаками, сочувствовали медведю, грустно глядевшему из клетки. Тогда это особенно сблизило их. Впрочем, тогда они и без этого были близки. Наталья ловила на себе заинтересованные взгляды прохожих и радовалась солнечному дню, ветерку, развевающему локоны.

Всё будет хорошо! Она верит в свои силы.

Алик Мухин ждал её. Чисто выбритый, он благоухал модным ароматом в смеси со вчерашним спиртным.

– Ух ты, и для кого такое счастье? – картинно припав к ее руке лягушачьим ртом, промурлыкал он. Наталье была знакома его фальшивая манерность. Ну что поделаешь, любит Алик яркие слова и красивые жесты. – И почему это не для меня? – продолжал он, слегка проводя кончиками пальцев по её талии, отчего Наталью неприятно бросало в дрожь. – Стбит ли этот бледный рыцарь та-акой женщины? – подчерк-

нул он. Наталья знала Мухина давно, и сегодня была готова терпеть его кривлянье, но руку его всё же отвела.

– Брось ты, Алик, – остановила она, не в силах скрыть отвращение.

– Слушаюсь, слушаюсь, – демонстративно опустив руки по швам, сказал Алик. Трагически молчал, нервируя паузой опустившую глаза Наталью.

– Поздравляю. Слышал, статейка шикарная готовится в «Культуре», – продолжил, довольный произведённым эффектом. «Пришла просить, а ещё недотрогу из себя гнёт», – усмехнулся он про себя.

– А-а, не с чем ещё, – отмахнулась Наталья.

– Мне что ль написать о ружьишках. Ведь у них, наверняка, интересное прошлое, – мечтательно сказал Алик.

– Займись, проведи исследование, придумай что-нибудь, – проговорила Наталья, зная о его чёрной зависти к чужим успехам.

– Да нет, пожалуй, не буду у тебя хлеб отнимать. Меня профессор Сидоров очень заинтересовал. Горячий материал может получиться. Я ведь не ради себя, а ради дела иду на эксперимент. Интересное дело наш профессор затеял, вот только что из всего этого получится неизвестно.

– А я, насколько о нём читала, почему-то верю в успех, – приободрилась Наталья.

– Ну, держи, – протянул Алик, достав откуда-то сзади синий конверт. Подхватил двумя руками Натальину руку. – До

чего хороша, отпускать не хочется, – промурлыкал он, заглядывая ей в глаза.

– Спасибо тебе, – нашла в себе Наталья силы и улыбнулась. До чего противны бывают иные комплименты. – По-ка! – попрощалась она.

– Пока-пока! – сладким эхом, расплываясь в улыбке, сказал Алик. – Может, всё же зайдешь на минутку, подождёт твой Олег, – вкрадчивым голосом, несоответствующим похолодевшим вдруг глазам, спросил он.

– Ну что ты! – уже на бегу крикнула Наталья. На лице Алика отразилась ненависть – истинная суть его души.

Но Наталья этого уже не видела. Ей казалось, что он обладает удивительной, какой-то детской непосредственной навязчивостью. С той только разницей, что дети ни в чём не ищут выгоды, а Алик искал её во всём. Он любил делать небольшие услуги с дальним прицелом, сам предложил Наталье достать для Олега приглашение, объясняя это заботой о нём. Наталья была рада этому предложению, и не успела подумать о том, какие цели преследует Алик. Думать ей и без него было о чём.

Три остановки на трамвае – и она у Олега. Как всё же здорово, что тебя где-то ждут, ждёт любимый!

В лифте празднично пахло духами. Выйдя на девятом, с замиранием сердца ждала ответа на звонок. В том же волнении ткнулась Олегу в грудь и вместо приветствия подставила губы для поцелуя. Разве она этого не заслужила? Ощутила

на губах осторожный поцелуй. Ещё. И ещё.

– Наташка, какая ты молодец! – сказал удивлённый и ошеломлённый Олег. – Ты знаешь о том, что ты самая лучшая женщина на свете?

– Держи, – достала из сумочки приглашение Наталья.

Он такой близкий и родной, но всё ещё очень бледный. Одна из его поклонниц сравнила его с благородным принцем. Сейчас он был именно такой. А какой он был на самом деле? Наталья любила его всяким. Всяким. И всё ему прощала.

– Ты – золото! – всё ещё не отпускал он её. – Ты вернула меня к жизни.

– Ну, всё-всё, времени нет, – сказала, выскальзывая из его объятий, Наталья. А кто-то ещё сомневался, что он её любит! – У нас на всё про всё три часа. В обед мне надо быть дома.

– И я должен у мамы обедать, – сказал Олег. – Ну-ка, что тут за приглашение? – с интересом разглядывал Олег открытку с его именем и сложной аббревиатурой научно-исследовательского института. – Ого!

– Переодевайся давай! – торопила его Наталья.

Им ещё нужно было обежать магазины, у Олега даже приличной сумки не нашлось, куда можно было бы сложить вещи. И ещё сколько разных мелочей, упомянуть которые он, конечно, был не в состоянии.

Они закрыли дверь квартиры, дождались автобуса и по-

ехали в центр. Всё делали дружно и слаженно, словно были образцовой семейной парой, отправляющейся в выходной день за покупками.

Обошли торговые ряды. Уставшие от шума и толчеи, присели в уличном кафе.

– Вечером я приглашаю тебя на ужин, – в духе старинных романов сказал Олег.

У Натальи дух захватило – умел он в банальнейшую фразу вложить иной, возвышенный, понятный лишь двоим смысл. Будто коснулся души ласковый ветерок.

– Приглашение принимается, – ответила она, улыбнувшись.

На обратном пути Олег купил подруге букетик пёстрых растрёпанных астр. Наталья притихла. Цветы шли к её чёрным волосам, в глазах, прячась за ресницами, светилась их общая тайна.

– Смотри, какие яблоки! – увидела Наталья у старушки на углу крутобокие антоновки.

– Возьмём? – спросил Олег. – Ты ведь любишь яблоки? – И принял от улыбающейся старушки пакет.

– Кушайте на здоровье. И дай вам Бог счастья! Никогда не расставайтесь! – напутствовала их старушка.

Да, они и были счастливы.

Обычно люди пытаются спрятать счастье от чужих глаз, это беду выставляют напоказ в надежде на жалость и сочувствие. Счастьем же делиться с другими необязательно. И

только влюблённые не в силах ничего утаить.

Со стороны они выглядели влюблёнными. Наталья чувствовала в себе столько любви, что, казалось, хватило бы на весь мир. Вроде не было сказано ничего особенного, те же листья на асфальте, такой же день, как и вчера, но он ощущался как счастливый.

Они шли по хрусткому ковру из листьев, любуясь солнцем, скользящим сквозь золотую вязь деревьев, бросали друг другу ничего не значащие фразы и знали: эту ночь они проведут вместе.

Вечером унылая квартирка Олега была наполнена счастьем. И даже больше чем счастьем, ожиданием его. Олег гениально жарил мясо, чистил картошку, не подпуская ни к чему Наталью, – находила иногда на него такая блажь. Наталья любовалась его руками, и не было для неё никого ближе. А из-под его рук мягко струились картофельные стружки.

– Ты сегодня у меня в гостях, – говорил он Наталье. Она соглашалась, но было странно чувствовать себя гостьей в доме, где когда-то была почти хозяйкой.

Они пили вино, слушали музыку. Она не узнавала его. Её Олег – был Олег-художник, а сейчас перед ней был просто мальчишка. Что-то открылось в нём, простое, человеческое, примитивное, может быть. Они, как и накануне, совсем не говорили об искусстве, не спорили о художниках и их картинах. Они и дальше инстинктивно соблюдали это негласное табу. Наталья чего-то ждала от Олега, от сегодняшнего вече-

ра. Она знала: она ему нужна.

– Я с тобой будто вернулся к жизни, – сказал он, сидя за столом напротив неё. – А жизнь такая большая. И в ней много всего: и плохого, и хорошего.

– В ней больше хорошего.

– Тогда за хорошее! – поднял Олег бокал. – Сегодня и правда хороший вечер. Золотой. Посмотри за окно: какие листья в свете фонарей! Чудо!

– Можно ведь быть просто человеком, любить и быть любимым. Праздновать, в конце концов. Как мы с тобой, – говорил он.

– И что же мы празднуем? – спросила Наталья, опуская взгляд в бокал, будто пытаясь на дне его отыскать ответ на свой вопрос.

– Праздник душевного равновесия. Осенний бал, – сказал Олег.

– Лишь бы только не равнодушия, – заметила Наталья, вздохнув.

– Ну что ты! – запротестовал Олег. – На празднике нет места равнодушию, – продолжил он. – Сейчас я буду за тобой ухаживать. Такого эскалопа ты не ела давно, уверяю тебя, – наполнял Олег её бокал. – Ты должна его оценить. Но после этого бокала.

– Ты сегодня решил меня спить? – смеялась Наталья; ей сделалось радостно и тепло на душе. Нежданный и странный вечер! Такие, наверно, бывают раз в жизни.

Потом они вместе убирали со стола, касаясь друг друга руками. По очереди принимали ванну. Когда Наталья вышла из ванной, Олег с полотенцем на бедрах жонглировал яблоками и апельсинами.

– Ты ведь хотела в цирк?

– Когда ты так научился жонглировать? – удивилась Наталья, смеясь.

– Сегодня, пока тебя ждал. Оп-п! – наклонился он, подхватив у пола яблоко.

Наталья шагнула к нему и нарушила яблочно-апельсиновую радугу. Фрукты посыпались на пол.

– Я соскучилась по тебе, – прижалась она к его тёплому плечу лицом, щекоча мокрыми на кончиках волосами.

– Вот всегда так. Такой номер испортила, – взяв её лицо руками, сказал он. От рук пахло апельсинами и яблоками, и совсем не пахло красками.

– Я тебя люблю, – сказала она.

– Я знаю, – прошептал он. – А ты всегда будешь любить меня? – голос его дрожал.

– Всегда. – Он осторожно поцеловал её в губы и осторожно отстранил.

– Ещё один смертельный номер. Алле-гоп, – сказал он, срывая с бедер полотенце и оставаясь в плавках. Айн, цвай, драй, – сказал он, сжав зубами кончик полотенца, другой рукой ловко и незаметно для Натальи разлил вино в бокалы.

– Прошу, мадемуазель, – протянул он ей бокал. – За лю-

бовь? – вопросительно взглянул ей в глаза.

– За любовь! – тихо отозвалась Наталья.

– Ты сегодня такая нежная и... красивая, – сказал Олег, не отводя глаз.

– Да-а? – переспросила Наталья, не найдя что сказать от нахлынувших чувств.

– Я хочу выпить за... нас, – донеслись до неё долгождан-ные слова, вернее, не слова, а то, что было за словами.

Тело будто онемело. Медленно-медленно приближались к ней лицо Олега, его глаза, губы. Обнимая её, он осторожно взял у неё из рук бокал и поставил на стол. Бокал перевернулся, и несколько капель образовали красное пятно на ска-терти. Пятно некоторое время занимало мысли Натальи, и ещё закатившееся под тахту яблоко, которое почему-то на-веяло ей мысли об Адаме и Еве. Она куда-то плыла и падала, увлекаемая Олегом, его руки подхватывали её, мысли пута-лись, и радость раскрывалась в её душе, как бутон...

А потом он уснул. Просто, как засыпают младенцы, насо-савшись молока, и спал, так же тихо, как младенец. А она лежала и плакала... Тихо, почти без слёз. Боялась, что к утру будут опухшие глаза, а ведь завтра им ещё ехать в клинику. Не боясь разбудить Олега, закурила сигарету прямо в постели. Он застонал во сне, и рука его случайно упала ей на жи-вот. Рука была тёплая и тяжёлая. Она тихонько убрала её. Всё в нём было чужое, даже его рука, которой она так лю-бовалась несколько часов назад. Он обманул её – он её НЕ

любит! Его не было с ней. Его вообще нигде не было! И зачем нужен был весь этот обман? «Миленький ты мой, возьми меня с собой, там, в краю далеком, буду тебе чужой...», – мысленно пропела она. Чужая... она ему чужая, и она ему не нужна.

В ней проснулась жалость к себе и злость на кого-то, только не на Олега – что с него взять? – и не на Танечку. Танечку она теперь поняла, с ней было то же самое. Она курила и ждала, когда злость осядет в душе, но злость не проходила.

Сколько ещё женщин поплачет из-за этого пай-мальчика со страдающим лицом? И что же они получают за любовь? Портрет с натюрмортом? Спасибо, дорогой! Нет, всё же она злилась именно на Олега. Откуда только он взялся на её голову?!

Наталья зло затушила сигарету. Спит, как ангел. Да и виноват ли он в том, что не умеет любить? Господи, почему всё так? Неужели счастье – такая недоступная вещь в этом мире? Пусть едет в эту клинику. Может быть, там его научат любить. Но ведь было же, было, всё было у них двоих. Или только казалось?

Неожиданно мысли её перекинулись на работу, на картины... Мелькнула догадка. Она поняла, постигла, наконец, то, что искала в биографии художника и его картинах. Порывшись в сумочке, достала блокнот и ручку. Она больше не обращала внимания на спящего Олега, принялась писать...

Олег всегда мог просыпаться без будильника. Пока он

брился и умывался, Наталья хлопотала на кухне. Была молчалива и деловита. Он догадался: она специально встала раньше... Кто разберёт этих женщин! Только ночью она была полностью в его власти. Да полно! Никогда она не была в его власти, это он опять попал под её влияние. Возникло откуда-то раздражение: вечно она заставляет его плясать под свою дудку. Может быть, права мама, вовсе она не любит его, а ведёт как слепого котенка. Нужен ли ему этот эксперимент, засомневался он опять. Но что же делать?

– Поторопись, – позвала Наталья. – Добираться долго. Смотри, какая погода. Наталья была удивительно спокойная и чужая. – Туманище! – выглянул он в окно. Ничего не видно, – удивился Олег. – Но ты ведь не из-за погоды такая?

– Какая? – безразлично переспросила Наталья.

– Наташ, ну чего ты? – попытался восстановить отношения Олег, дотронувшись до её руки. Словно обжёгся.

– Тебе с сыром? – спросила Наталья, никак не реагируя на его прикосновение. Положила бутерброд ему на тарелку.

– Наташ, – начал было он опять.

– Ешь. Нам надо торопиться. – Она скользнула мимо, оставляя облачко духóв.

Запах их почему-то горчил и навеял грусть. Вечно эти нелепые ассоциации, подсадовал Олег на способность своего мозга материализовать из ничего какие-то чувства и ощущения. Впрочем, грусть, наверное, никуда и не уходила. Она так и жила подспудно в нём, только утяжелилась, будто на-

мокла чьими-то непролитыми слезами. Возникло непонятное ощущение тревоги, жалость к Наталье, желание защитить её от чего-то.

– Тебе было плохо со мной?

– Нет.

– Прости, что я такой никчемный, и всем приношу несчастья.

– Брось ты это, – поморщилась Наталья. Ей не нравилось, что он закрывался самоуничижением, как щитом. – Просто ты слишком растворяешься в людях. Они уходят и уносят с собой частичку тебя... Как твоя Танечка, как другие... Так легко талант растерять. А без таланта ты – это не ты.

– Да и есть ли он, талант-то? – засомневался Олег.

– Ну, – Наталья развела руками, – с таким настроением нам давно пора быть в клинике.

Город просыпался. Громыхали тяжёлые машины – власти всё никак не могли построить обещанную несколько лет назад объездную дорогу! – дребезжали разбитыми дверями дверьми автобусы. Хмурые прохожие, ежась от утреннего холода, ныряли в туман. Почти невидимый, шелестел метлой дворник.

Беспросветный туман несколько смягчил грусть. Наталья даже пыталась шутить, что в таком тумане и такси не найдёшь. Но машина приехала быстро и повезла их загород.

Дорога предстояла дальняя. Превращаясь в сплошную серую массу вдаль, туман стелился у асфальта, не давая шо-

феру набрать скорость. Наталья сидела молчаливая и тихая, казалась Олегу недоброй. Изредка они перекидывались парой слов. Всё же она сильная женщина! Олег невольно любовался ею.

Эту ночь она почти не спала, но была из тех женщин, которых бессонница и злость делают красивее. Было в ней что-то новое, чего не было вчера, это что-то появилось, видимо, ночью. Он пытался определить свою причастность к её перемене, но вновь и вновь натыкался на её отчуждённость.

– Наконец-то тебя запрут на три месяца. Хоть под приглядом будешь, а то хуже маленького ребёнка, – сказала она.

– Я тебе так надоел? – пытался Олег взять Наталью под локоть.

– Ты сам себе надоел, – капризно отдернула она руку. Через зеркальце на них поглядывал шофёр, откровенно любясь ею и явно завидуя Олегу. Это видела и Наталья.

– Да уж, ни свободы, ни развлечений, ни женщин, – отвечал Олег, почему-то с грустью подумав о Наталье: любила ли она его когда-нибудь? Только вчера ему казалось, что любила, а сейчас вдруг стала чужой. Достав косметичку, Наталья стала подправлять губы и глаза. Красилась она уже не для него. Накрасившись, Наталья достала записную книжку, и углубилась в неё.

Туман начал рассеиваться...

Глава 7

Клиника располагалась в одном из частных пригородных особнячков, окруженном высоким забором. Его отличало от других таких же лишь наличие автостоянки. Таксист высадив их прямо у ворот.

– Ну... вот и приехали, – сказал Олег.

Пока Наталья расплачивалась с шофёром, Олег с наслаждением вдыхал пропитанный влагой воздух.

– Сейчас будет дождь, – деловито констатировала Наталья, уверенно беря его под руку. – Ну, пошли?

Охранник проверил их документы, что-то записал в свой блокнот и, улыбнувшись Наталье, пропустил её вперед. Что-то похожее на ревность шевельнулось в душе Олега, но тут же погасло.

Вокруг трехэтажного здания был разбит парк, к широкой лестнице вела липовая аллея. Зашуршал по листьям дождь, и им пришлось спрятаться под зонт, предусмотрительно взятый Натальей. Тишина вокруг и эта мокрая аллея на миг сблизили их. Но Наталья знала, теперь знала, что любовь уже не вернуть.

Они поднялись по лестнице и прошли через вестибюль. Попали в большой холл, отделанный под мрамор. Мягкий пол кофейного цвета, зелень, уютные уголки за мраморными колоннами. На диванчиках сидели люди, преимущественно молодежь.

Наталья провела Олега к стойке регистратора. Элегантная

девушка в строгом бежевом костюме быстро оформила карточку, сказав Олегу:

– Ваш порядковый номер 55. Смотрите на табло, – указала она на дверь, вначале вовсе не замеченную Олегом. Над ней в тёмном прямоугольнике зелёным цветом горела цифра 30. Затем она сменилась цифрой 31. – Минут через двадцать Вас вызовут, увидите свой номер, – невозмутимо объяснила она. – Ещё одну минутку. – Девушка достала предмет, очень похожий на часы с браслетом, и ловким движением пристегнула Олегу на запястье. – Теперь можете идти, – мимолётно улыбнулась она и переключилась на другого пациента.

Олег и Наталья уселись за столик около фикуса, чтобы держать в поле зрения табло. Олег с удивлением рассматривал браслет с маленькой цифрой 55.

– Это ещё зачем?

– Да не волнуйся ты. Это какой-то датчик. Измеряет твоё биополе. А может, ещё что-нибудь, – успокаивала Наталья.

– Хорошо тебе говорить. А я в больницах с детства не был. Разве что у стоматолога. А здесь в душу полезут.

– Ну, знаешь, попытка не пытка. Насильно тебя никто здесь держать не будет. Желающие на твоё место найдутся, – насмешливо хмыкнула Наталья.

– Ну, всё, всё, решил уже, – всё ещё неуверенно отвечал Олег.

– Ну и расслабься!

Олег послушал совета Натальи, отбросил все мысли, на-

сколько это было возможно, и действительно почувствовал себя лучше. Ощутил бархатистость обивки дивана под рукой, услышал тихую музыку – современная обработка «Лунной сонаты» Бетховена, уловил чуть заметный аромат свежести в воздухе. Кондиционер, пол с подогревом – а что, здесь вообще неплохо!

Неслышно скользили люди. Девушки из персонала были в бежевых элегантных костюмах, и Олегу чудилось, что он находится не в больнице, а в отеле. Искусственный свет, освещающий растения, и подсветка фонтана в центре холла гармонировали с ярким цветом оконных витражей. Чувствовалось, что над интерьером трудились дизайнеры. Каждый уголок холла имел свой колорит, свою цветовую гамму и настроение. В то же время всё это вливалось в общий ансамбль.

Подумать только, еще день назад ему бы и в голову не пришло, что его жизнь сделает такой поворот. И всё это Наталья!

– Спасибо тебе, ты так обо мне заботишься, – сказал Олег. Даже ресницы у Натальи не дрогнули. Какая она холодная, деловитая и чужая, будто вообще не она провела с ним вчерашний вечер и ночь.

– Чего уж там. Мы же друзья, – вложила она исконный смысл в это слово, вспомнив теперь с горечью, как часто он говорил ей об этом.

– Друзья, – повторил он. Помолчал. – Прости, я виноват в чём-то.

– Ни в чём ты не виноват, – остановила она его недоволь-

ным жестом. – Се ля ви, мой милый. Это жизнь! Но всё же вы, все мужики, – народ толстокожий, даже художники!

– Исправлюсь, – пообещал Олег, замечая, как она занесла его в разряд “всех мужиков”. Конечно, у неё большой опыт по этой части!

– Не ради себя стараюсь. Ради искусства, ради твоего таланта. – Наталья незаметно посмотрела на часы – прошло уже почти полчаса. – Ты мой телефон помнишь, звони. А то, как залез в свою депрессию, ни разу не позвонил.

– Обязательно позвоню, – пообещал он. – Ты тоже меня не бросай здесь совсем, – попросил.

– Я за тебя теперь в ответе.

Они одновременно увидели зеленую цифру 55 на табло.

– Ну, иди, – кивнула на дверь Наталья и поднялась.

– Ты меня не дождешься? – спросил он, хотя уже знал ответ на свой вопрос.

– Нет, мне пора, – ответила Наталья. Мыслями она была уже в музее. Всё же проводила его до двери, и он, прощаясь, на минуту задержал её руку в своей.

В течение следующего часа Олег переходил из кабинета в кабинет, садился в уютные кресла, на жёсткие табуреты, ложился на кушетки и отвечал на странные вопросы врачей, удивляясь, какой скачок успела сделать медицина. Врачи подключали к нему приборы, которые ловили импульсы его тела. Мигали лампочки, жужжали датчики, щёлкали ап-

параты, выдавая информацию. Его просвечивали какими-то лучами в тёмной комнате, списывали информацию прямо с мозга. Он видел на экранах цветное изображение себя самого. Его как художника эта цветовая гамма не очень устраивала, слишком уж мрачно. В какой-то момент захотелось уйти от внимательных взглядов врачей, но девушки-медсестры были милы, прикосновение их рук действовало умиротворяюще, да и отступить было уже поздно.

В последней комнате у Олега с руки сняли датчик и поместили под стеклянный колпак. Под стеклом взметнулись разноцветные змейки, похожие на молнии. Попросили подождать двадцать минут. Врач стал сверять с листа получаемую информацию, передавая бумаги медсестре. Та заносила данные пациента в компьютер.

Ровно через двадцать минут врач повернулся к Олегу, сменив сосредоточенное выражение лица на благодушное и сообщил:

– Поздравляю вас, Олег Валерьевич, у вас неплохие данные для участия в нашем эксперименте. Можете сейчас отдохнуть, пообедать в кафе. Через два часа подойдите к регистратору, она скажет вам номер комнаты. Вечером профессор Сидоров подробно ознакомит Вас с сутью эксперимента.

Подошла медсестра и, улыбаясь, привычно закрепила на его руке браслет. Олег поблагодарил врачей и покинул кабинет.

После всех исследований ему просто необходимо было

проветриться, и он вышел в парк. Воздух был пропитан сыростью, пасмурно серело небо. В лужах плескались воробьи. «К дождю», – отметил про себя Олег. Всё было наполнено свободой. И только он не был свободен. Светящаяся на его датчике цифра 55 напоминала ему о том, что он теперь пациент клиники, и что он дал своё согласие на эксперимент, который ещё неизвестно чем обернется.

Всё здесь было чужим для Олега: и мокрые стволы деревьев, и серое здание клиники. И ничего не хотелось. Он находился как бы в невесомости. Оторвался от дома, но ещё не причалил никуда. Город со своими заботами был далеко. Далеко были мама, Танечка, Наталья. Чудилось, что все его бессонные ночи и муки остались там, в квартире с закрытыми форточками. Легко и светло вспомнилась Танечка.

Когда он в первый раз увидел её, тоже был сентябрь и шел дождь... Олег, несмотря на него, делал свою обычную прогулку. Она стояла на остановке и чем-то показалась ему знакомой. Он сделал шаг в её сторону, но опомнился: совсем ведь чужая девчонка. Пока раздумывал, подошёл автобус, пассажиры засуетились, и она исчезла среди зонтов и плащей.

На другой день он снова увидел на остановке голубой зонтик и тоненькую знакомую фигурку. Она подошла к остановке уже после того, как автобус, забрав пассажиров, сердито фыркнул и укатил, рассыпая по сторонам блестящий веер брызг. Тогда он и подошёл к ней.

– Опоздали? – спросил. Она вскинула на него непонятно-го цвета светлые глаза, вспыхнула, на щеках обозначились ямочки. В следующий миг краска сошла с лица, но она всё ещё продолжала смущенно улыбаться.

– Ага. Я домой с работы еду, – доверчиво сообщила она.

– Улыбка вам идёт. Очень открытая и чистая. По лицу читать можно... Я – художник, потому так говорю, – он помолчал, видя её смущение. Она тоже молчала. – Почему-то Вы кажетесь мне знакомой? – Она пожала плечами. – Нет, правда, – пытался оправдать Олег свой поступок.

– Зато я Вас знаю. Вас по телевизору показывали. И здесь Вы часто гуляете, – сказала нерешительно.

– Ну, раз так, у меня к Вам предложение. Давайте я Вас нарисую. У Вас такое необычное лицо, – пошёл в наступление Олег.

– Нет-нет, – испуганно отказалась она, и Олег понял, что настаивать бесполезно.

Замолчали. Стал слышнее дождь, мелко шелестящий по крыше.

– Мой автобус теперь только через пятнадцать минут, – сказала она.

– Я провожу Вас? – попросил он. – Вас как зовут?

– Таня.

– А меня... Вы, наверное, уже знаете?

– Знаю. Я на всех выставках бываю в нашем городе. И Вас сразу узнала, как только увидела. Вы всё время здесь гуляете.

– Я живу здесь. Вон в этом доме, – показал он на свою высотку. Квартира сорок пять. Заходите, если интересуетесь искусством. Может, сейчас зайдём?

– Нет-нет, – снова отказалась она и опять покраснела.

Танечка пришла неожиданно.

– Вы? Ты? – удивился Олег.

– Я подумала... Вы работаете и... в общем, – смутилась она, отчаянно глядя ему в глаза.

– Какая ты молодец, что пришла, – искренне обрадовался Олег. – Проходи, раздевайся.

– Я тут... принесла. У вас, наверно, и поесть нечего, – проговорила Танечка.

Олега тронула её забота. Такая глупышка, совсем девчонка, а уж по-женски заботится.

Через несколько недель она сидела у него в мастерской и смотрела, как на картине возникают дождь и мокрые деревья. На переднем плане вырисовывалась никак не дающаяся ему промокшая ветка... Уже потом, когда они окончательно расстались, он дописал картину, назвав её «Ожидание». Грустная получилась картина, будто знала ветка, что предстоит ей расцвести, зазеленеть и увянуть под равнодушными взглядами людей; и одновременно светлая, потому что была в её жизни радость цветения.

Так получилось и с Танечкой. После работы бежала она к нему, звенели её смех, кастрюльки на кухне. Даже придиричивая Полина Игнатьевна, застав однажды здесь Танечку,

подружилась с ней. И две женщины, по-разному любившие Олега, часами беседовали о нём, пока он мучился над очередным творением. Впрочем, ни мама, ни Танечка не могли повлиять на образ его жизни. По-прежнему к нему приходили девушки для работы и просто так, соперничали между собой, насмешничали. Особенно усердствовала Наталья.

– Домработницей обзавёлся?

– Это мамина знакомая, – зачем-то врал Олег.

Наталья усмехнулась, но и в другой раз продолжала своё:

– Да она обыкновенная домашняя клуша. Она тебе всех поклонниц распугает. А талант без поклонников не талант. Ну, зачем она тебе?

Олег и сам не знал, зачем. Вначале увлекшись ею и получив неожиданный отпор, он решил больше с ней не встречаться. Но когда она долго не приходила, ему будто чего-то не хватало. Была в ней какая-то способность рассеивать сомнения, умирять страсти. Прояснялось в голове, рука сама брала нужные цвета и накладывала их на холст.

– Мне с ней легко. И она не лезет мне в душу, в отличие от тебя, – ответил Олег на очередной выпад Натальи. Как груба и бестактна бывала она иногда при всей её внешней утонченности!

– Ну что ж, больше лезть тебе в душу не буду. Понадоблюсь – позовешь, – сказала тогда Наталья и исчезла из его жизни.

А с Танечкой? Он и сейчас помнил, как ввёртывал лам-

почку в комнате, как рухнула под ним табуретка, как склонилось над ним ставшее белым лицо и распахнутые в ужасе глаза Танечки. Он притянул её к себе, уткнулся в пушистые волосы и сказал:

– Я тебя, кажется, люблю. А ты?

И она стала оставаться у него на ночь.

Но вскоре ему надоели простота и непосредственность Танечки, и он ничего не мог с собой поделаться. Он увидел, что она слабо разбирается в искусстве, не понимает многого из того, что он ей говорит, на всё смотрит его глазами. Стали раздражать её восторженность и преданность. Вот если бы она исчезла куда-нибудь, неожиданно заболела, может быть, это что-то изменило. Но вместо этого она забеременела, а это было совсем некстати. Она не плакала, но всё смотрела на Олега своими большущими глазами и ждала решения её проблем. И ему казалось, что он обидел ребёнка.

Олег закрыл глаза, мысли заскользили в другом направлении, огибая острые углы, вспомнились вчерашние астры, нежность Натальи, мама... «Надо ей позвонить», – подумал Олег вяло. Он стоял, прислонившись к стволу, дыша дождём, мирно почивающим на листьях и траве. Какая-то птица, обманувшись его неподвижностью, пролетела так низко, что стряхнула с веток несколько капель, упавших Олегу на лицо. Он вздрогнул от неожиданности и тут же увидел рядом с собой человека.

– Уже прошли обследование? – спросил незнакомец, впе-

рив в него пронзительный колючий взгляд.

Надо было, конечно, завязывать новые знакомства. Но так... Незнакомец Олегу не понравился. Ни его яркий галстук, никак не сочетающийся с мешковатыми брюками и курткой спортивного типа, ни его борода в стиле интеллигента-разночинца девятнадцатого века. Но не это главное. Смущал взгляд мужчины – испуганный и навязчивый одновременно. В другой обстановке Олег избежал бы такого знакомства. Но сейчас...

– Прошёл, – ответил он вежливо.

– Я тоже. Подышать вышел. – Незнакомец был в приподнятом настроении, и ему хотелось с кем-нибудь им поделиться. – Там сейчас народу набралось! – Видя, что Олег не против общения, незнакомец продолжал:

– Природа здесь красивая!

– Да-а! – поддержал Олег.

– Меня Александр зовут. А Вас?

– Меня Олег. Курите? – предложил он.

– Не-е, – поморщился новый знакомый. – Никогда не брал в рот эту гадость. Вам тоже бросать придётся. Знаете, как эксперимент называется? – и сам же ответил:

– «Идеальный мужчина».

– Посмотрим, – неопределенно ответил Олег и закурил. Разговор шёл вяло.

– А Вы кто по профессии? – спросил бородач.

– Художник, – ответил Олег. – Знакомиться, так знако-

миться.

– То-то Вы мне понравились. Я творческих людей уважаю, сам в некотором роде такой. Я учитель. Историю в гимназии преподаю. Вернее, преподавал, – он замолчал.

– Трудно, наверно, с детьми?

– И не говорите, – по лицу нового знакомого скользнула гримаса усталости.

– Сбежали?

– Почти.

Сан Саныч, так звали его ученики, действительно почти сбежал из гимназии. Назревал серьезный конфликт. В свои тридцать шесть Сан Саныч уже был дважды женат, но маму всё никак не устраивали его жены. И вот он – семейный неудачник и маменькин сынок – неожиданно для себя влюбился в свою ученицу, семнадцатилетнюю Таю Бельскую. (Её большие зеленые глаза и каштановые кудряшки и теперь стояли у него перед глазами.)

Вначале, когда он стал выделять её из всех, тянуть её “тройку” на “четвёрку”, а потом и на “пятёрку”, родители её были довольны. Под воздействием Сан Саныча Тая выправила учёбу и хорошо окончила гимназию, а на одном школьном вечере сама призналась в любви своему учителю. Дочка состоятельных родителей влюбилась вопреки всякому здравому смыслу, наперекор всеобщему мнению. Как говорится, сердцу не прикажешь.

В гимназии Сан Саныч слыл чудаком. Ученики над ним

насмехались. И он видел, как болезненно Тая реагировала на эти насмешки. Он взглянул на себя её глазами и понял, какой он смешной и жалкий. Весь его интеллект ничего не стоит в её глазах. Он будто впервые увидел себя таким, какой он есть, мгновенно поняв однобокость и ущербность своей жизни. А жизнь, вот она – рядом, сверкает всеми красками... Он сбежал от себя, своей любви, невозможности сдерживать свои чувства, от страха, что скоро его возлюбленная стряхнёт с себя пелену чувства и будет смяться над ним, как другие.

Учитель и ученица, тридцать шесть и семнадцать, такого его мама точно бы не вынесла... Она не смогла ужиться ни с одной из двух его предыдущих жён, а уж Тая...

Летом события развернулись совсем уж неожиданно. Тая провалила экзамен в вуз и заявила родителям, что намерена выйти замуж за Сан Саныча. После ссоры с ними упрямая девчонка ушла из дома и месяц жила у подруги в Москве. Обо всём этом Сан Саныч узнал только, когда родители Таи пришли к директору гимназии и обвинили бывшего учителя дочери во всех её сумасбродствах. Даже в новом учебном году родители не успокоились. В начале сентября в школе появился журналист, и вскоре вышла в газете обидная статья. Но тут, к счастью, вмешалась судьба. В отдел образования прислали несколько приглашений от профессора Сидорова; одно из них, учитывая ситуацию, и навязали Сан Санычу.

Как знать, решился бы он на такое дело самостоятельно?

Сан Саныч сбивчиво поведал Олегу о своих делах, переходя с личных проблем на общечеловеческие, с пессимистических нот – на оптимистические. Почему-то он проникся доверием к Олегу, и тот узнал о его бывших жёнах, неприятностях с родителями и замечательной маме.

– Мама у меня – добрейшая женщина. Но многого в современной жизни не понимает. Ей нужно, чтобы моя жена обязательно пекла пироги и читала классику... Сколько уж я пытался вырваться из-под её крыла. Да не смог. Ну как она будет без меня? Она у меня уже старенькая.

– Да-а... Всё же надо жить отдельно, – сказал Олег и поймал себя на мысли, что он-то никогда не думал так о матери, ему всегда “своя рубашка” была “ближе к телу”.

– А что Вы думаете обо всём этом? – повёл он рукой в сторону клиники. – Видели, какое у них медоборудование. А это? – он ткнул пальцем в свой датчик. – Интересно!!! А профессор Сидоров – это же учёный с мировым именем. Он над такими проблемами работает. Например, создание специальной энергетической оболочки, такой ауры вокруг человека, внутри которой происходит полное раскрытие всех природных способностей!

– Да что Вы говорите? – недоверчиво удивляется Олег.

– Да! Да! – уверял раскрасневшийся учитель, торопливо объясняя. – Что-то вроде гена гениальности... Профессор Сидоров – автор книг по психологии. Ему принадлежит новый метод без медикаментозного лечения больных даже се-

рѣзными психическими расстройствами. Он проник в тайны психики.

Сан Саныч говорил, близко поднося своё лицо к лицу собеседника, и Олег видел, как блестели его глаза за толстыми стѣклами очков. Голос его срывался на высокие ноты, был излишне эмоционален. «Самому бы ему неплохо подлечиться», – невольно подумал Олег, но вспомнил, что о раскрытии таланта говорила и Наталья.

– Я вообще и сам немного занимаюсь научной деятельностью, – сообщил с гордостью Сан Саныч. – Я увлечѣн астрономией. У меня дома есть телескоп. Я, ещё будучи студентом, его сконструировал. Он довольно мощный. А полгода назад я открыл новую звезду. Не верите? – спросил он. И продолжил торопливо:

– Я назвал ее Таисия. В честь своей юной возлюбленной, – похвалился он. Старинное слово “возлюбленная” удивительным образом гармонировало с торжественной интонацией его речи. Глаза его сияли. Если он и лгал, то так вдохновенно, что и сам верил в свою ложь.

– Да, не каждый может подарить любимой звезду. Казалось бы, чего проще, не бриллианты же, да не всякий догадается, – усмехнулся Олег, всё же не поверивший заумным уверениям нового знакомого.

– Вы мне не верите? – огорчился Сан Саныч.

– Почему же, просто завидую вашей увлечѣнности тем предметом, который я мало знаю. В наше время в школе аст-

рономию преподавали кое-как.

– Да, Вы правы. Но было время, когда астрономии уделяли должное внимание. – Собеседник увлёкся, лицо его покрылось пятнами, руки бестолково поправляли то волосы, то галстук, и делал это так часто, отчего и то, и другое потеряло аккуратный вид. – Аристотель говорил, что человек тем и отличается от свиньи, что иногда отрывается от поисков подножного корма и смотрит на звёзды, – сказал он, многозначительно поглядев на Олега. – ...А школьники понимают. Некоторые очень даже хорошо чувствуют. «Особенно школьницы», – подумал Олег.

– Вы сами когда-нибудь взгляните в ночное небо, найдите мерцающую звезду, знакомое созвездие. Представьте, что где-то есть ещё никем не открытая звезда. И она – Ваша. Здорово, правда?

– Мы на земле-то у себя никак не разберёмся. Нам ли звёзды хватать?

– Не скажите! Человек должен состояться, должен звезду свою зажечь, – увлеченный Сан Саныч, не замечая того, не выпускал Олегов рукав.

– Ну что ж, для того мы и здесь. Значит, будем искать свои звезды, – мягко отстранился Олег, уже немного устав от разговорившегося собеседника. – А не пора ли нам пообедать? – предложил он.

– Ах, обедать? Пойдёмте, конечно, – согласился Сан Саныч, всё ещё находившийся под властью своих мыслей.

Глава 8

В кафе многие столики были заняты. Приглушённо играла музыка. Пациенты возбужденно переговаривались или делали вид, что всё происходящее им безразлично. Кто-то обедал, кто-то просто сидел над чашкой кофе. Олег с присущей ему наблюдательностью отметил печать потёртости, усталости на лицах. Даже смеющиеся не выглядели счастливыми. Да не такой ли он сам?

– А, Сан Саныч! – насмешливо воскликнул, подойдя к ним, остроносый парень с хвостом, стянутым на затылке резинкой. – Как ты девочкам за красивые глазки оценки ставил?

Сан Саныч нервно дернулся и пробормотал:

– И этот здесь. Везде пролезет. Там, где он, жди подлоостей. Видеть его не могу, – сказал Олегу шёпотом новый приятель. – Мухин – тот самый журналист, что про меня писал, – объяснил он.

– Пардон, не буду вам мешать, – будто бы только сейчас заметив Олега, сказал журналист. – Кстати, рекомендую вам выбрать котлеты по-киевски и рыбу. Очень вкусно. Сам пробовал.

– Мы в Ваших советах не нуждаемся, – отбрил Сан Саныч.

Они отошли к столику, за которым обедал в одиночестве хмурый парень. Парень даже не пытался, как другие, делать весёлый или безразличный вид. Он явно был не в своей та-

релке. Был он высокий, с опущенными плечами и тусклыми волосами, какой-то весь сжатый. И ел торопливо, переместившись с их появлением на самый краешек стола. Сан Саныч по своей привычке стал любопытничать. Парень кивнул на приветствие и тут же опустил глаза. «Ещё один интересный экземпляр», – подумал Олег.

– Виктор, – представился он после некоторой заминки, скользнув по лицу Олега мимолетным взглядом. Взгляд не соответствовал всему облику парня, его зажатости: умный и внимательный. Красивые тёмные глаза парня были бездонны и отражали напряжённую внутреннюю работу. Олегу стало не по себе. Он и раньше встречал людей с такими взглядами. И всегда избегал общения с ними, боясь, что они могут сказать что-то, догадаться о чём-то, что сам не хочешь о себе знать. Ведь никогда не знаешь, что на уме у этих молчунов. Парень отвечал на вопросы односложно, не поднимая головы. Быстро доев, пробормотал извинения и ушёл.

– Странный какой-то. Больной что ли? – удивился Сан Саныч. – И разговаривать не хочет, – хмыкнул он обиженно.

– Неудачник, – пробормотал Олег, подумав, а не всё ли они здесь неудачники? Один больше, другой меньше – все!

Не успел уйти Виктор, как к их столику снова подошёл журналист.

– Позвольте представиться, – заговорил он с Олегом. – Алик Мухин. О Вас много наслышан, в том числе и от моей знакомой – Натальи Павловой.

– Хм-м... Очень приятно, – пробормотал Олег. Так вот, значит, кому он обязан своим присутствием в клинике. Очень мило! Спасибо Наталье! Ему не удалось удержать лёгкой гримасы разочарования, и журналист уловил её.

– Добро пожаловать гению в нашу веселую компанию, – съехидничал Алик. – Разрешите? – сделал он змееобразное движение всем телом, изображая фальшивое подобострастие, и сел, не дожидаясь разрешения. – Вы хоть знаете, куда вы попали?.. – спросил, театрально закатывая глаза. – Я уже и сам не рад. Я с профессором говорил, с завтрашнего дня начнутся для нас настоящие испытания. О-о, только держись!

Видя, что ему удалось привлечь к себе внимание, Алик раскрепостился и, рассыпая во все стороны улыбки, стал представлять им некоторых мужчин, сидящих за другими столиками. Олег и Сан Саныч с удивлением узнали в крашеном блондине с серьгой известного шоумена.

В углу сидел когда-то знаменитый, но, по слухам, спившийся боксер. Алик называл ещё какие-то имена. Чувствовалось, что он уже всех здесь знает. Потом, понизив голос, сообщил:

– А тот, что сидел за вашим столом, кто бы вы думали? – сделал он эффектную паузу, дабы заинтересовать слушателей и сам же ответил:

– Просто бомж! Говорят, его сам Андрей Степаныч притащил его сюда. А какое у него прошлое – неизвестно. Да здесь

кого только нет, – понизил он голос до шёпота. – Несколько человек из тюрьмы. С нар, представляете, – и сразу сюда. А уж шизофреников и импотентов, – с чуть заметной улыбкой показал он глазами на Сан Саныча, – хоть отбавляй. – И тут же посерьёзnel, пристально взглянув на Олега. – Если нужна будет какая-то информация, обращайтесь без стеснения. Чем могу – помогу.

Несмотря на компанейский настрой собеседника, его веselость, Олег чувствовал себя с ним неуютно. Такие всегда в лицо льстят, а за спиной говорят гадости.

И почему он ко всем относится с таким предубеждением? – одернул себя мысленно Олег. Учитель ему не понравился, и журналист тоже. Так он во всех будет видеть только плохое. Но, судя по словам журналиста, компания здесь подобралась ещё та. Но ему-то, Олегу, разве всё это интересно?

– Мужики, по комнатам распределяют, – громко сообщил плотный паренек деревенского вида.

– По комнатам распределять будут не по желанию, а по науке, – сообщил, поднимаясь Алик. – Ну, пока, – многозначительно глянул он на Олега. – Я думаю, мы ещё поболтаем, – сказал он ему, широко улыбнувшись.

– Фу-у, – вздохнул Сан Саныч. – Видал, поболтаем. Ему бы только пакость какую-нибудь человеку сделать, выставиться на какой-нибудь грязной сенсации. Не дай бог угодить вместе с ним или с бомжем каким-нибудь.

– Да, – задумчиво проговорил Олег. – Чёрт знает, что та-

кое!

Сан Саныч удивленно посмотрел на него, не поняв к чему это относится.

Кафе стало быстро пустеть. Девушка-регистратор быстро раздала ключи. Олегу достался двадцать пятый номер. А Сан Санычу выпал двадцать восьмой номер. И по иронии судьбы он должен был делить его с бомжем Витей. Соседа Олега пока не было. И, зная свой характер, он стал побаиваться соседства с кем-нибудь шумным и нервным, либо просто больным.

На второй этаж вели две широкие лестницы, покрытые коврами. Пройдя по ярко освещенному коридору, Олег и Сан Саныч попали в уютный закуток с окном и раскинувшейся около него монстерой. Здесь же стоял маленький журнальный столик и два кресла. Комнаты их оказались напротив друг друга.

Открыв дверь, Олег оказался в уютно обставленной гостиной, из которой двери вели в две спальни. Зеленовато-пепельные шторы гармонировали с обивкой дивана и ковром мягких тонов. На стене висел телевизор. Потянув на себя закрытую дверцу шкафа, Олег нашёл внутри электрочайник, тостер и другую кухонную утварь. Рядом работал встроенный в шкаф холодильник, в котором обнаружили минералку, а также сок и шоколад. «Что ж, неплохо для начала», – решил Олег и перешёл в спальню.

Спальня была оформлена в таких же, но чуть более свет-

лых тонах. Олег провел рукой по обоям – по руке заскользили мелкие, невидимые глазом шерстинки, будто кошку погладил. Даже на ощупь обои были тёплые. Раньше Олег такие никогда не встречал. Кроме кровати, накрытой пушистым покрывалом, в комнате был рабочий уголок. У окна располагался письменный стол. Рядом в стену была вмонтирована внушительная книжная полка. Олег пробежался глазами по корешкам книг. Здесь было всё, начиная от классиков эпохи Возрождения до современных новинок, о которых он много слышал, но ещё не читал. Вся школьная классика, философские и исторические труды и даже Библия в толстом переплёте с золотом. «Совсем неплохо», – обрадовался Олег и решил, отложив на потом разборку вещей, отдохнуть с книгой. Что он и сделал, завалившись с томиком Монтеня прямо поверх покрывала.

Он не заметил, как уснул. Во сне его звал женский голос, и, проснувшись, он услышал: «Добрый вечер, Олег Валерьевич. В восемнадцать часов Вам необходимо спуститься в зал для заседаний. Приведите себя в порядок. Всего вам доброго!» Голос был низкий и тёплый, именно того тембра, какой был приятен Олегу. Он только сейчас заметил над дверью табло и бегающие по нему красные цифры. Голос шёл оттуда. Сообщение прозвучало ещё раз, и голос смолк. Олег посмотрел на часы, была половина шестого. «Да они что, с ума сошли?!» Но сон уже прошёл, и он снова взялся за Монтеня.

Без пятнадцати шесть пошел выпить минералки. Пока переодевался и причёсывался, в дверь постучали. Вошёл спортивного телосложения коротко стриженный тёмноволосый парень со спортивной сумкой на плече. Олег с осторожностью приглядывался к нему, пытаясь уловить его недостатки.

– Привет, – сказал он, протягивая руку Олегу. – Я Виталий, – с крепким пожатием представился он. Вместе жить будем. – Парень широко и белозубо улыбнулся, заставив улыбнуться и Олега. «Кажется, нормальный парень», – подумалось ему.

– О, неплохо, – огляделся он. – Где моя халупа? – уверенно шагнул он к указанной Олегом двери. – Сумку пока брошу, – на миг скрылся он за дверью и тут же вышел. – Ну, Олег, пошли? – запросто и сразу на “ты” позвал он. – Ты не переживай, я – человек компанейский и уживчивый. Все мои недостатки остались за пределами этих стен. Зато имеется масса достоинств. В общем, со мной не соскучишься.

Спускаясь по лестнице, новый знакомый успел рассказать немного о себе, и кое-что узнать об Олеге. Виталий обладал каким-то добродушным обаянием и, на удивление, быстро сумел расположить к себе сдержанного в общении Олега. В зал они вошли уже как старые знакомые.

Глава 9

Все места уже были заняты, и им пришлось расположить-

ся в последнем ряду. В зале шумели, и всё ещё продолжали подходить люди, но появился профессор, и гул стал стихать.

Профессором оказался низенький лысоватый человечек в элегантном сером костюме и очках. Олегу хотелось с кем-нибудь его сравнить, понять, что он за человек, ведь от него теперь зависела его, Олега, судьба. Но никакая аналогия в голову не приходила. Профессор заговорил тихим быстрым говорком, постоянно поправляя очки. Впереди шумели, оттого на последних рядах было плохо слышно. Но вскоре шум затих, неполадки с микрофоном устранили, все взгляды остановились на маленькой фигурке.

– Наш эксперимент получил название «Идеальный мужчина», и все мы с вами должны стать идеальными-ми... Для эксперимента врачи отобрали сто человек. У всех вас своя жизнь, свои привычки, разные профессии... – По мере того, как он говорил с подкупающей детской улыбкой, задерживая на каждом взгляд пронзительных темных глаз, Олег всё более доверял ему. – Общее у всех вас на сегодняшний день только то, что все вы ни с кем не связаны узами брака. Но я надеюсь, что эта проблема счастливо разрешится, и вы пополните ряды образцовых мужей и отцов.

– У-у, – загудел зал.

– Долгое время врачи пытались решить мужские проблемы, узко действуя только на половую сферу. Мы же предлагаем комплексное воздействие на тело и душу, на разум и совесть человека, предлагаем раскрыть его скрытые воз-

возможности. Что греха таить, последнее время доказало, что в среднем функции разума у женщин более совершенны, чем у мужчин. Женщины быстрее реагируют на изменяющуюся действительность, находят способы решения сложных жизненных задач. Женский разум выносливее, психика крепче. Мы – мужчины – не должны уступать пальму первенства им, созданным из ребра... Мы должны научиться любить, а это, пожалуй, самое трудное...

В зале шумели. А профессор, всё более вдохновляясь, продолжал рассуждать о мужской психологии, гениальных открытиях, сделанных мужчинами, о талантах, заложенных в каждом. Он обладал способностью убеждать.

Профессору стали задавать вопросы, передавать записки.

– Вы задаете примерно одинаковые вопросы. Сейчас я постараюсь на них ответить. О сути эксперимента. В течение трёх месяцев – именно такой срок продлится наше с вами сотрудничество. (Я применил такое слово, потому что нам действительно придется много трудиться.) Так вот, в течение этого срока вы сами будете проводить работу по коррекции вашей психики, восполнять пробелы образования и физподготовки, чтобы подготовиться таким образом к имплантированию вам капсулы «Л». Капсула «Л» – это индивидуальный стрессорегулятор, условное её название «Любовь».

– А до нас на ком-нибудь такой эксперимент проводился? – спросили с первых рядов.

– Да. Группа наших сотрудников успешно прошла этот

эксперимент. Один из них – ваш покорный слуга, – профессор приложил руку к груди и чуть поклонился.

Мужчины зашумели, стали задавать вопросы. Профессор успокоил публику жестом.

– Ну что сказать? Мне пятьдесят один год. Я удачно женат и счастлив. И ещё надеюсь быть отцом.

«Говорят, что у него молодая жена, бывшая модель из Москвы», – зашептались впереди. «Ну, даёт, дядя!»

– А скажите, как выглядит капсула «Л»? И куда её вшивают? – спросил кто-то, снова вызвав оживление в зале.

– Капсула безболезненно вживляется в подмышечную впадину. Размером она с подсолнечное семечко. К тому же впоследствии ее всегда можно удалить в нашей клинике.

Профессор, вновь поправив очки, пробежал глазами поданные ему записки и продолжил:

– Технологию создания капсулы я вам рассказывать не буду, она очень сложна и сугубо индивидуальна. Но как показывают испытания, она оказывает благотворное влияние на все функции организма, в особенности же на репродуктивную... Никаких отрицательных явлений в процессе её использования не замечено, – проговорил он, снова заглянув в записки.

– Капсула «Л» столь громко названа, каким же образом она способствует любви? – встал и громко спросил худой мужчина в очках.

– Проводились ли подобные эксперименты с женщина-

ми? – выкрикнул кто-то.

– Это интересный вопрос, – сказал профессор. – Нет, этот эксперимент разработан именно для мужчин, с учётом нашего российского менталитета. – А насчёт любви... Тайна сия велика есть. И вряд ли когда-нибудь будет изобретён сто-процентный рецепт счастья.

– А почему эксперимент проводится в первый раз именно в нашем городе?

– Это родина моей мамы. Я здесь воспитывался, проводил каникулы. Здесь, за городом в особенности, наиболее чистая атмосфера, нет отрицательного воздействия смога больших городов. И люди более пластичны и восприимчивы к добру. К тому же, вода ближайшего озера, что подаётся к нам в водопровод, обладает целебными качествами. – Профессор ещё раз просмотрел записки. – Здесь много вопросов по датчикам, что на ваших запястьях. Это временный заменитель капсулы. Его данные необходимы для регулирования нагрузок. Нагрузки будут увеличиваться до максимально допустимого предела. Вы начнёте бороться со стрессом, а датчик-накопитель будет выбрасывать в ваш организм “токсины” стресса. Сейчас я попытаюсь это объяснить, – профессор задумался, прохаживаясь из конца в конец по одному ему видимой дорожке. – Ну, вот сравним хотя бы с прививкой. Если для того чтобы привить человека от той или иной болезни необходимо ввести в его организм живые токсины, то для того чтобы избавиться от пороков также необходимо до-

полнительное введение “токсинов” страха, злости, лживости и т. д. Выделению этих “токсинов” и будет способствовать широко известный метод нагрузок и стрессовой терапии.

По залу пролетел недовольный шепоток.

– Будет трудно, предупреждаю сразу. В первое время ослабленный организм может не справиться с ситуацией. Это нормально. Следует знать, что нагрузки даются индивидуально и под контролем врачей. В последствии ваш мозг и психика усовершенствуются настолько, что научатся определять врага, будь то лень, пагубные желания, злоба и другие. Ваша воля мобилизует защитные силы организма на борьбу с ними. В зале возбужденно загудели, переговариваясь.

– И вообще, тому, кто стремится к счастью, всегда надо помнить, что все победы начинаются с победы над самим собой, – фальцетом выкрикнул профессор. Он быстрым движением поправил очки и развел руками, как бы подводя черту в разговоре.

– А как же любовь? – послышался чей-то бас.

– Вся информация заложена в компьютере, и вы можете с ней ознакомиться в нашем компьютерном зале после собрания. Там же можете узнать наши требования к вам. Положительный исход эксперимента целиком зависит от вас, поэтому рекомендую неукоснительно соблюдать режим. Алкоголь, наркотики запрещены. У кого есть подобные проблемы, наши врачи помогут вам справиться с ними в процессе эксперимента.

– А женщины? – под гул публики спросил всё тот же бас.

– Я думаю, вам будет не до женщин, – сказал профессор. –

Но если возникнет чувство, то.., – не договорил он, переходя на другое. – Покидать клинику можно только в экстренных случаях. Но с родными связь поддерживать необходимо. По воскресеньям в свободное время возможны посещения. Ещё минуточку внимания, очень важно: не справившиеся с нагрузками и не выдерживающие режим могут оставить клинику в любое время, при условии, что назад возврата не будет.

Все задвигались, застучали креслами.

– Вот так, мужики, попали мы в вагон некурящих, – сказал Виталий на выходе из зала, когда Олег познакомил его с соседями из двадцать восьмого номера.

– И непьющих, – вклинился в разговор вездесущий Алик, как чёрт из табакерки, возникший ниоткуда. – Что, Витек, из лохмотьев да в рубище? – ввёл он в смущение Виктора. – Что, не хочешь разговаривать? Ну-ну!..

– Альберт Мухин, журналист, «Центральная газета», – представился он Виталию. Видно было, как его съедает любопытство по поводу нового пациента, весьма заметного колоритной фигурой.

– Виталий, – в тон ему представился тот, насмешливо глядя на него сверху вниз. – Безработный пациент.

– Вы с Вашей комплекцией, небось, в охране работали или в милиции? – заискивающе расспрашивал Алик по сво-

ей привычке всё знать.

– Только не в милиции... Если Вас интересует, кем я работал, то отвечу: продавцом мяса на рынке. Рекомендую, мускулы там ого-го какие нарастите, – оглядывая тщедушную фигуру журналиста, заметил Виталий, полуобернувшись к друзьям, давая понять привязчивому типу, что разговор окончен.

– Что же вы так к милиции? Тёмное прошлое? – не унимался Алик, задетый пренебрежительным тоном собеседника.

– Тёмное настоящее, – с усмешкой сказал Виталий и отвернулся: до чего прилипчивый народ эти журналисты!

– Тогда не смею Вам мешать, – ретировался, картинно поклонившись, Алик.

– Что за клоун?! – спросил Виталий.

– И самое смешное, что именно ему я обязан, тем, что нахожусь здесь, – сказал Олег.

– Неужели? – удивился Сан Саныч. – Мне казалось, что вы только сегодня познакомились.

– Так и есть. Но у нас есть общая знакомая, которая передала мне через него приглашение.

– Ну, теперь он от тебя не отстанет. По гроб жизни ему останешься должен, – сказал Виталий. – Я таких людей повидал, знаю, – сказал Виталий, скривив губы.

– Вот гад, да? – обратился Сан Саныч к Виталию. – Ещё Виктору покоя не дает, – кивнул он на соседа. Чувствова-

лось, что они уже нашли общий язык: Виктор, хоть и скромничал, но общества не избегал.

– У-у, народищу, – подойдя к кафе, сказал Виталий. – А такое дело надо бы обмыть.

Парни кучковались. Алик в компании боксера-пьяницы и других спортсменов травил байки, и время от времени откуда раздавался раскатистый смех.

Интеллигентного вида мальчики, маменькины сынки, будто чем-то напуганные, отправлялись с подносами наверх.

Компания парней собралась пойти в компьютерный зал.

– Да там всё занято, – сказал толстяк, услышав их разговор. Кто-то говорил по телефону, пытаясь перекрыть шум:

– Да, всё нормально. Да, с завтрашнего дня... Да... Да...

Я тебе перезвоню. Перезвоню, говорю, завтра.

– Вы стойте здесь. Я сейчас насчет ужина. У меня в комнате кое-что имеется, – сказал Виталий.

– Профессор же сказал, – замялся Сан Саныч.

– Ну, Сан Саныч, ты прям как маленький! Скажи еще: мама не разрешает, – посмеялся Виталий. Виталий быстро и сходу стал говорить всем “ты”.

– Да, пожалуй, напоследок можно, всё равно уж, – махнул рукой Сан Саныч.

– Так что давайте к нам. Поближе познакомимся. Нам всё равно теперь в одном котле вариться, – пригласил всех Виталий.

Взяв из кафе ужин, парни отправились наверх.

– А Вы правда на рынке работали? – спросил Сан Саныч, разговорившись с Виталием.

– И рубщиком, и продавцом. Магазин «Мясо» – мой. Там сейчас друг за меня остался.

Глава 10

В номере Виталий достал бутылку дорогого коньяка, копченое мясо, баночку огурчиков; вместе с Олегом они быстро сервировали стол, разлили коньяк за неимением рюмок по чашкам.

– Ну, за успех! – улыбнулся Виталий.

– За успех, – откликнулись все.

Сан Саныч сморщился, оправдываясь:

– Я ведь не пью. – Но под напором товарищей одним рывком опрокинул чашку в рот.

– Ну Сан Саныч, ты мастер! – восхитился Виталий.

Сан Саныч отдышался, раскраснелся и накиннулся на еду, заражая других своим аппетитом. После напряженного дня вино подействовало быстро. Выпили, как водится, за любовь, за дружбу. Разговор об огурчиках и о том, кто какую водку предпочитает, перешел на общих знакомых. Городок-то их небольшой, и многие друг друга знают. Разоткровенничались.

Сан Саныча потянуло на политику. Но его почти никто не слушал. Говорили о женщинах. Мужчины под градусом любят говорить на эту тему. Сан Саныч неожиданно разоткро-

венничался, удивив всех вопросом.

– А вы могли бы влюбиться в несовершеннолетнюю?

– Ну ты даешь, Сан Саныч! Неужели влюбился в малолетку? – удивился Виталий.

– Седина в бороду, бес в ребро, – подхватил, Олег, уже кое-что знавший об этой истории.

– А что это такое преступление? – ершился Сан Саныч, покрасневшись. – А если и она меня любит? Неужели, вы бы отказались от такой любви? Вы Таю мою не видели!

– Конечно, не видели! – поддерживает Виталий. – Какая она, Саныч? – спрашивает он.

– Волосы у нее каштановые. Личико мраморное. А глаза... даже не знаю какого цвета глаза. Она не тощая, как все современные девчонки, она кругленькая, мягкая и нежная, – мечтательно проговорил учитель.

– У тебя с ней что-то было? – спросил Виталий.

– Да нет. Что ты! Да я бы на ней хоть сейчас женился. Как взглянет на меня со своей парты, у меня аж мурашки по телу.

– Ну, Сан Саныч, ты влип! – посочувствовал Виталий.

– Любовь – не картошка! – поддержал Олег.

– Так ты из-за нее идеальным хочешь стать? – спросил Виталий.

– Да нет, это уж так совпало, – сказал Сан Саныч, волнуясь.

– Я ж у них факультатив по астрономии вел. Она очень интересовалась. Смотрит в глаза, личико покраснеет, куд-

ряшки разовьются. Прелесть!

– Не мучай себя, Сан Саныч, а то врачей придется вызывать! – засмеялся Олег. Очень уж не сочеталось то, что он говорил с его внешним видом: очки сползли на одну сторону, волосы намокли, бороденка встопорщилась.

– Вы то хоть меня не осуждайте, – на высокой ноте пожаловался он. – Я и сам себя осуждаю, – добавил тише и опустил голову на руки, в еще больший беспорядок приведя прическу.

– Может, все-таки было что? – сквозь слезы веселья спросил Олег. Очень уж комичен был Сан Саныч. – С чего бы родители ее так на тебя ополчились?

– Да не было ничего. Представляете, глаза горят... и слушает, слушает... Я ведь и не мечтал ни о чем таком. А когда сама мне «люблю» сказала, я ушам не поверил, думал: шутит.

– Любит, значит, – многозначительно подтвердил Виталий, посерьезнев. – Но тебе, Сан Саныч, прикид надо менять. Ну что это за носки белые, что за галстук? Чтобы молодой девушке нравиться, надо ох каким быть! Давай лучше выпьем!!!

– Эх, друг, – обнял его Сан Саныч. – Ты все понимаешь! Виктор в разговоре о любви не участвовал, только тихо улыбался, вникая в чужую интересную жизнь.

Неожиданно в комнату к ним ввалились соседи из 26-ой. Принесли еще водки. Изящный блондин с мелированными

кудрями, похожий на девушку, назвался Константином, оказался по профессии парикмахер. Много визгливо смеялся, плоско шутил, и все время выливал водку под стол прямо на белые носки Сан Саныча. В противоположность ему, смуглокожий Иван смущался, прятал огромные обветренные руки, говорил редко и невпопад, иногда вырывалось у него замисловатое ругательство, непременно вызывающее смех у Константина. Он тушевался незнакомой обстановки, стеснялся себя и своей деревенской профессии тракториста, но не пропускал ни одной рюмки. Под конец Виталий разговорил и его и Виктора, а так как Сан Саныч в принципе не умолкал, то шум небольшая компания подняла невероятный. «Эх, хорошо сидим!»-обращался то к одному, то к другому Сан Саныч.

Разошлись за полночь. Виктору с непривычки стало плохо – давно не пил. Сан Саныч пошел за ним. В дверях остановился и пояснил шепотом:

–Он ведь все молится. Икон наставил. Какие-то грехи все замаливает.

–Ну грехов у нас у всех хоть отбавляй. Но замолить-то небось успеем,– сказал с усмешкой Виталий, не поддающийся опьянению.

– Вот и я ему говорю. А он молчит больше. Это сегодня что-то разговорился. Он при церкви дворником работал, и жил там же.

Когда соседи ушли Олег и Виталий все еще сидели в по-

лумраке гостиной и вели неспешный разговор. Голова Олега немного кружилась, и слова друга были окутаны туманом. Но то, что он услышал в следующий миг, заставило протрезветь.

– Ты знаешь, почему я здесь. Меня ведь милиция разыскивает за убийство, – сообщил Виталий со свойственной ему прямоотой, горько улыбнулся и пояснил: – Да не виноват я... Андрей Степаныч мне поверил.

Виталий закурил, медленно выдохнул дым, поднял глаза на Олега.

– Обидно! За девчонку заступился. Гад один сумочку у нее отнимал. Я подскочил – кровища льется. Он ее ножом в живот пырнул – сволота такая! – медленно, с душевной болью рассказывал он. – Пока я с ней... этого гада уж и след простыл. А девчонка... красивая, волосы белые кудрявые и глаза... полные боли. Никогда не забуду! Глазами указывает на что-то. Смотрю в луже – блестит. Оказалось – медальон. Девчонка от боли морщится, глазами моргнула и прошептала через силу: "Найди!". Я и взял его. Подбежали прохожие, а я того подлеца искать бросился и объяснить ничего не успел. Такая злость на меня нашла, – разрубил он ребром ладони воздух, и дым от сигареты прочертил в воздухе линию. – Девчонка-то умерла. Веришь-нет, менты теперь меня ищут – я у них первый подозреваемый. Меня брат – он у меня врач – сюда и запрятал. Я ментам по факсу сообщение отправил, приметы бандюги описал. А он, знаешь, старик со-

всем, седой, костлявый. Э-эх! – махнул отчаянно рукой Виталий.– Сам не видел, не поверил бы.

Виталий рассказывал спокойно, с улыбкой, чуть кривящей рот, и только сжатые кулаки да поскрипывание дивана выдавали его волнение.– Я, понимаешь, по малолетке уж засветился однажды. Дрались мы с пацанами и одного с дури стукнули ножом. А я самый младший был, ну и уговорили меня все на себя взять. Я дурак: за друзей в огонь и в воду. Да друзья те добра не стоили. До сих пор из тюрем не вылезают. Меня тогда только благодаря папашке не посадили. Бедолаге тому лечение оплачивать пришлось. А уж в этот раз загремел бы я как миленький.

Рассказ соседа тронул за живое. В спокойствии, с которым он все это говорил, чувствовался сильный характер, и не верилось, что Виталий может быть способен на убийство. Нет, точно не способен, Олег его узнал за эти несколько часов.

– Да видно не ты ищешь приключения. Они сами ищут тебя,– сказал он. – И где же медальон?

Виталий потянулся с медвежьей мягкой грацией и достал из борсетки золотой медальон изящной ювелирной работы, украшенный бриллиантом.

– Да-а... – удивился Олег. Таких вещей ему видеть не приходилось.

Виталий ловко открыл крышку, внутри медальона обнаружилась фотография белокурой красивой девушки, внизу были нацарапаны какие-то буквы и цифры.

– Я уж гадал, то ли Вика, то ли Ника.

– Она? – спросил Олег.

– Она. Красивая, да?

– Да, – подтвердил Олег. На фото девушка была грустна. Грустили глаза, линия губ. Олег пытался по глазам разгадать ее тайну, но только сказал:

– Никак не верится, что она умерла. На фото глаза живые. Чем она хоть занималась?

– Сам хотел бы узнать. Может, через журналиста попробовать. Я слышал, он вел криминальную хронику. Об этом деле наверняка напишут.

– Только стоит ли об этом трубить? Мне кажется, надо быть очень осторожным, – сказал Олег. Он удивлялся, как быстро смог Виталий привлечь его на свою сторону. А ведь Олег никогда не был очень доверчивым. Бывают же такие люди, сразу ложатся на душу, как бальзам.

– Я людей по глазам сразу вижу. Вот ты – человек, не предашь, – словно угадав его мысли, сказал Виталий. – А эксперимент этот мне в принципе не нужен. Бабы меня и так любят. Только ведь, они, чем красивей, тем подлей. Моя теперешняя подруга – Элка из ювелирного, – может, видел, – сам того не замечая похвастался Виталий. – Вся такая из себя: ухоженная, томная; не глаза, а сливы. Влюбилась в меня, как кошка. Ну и я, понятное дело. А после узнаю, что она с боссом своим спит, и вроде это в порядке вещей. И другие такие же. Или не кожи – не рожи, не рыба- не мясо, а туда

же – замуж. А я этого хватнул, больше не хочу.

– А – эксперимент?

– А что эксперимент? Хуже, чем есть, я думаю, не будет. А лучшего мы, наверно, не достойны, – сказал Виталий, впадая в несвойственные ему пессимистические нотки. Видно, очень огорчала его измена Элки.

– Да женщины разные есть. Просто мы чего-то в них не понимаем, – задумчиво сказал Олег. В голове его была радостная муть, захотелось высоко говорить о женщинах. – Женщины – это... – начал было он.

– Да нет, жена моя- Юлька – правильная была, она все меня переделать хотела, чтоб я ручным стал. Поначалу я ее любил сильно, чуть ли не на руках носил. А поженились -куда любовь делась. Слезы, обиды, как будто я все время около нее сидеть должен. И чего им, бабам, надо? Деньги есть, в постели все нормально, нет – подавай какой-то неземной любви, -кривил душой Виталий, силой воли пытаюсь подавить внутреннюю боль.

– Семья – это быт, -вздыхнул Олег. – А быт убивает романтику, я так думаю, хотя на своем опыте этого еще не испытал.

– Ну и не торопись... Развод -это такая дрянь, – помолчал Виталий. – Все вроде в прошлом, а вспомню Юльку – щемит в груди, -открылся он.

Олег понял, что с самого начала привлекало его в Виталии. -Человек он не равнодушный. За внешней неуязвимостью скрыто чуткое и ранимое сердце.

– Да ты и сам-то о неведомой любви мечтаешь. Женщин пытаешься идеализировать. В эту Нику неведомую влюбился... Ты ж романтик, – высказал Олег внезапно озарившую его мысль.

– Какой там романтик! – вроде обрадовался, что его поняли Виталий. – То, что за девчонку заступился, так это инстинктивно было, я и не думал не о чем. Сколько раз уж пожалел. Не вмешайся я, может, она бы в живых осталась.

– Не думаю, ее же смертельно ранили. Это убийство. Или месть. А сумочка так для отвода глаз, не золотая же она у нее была? Или ты думаешь, это из-за медальона?

– Может быть, – кивнул Виталий. – Слишком уж он безжалостный и злой для простого вора. Вот выйду, я эту тварь искать буду, если раньше менты не найдут. Для меня это теперь – дело чести, – заявил он.

Время уже перевалило за полночь, а они все еще говорили.

Виктор не был пьян. Но какое-то нервное возбуждение, возможно вызванное алкоголем, осталось. Впереди была длинная ночь, и он знал, что не заснет. Растревоженная память листала прошедшие дни, и сердце начинало выскакивать из груди. Переживать дважды одно и то же было невыносимо трудно.

Как она могла решиться на самоубийство? Нина! Ниночка! С копной русых русалочьих волос. Всегда была такая нежная и беззащитная. Помнилась каждая ее веснушка и

каждый жест. Помнилось все! Как хотелось Виктору рассказать ребятам о своей Нине, но он боялся, что эмоции, вызванные воспоминаниями, задушат его.

Всегда в его жизни хорошее шло об руку с самым плохим, добро рядом со злом. Дерни за ниточку воспоминаний, размотается весь клубок, где больше черной, чем белой нити. Иногда он роптал: почему так? Далеко не всем выпадает такое, как ему.

Священник отец Николай учил его: " Не помни зла. Моли Бога о том, чтобы забыть все плохое, что сделали тебе люди. Живи будущим, в будущем верных христиан ждет царствие небесное. А в царствие небесное только смиренные войдут."

Привык Виктор к жизни в храме, знал он силу молитв, только ими он спасен был от смерти. Привык он к освежающей гармонии церковных служб. Плохо, когда человек одинок, и за него некому помолиться. «Помолись, сынок, за мою внучку больную – рабу Божию Елизавету. А я уж за тебя помолюсь. Тебя ведь Виктор зовут?»-попросила как-то старушка-прихожанка. Человек одинок, если сам этого захочет. А верующему человеку всегда есть за кого молиться. За Нину, отца Николая, бабушку Шуру, отрока Артемия (он знал, что именно так зовут его сына, которого в его отсутствие родила Нина), рабу Божию Елизавету, теперь вот за парней. Всем им необходима Божья помощь.

У Олега взгляд потерянного человека. Виталий слишком горяч. Сан Саныча не отнести к везунчикам. И хоть челове-

ку свойственно верить в счастье, оно ведь не наступит просто так. В тридцать лет это многие понимают, и многие хотят изменить свою судьбу. А для этого нужно изменить себя. Виктор уже встречал в храме таких людей – счастливейших из смертных, которые жили в ладу с самими собой и со всем миром. В нем самом еще много противоречий, слишком часто он спорит с Богом и вследствие этого впадает в уныние и тоску.

Теперь он был очень рад, что оказался в клинике на равных с другими. Он все еще не верил в свое неожиданное счастье и боялся за него. Ему казалось, что прошлое клеймом отразилось на его лице. От этого он боялся людей, этих самоуверенных парней с громкими голосами и смелыми суждениями, боялся насмешек и косых взглядов, выражения безгливости на лице, которое он встретил у Сан Саныча, когда тот впервые открыл ему дверь их общей теперь квартиры. Сан Саныч даже не смог скрыть эмоций.

– Ну вот, мне, как всегда, больше всех везет, – сказал он огорченно. – Вас кажется Витя зовут?

Потом Сан Саныч, чтобы успокоиться, стал рассказывать о себе, о том, каким образом попал в клинику и Виктора попросил рассказать о том же.

Виктор хорошо запомнил тот день, когда к храму подъехала черная служебная машина, и шофер распахнул дверцу перед пожилым человеком обыкновенной наружности.

Выйдя из машины, профессор сразу заметил Виктора. И

потом, во время службы, искоса поглядывал на него. Он по-
молился, поставил свечи, поклонился иконам.

Отец Николай увел загадочного прихожанина к себе. Вик-
тору, как и другим, было любопытно узнать: кто же это? Но
он предвидеть не мог, что знаменитый профессор мог прийт-
ти в храм фактически из-за него – бомжа Вити.

Виктор был робок и скован, когда отец Николай пригла-
сил его в свою комнату в то время, когда там находился гость.

– Я хочу предложить вам участие в нашем эксперименте.
Его целью является оздоровление личности, и настройка на
успех, – после знакомства сказал профессор. – Три месяца вы
должны будете жить в клинике. Эксперимент проводится в
максимально-свободных условиях. У каждого пациента своя
комната. Но у вас будет еще сосед. В пяти километрах от
клиники, в деревне, есть церковь. Я сам, бывает, хожу туда
по выходным. – Виктор был так ошеломлен неожиданным
предложением профессора, что не смог произнести и слова.

– Ну так как, дружок? Не смущайтесь, поверьте, мне бы
очень хотелось, чтоб вы согласились. Как, кстати, ваше от-
чество.

– Васильевич, – хрипло ответил Виктор. Он был, конечно,
согласен. Профессор очаровал его.

– Ну так по рукам, Виктор Васильевич? – протянул про-
фессор руку.

– По рукам, – несмело улыбнулся Виктор, почувствовав
теплое пожатие.

– Вот и хорошо!

Профессор еще около часа расспрашивал его о жизни, что-то помечая у себя в блокноте, и его умные глаза светились участием. Он заразил Виктора своей жизнерадостной уверенностью. В нем проснулась способность мечтать. Какой только не представлялась ему теперь его будущая жизнь. И сейчас он засыпал с мечтой, видимо, мечта сильнее всех невзгод. Он дал себе слово: преодолеть все трудности.

Сан Саныч любил ораторствовать, был бы хоть один слушатель. Он и в гимназии -то работал, потому что там можно было говорить сколько угодно, не боясь, что тебя перебыют. Тем для разговоров у него было много, от самых глобальных, до узколичностных. Даже засыпая, он продолжал вести мысленные монологи и диалоги, кому-то что-то доказывал, учил, обнимался с друзьями, будто не сегодня только переступил порог клиники и оказался по соседству с бомжом. А Виктор к тому же был в его глазах более низким и слабым существом, которое надо было учить и опекать.

– Ты, Вить, не бойся. Я тебя в обиду не дам, – сказал ему Сан Саныч в первый же день знакомства, видя, как тот смущается – совсем непривычен к нормальному человеческому отношению со стороны посторонних людей. Какой-то дикий. Кем он был- бомж – для множества равнодушных людей? Не больше, чем ненужная вещь.

Вспомнилось объявление, призывающее жильцов обновить замки от подвалов и чердаков: "... Сделаем наше жильё

чистым, освободим его от крыс, бродячих животных и бомжей."

" Самое страшное- быть никому не нужным," – записал он сегодня в своем дневнике о Викторе.

Его мудрая мама посоветовала ему вести в клинике дневник. " Не думаю, чтоб профессор Сидоров занимался бы пустяками. Ты записывай все, сынок, может быть, пригодится."

" Олег – страдающий эгоист, современный «Печорин», " – писал Сан Саныч.

" Виталий- человек, способный на поступки."

" Журналист Алик – законченный подлец".

«Иван-...».

«Константин-...»

Всем он пытался дать небольшие характеристики. Дальше шло описание эксперимента со слов профессора, некоторые сведения о новейших, неизвестных еще Сан Санычу приборах, используемых в эксперименте.

" Стены меняют цвет. Стены и табло над дверью работают в системе.» (Вероятно, определяют уровень алкоголя в комнате, – усмехнулся он, засыпая, еще не зная, что этой своей догадкой попал в точку.) Потом все затмило привычное и заманчивое виденье – Тая. Он объяснял урок, а она смотрела на него со второй парты у окна. Потом вдруг оказалась рядом.

Сан Саныч смотрел уже десятый сон, а Виталий и Олег только еще разошлись по комнатам.

Виталий тоже заметил, что стены изменили цвет, стали ядовито-сиреневыми, но отнес это на счет игры лунного света или отдаленного прожектора, а также своего состояния. Ему стало легче оттого, что рассказал Олегу свою историю. И Олег его в чем-то понял. Только не понял, почему он сбегал от милиции. Наивный, он не знает, какие у них методы. А Виталию дорога своя жизнь и здоровье. Тем более, он ни в чем не виноват. Вообще, Олег – он немножко пассивный, хотя явно неглупый парень, есть в нем какие-то скрытые резервы. Сан Саныч – смешной. Витька – жалкий. Никто из них не похож на самоуверенных «сытых» друзей Виталия, что остались в городе. А он ни по ком не скучает. Эти парни что надо! Главное, не способны подличать, умеют держать язык за зубами... А уж он-то, Виталий, в людях разбирается. «Всё, спать!» -приказал он себе, и немедленно отключился.

Во втором часу Олег еще не спал. Обои в спальне отливали странным сиреневым цветом. " Откуда бы это, вроде никаких фонарей нигде нет. Галлюцинация, что ли?" – подумал Олег. "Спокойной ночи,"-пожелал уже знакомый женский голос, мелькнув цифрами на табло.

" Нет, это не галлюцинация!" – искоркой веселости мелькнуло в мозгу. Но вскоре Олег провалился в небытие, окутанный теплой аурой.

Снилась ему блондинка из медальона: она улыбалась и протягивала руку, будто желая познакомиться. Потом она стала похожей на Наталью, которая прижалась к нему, а по-

том оттолкнула и сказала: " У меня теперь другой мужчина. С тобой у нас больше никогда ничего не будет." Повернувшись, Наталья оказалась Танечкой и закружилась в балетной пачке. Чего только не приснится?

Под утро Олег забыл сон. Его разбудил все тот же милый голос, желающий доброго утра, и он с удивлением увидел, что стены стали нежно-розовые, совсем не такие, как ночью.

Было пятнадцатое сентября.

Глава 11

Приятный женский голос порекомендовал принять душ. После душа заглянул Виталий.

– Ты видел, что со стенами? – спросил он. – Или мне показалось?

– Да нет, не показалось. Они и правда меняют цвет, как хамелеон. – Сейчас вот гляди: серо-розовые, а были почти синие.

– Вот здорово! Что бы это значило?

– И не только цвет. И температуру тоже. Ты на ощупь их попробуй.

– Ребята, вы готовы? – постучал в дверь Сан Саныч.

– А-а, Сан Саныч, как спалось? – поздоровался Виталий. Что ты думаешь, об обоях в своей комнате? Что-нибудь заметил?

–Я полагаю, что в них спрятаны какие-то чувствительные окончания, реагирующие, например, на алкоголь.

– Да ты что! – засмеялся Виталий. – Теперь алкоголикам хана.

– Все равно больше пить не придется, -поддержал их разговор Константин, рисуясь свежей какой-то женской красотой. По кошачьи пожал парням руки. Как голова-то не болит? – спросил Олега с долей ехидства.

– Есть маленько, – ответил тот.

– Да-а... Чем-то еще удивит нас профессор Сидоров? -многозначительно сказал Сан Саныч подняв указательный палец вверх.

После завтрака собрались в конференц-зале. К микрофону вышел знакомый по первичному осмотру доктор. Попросил тишины.

– Сейчас я вкратце расскажу о том, что вас волнует и познакомлю вас с распорядком дня, -сказал он, представившись. – Эту новинку, что вас всех так заинтересовала мы назвали " Компьютерный друг". Через чувствительное покрытие стен он получает информацию о составе воздуха, определяет в нем наличие вредных примесей: алкоголя, никотина, улавливает изменение радиоактивного и биомагнитного полей, отслеживает отрицательные сгустки энергии. Все это во взаимодействии с вашим датчиком.

По итогам каждого дня будут подводиться результаты. На ваших комнатных табло они будут обозначаться цифрами в сравнении с максимально возможными для вас. Кроме этого ваши комнаты оборудованы усовершенствованными конди-

ционерсами и светоулавливателями. Чистый воздух и необходимое количество ультрафиолета будут способствовать вашему оздоровлению. Я, как некоторые уже догадались, буду отвечать за ваше физическое состояние. Кто-то из вас уже ознакомился с помощью нашего компьютера с терапевтическими задачами эксперимента. Кто не ознакомился, тот должен обязательно изучить их, не откладывая в долгий ящик. Я напомню, что в основу лечения заложены природные факторы. Неподалеку отсюда в сосновом лесу расположено озеро Веша. Его вода признана целебной и одобрена Минздравом как средство, улучшающее обмен веществ, укрепляющее иммунную и нервную системы. Сведения о составе воды и ее воздействию на организм вы также можете найти в компьютере. То есть, мы будем широко использовать водолечение, куда входит и гидромассаж, и ванны, и промывание, орошение и так далее. В общем, всех процедур я вам перечислять не буду. Но обязательно: пребывание на свежем воздухе и физические нагрузки.

Сейчас вы возьмете карту процедур и занятий на сегодняшний день. Они разложены по номерам. Номер карты соответствует номеру вашего датчика. Ваш день расписан по минутам. Необходимо строго выполнять все, что указано в карте. Сейчас немедленно приступаем к сегодняшним занятиям. Занятия будут начинаться в восемь часов пятнадцать минут. Сейчас проходим все в левое крыло здания. Нумерация кабинетов начинается от лестницы. Правое крыло за-

нимают спортивный зал, бассейн, физиотерапевтический и массажный кабинеты, ингаляторий, солярий и другие лечебно-тренировочные объекты. Каждый пациент к указанному времени должен быть на месте.

Все пациенты устали в свои листы. У Олега значился на 8.15 психоаналитик. Кабинет № 3 и фамилия врача. Затем шло интеллектуальное занятие. Кабинет № 2-а, время 9-00. На 10-00 был назначен бассейн, затем спортзал, оздоровительная прогулка и так вплоть до 18-00.

Поначалу все казалось игрой, все пересмеивались, переходя из кабинета в кабинет. Но уже к обеду Олег устал так, что предпочел бы всем послеобеденным занятиям сон. С непривычки болели мышцы, удручало невыполненное интеллектуальное задание. Каждый раз он попадал в группы по пять -шесть человек, где все были пока незнакомы друг другу.

Самым тяжелым для Олега стали занятия на тренажерах и в спортзале. Утешало только то, что следующей по учебному плану была прогулка в лес. Здесь, можно было хоть немного расслабиться. И наконец-то он встретил своих – Виталия и Сан Саныча.

Сан Саныч был серый и измученный настолько, что отказывался говорить, лишь молча уступил место на скамейке рядом с собой. Виталий, наоборот, казался веселым. Видимо, трудности его только радовали.

–Башка болит,– пожаловался худой, желтолицый парень

с набухшими подглазьями. Пять минут назад он не мог произвести ни лова, и только дышал, как рыба, выброшенная на берег.

– Не надо было вчера столько пить, – укорил его круглолицый.

– Слушайте, бесплатно пройти такой тренинг – это ж здорово, – сказал Виталий. – Какие тренажеры!!! Ты в бассейне не был? – спросил он Олега, присаживаясь на корточки около.

– Нет. Уже как-то и без бассейна оценил всю прелесть физкультуры, – отмахнулся Олег, разглядывая под ногами пестрый ковер из листьев.

– Вы, ребята не унывайте, ведь это только начало, – шутливо успокоил улыбчивый спортивного вида наголо бритый парень. Но его шутка никого не развеселила. Все сидели на лавочках, не думая даже о красотах природы, вяло переговариваясь.

– Где же озеро то волшебное?

– Вот эта тропка туда ведет.

– Надо же сколько живу в этом городе, а про озеро это не слышал, – сказал худенький паренек с большими руками. – Здесь небось грибы бывают, маслята, оглядывая сосновую поросль неподалеку и пестрый осенний ковер под ногами.

– Вот и собирай.

– Да не-е, я не к тому, просто я в округе все места грибные знаю.

– Сейчас бы жарешки из лисичек, – отдохнув немного, включился в разговор Сан Саныч. – Мама у меня их здорово готовит, – мечтательно взглянул он на небо, встопорщив бороденку.

– Сан Саныч к маме захотел, – сказал желтолицый.

Два парня спортивного вида, переглянувшись, невольно прыснули. Один из них подавил смех коротким кашлем в кулак.

– Вот еще, – буркнув, обиделся Сан Саныч.

Облака легко плыли по голубому небу. Шелестели от легкого ветерка листочки на березах, выстроившихся на опушке.

– Скорее бы обед, жрать хочется, – сказал один из насмешников.

– Да, не помешало бы, – согласился Виталий.

– А сегодня на обед бифштекс, – доложил круглолицый, ковыряя ногой семейку худосочных поганок.

– Откуда ты знаешь? – спросил Виталий.

– Да вы что не видели меню? Оно в восемь часов на стенде у кафе вывешивается. У вас в какое время обед?

Олег с Виталием заглянули в свои карты. Обед у них оказался в одно и то же время – в 13 часов.

– А у меня в 12-30, – похвалился парень.

– А у тебя, Сан Саныч? – спросили учителя.

– Что обед? Обед-то в час. А после обеда еще плавание. А я с детства воды боюсь и плавать не умею. Я лучше останусь

здесь.

– Вот придумал,– добродушно засмеялся круглолицый.

– Да он шутит,– подхватил другой.

– Сдрейфил уже, господин интеллигент! – высказался желтолицый.

– А я смотрю и думаю, чего Сан Саныч сам не свой,– по-доброму усмехнулся Виталий.

–Сан Саныч, у меня тоже будет плавание, – сказал ему Олег,-И я, знаешь, от него как-то не в восторге.

– Значит, вместе учиться будем, – повеселел учитель. – А то все с чужими попадаешь, а они только смеются надо мной,– в полголоса пожаловался он Олегу. – Ну какой я спортсмен? Я даже названий этих спортивных аппаратов не знаю, не то что на них заниматься.

–Бросьте вы, мужики, ныть,– сказал спортсмен. – Как хорошо-то! Ни забот, ни хлопот. Никто тебя не пилит, в магазин не посылает, картошку чистить не заставляет,– заговорил он о своем.

– А я бы лучше пятьдесят кругов вокруг клиники сделал, чем отвечать на их дурацкие интеллектуальные тесты или сидеть с психологом,– высказал свое мнение Виталий. – Какую-то билеберду спрашивают, да еще баллы за это ставят. Говорят: не достаточно интеллектуален.

– Вообще дурдом какой-то, не понимаю, зачем это все надо? Я ж диссертацию защищать не собираюсь,– бросив по ноги ветку, сказал грубоватого вида парень.

– Да. Точно, – поддержали другие. И, поднявшись, направились по хрустящим веткам и листве к клинике.

Глава 12

С первого дня начались изматывающие всех ежедневные занятия в тренажерном зале, бассейне, на беговых дорожках парка. Кроме физподготовки изучали обществоведение, языкознание, решали психологические тесты, интеллектуальные задания. Шумные и молчаливые, открытые и замкнутые, своенравные и безвольные – все старались стать примерными пациентами.

Каждый день электронный женский голос поднимал с постели, заставлял принимать душ, делал замечания по культуре речи и поведению. Пациенты привыкли к голосу, который у каждого был на свой вкус, к меняющимся цветам стен, и научились видеть «опасные» оттенки, предупреждающие нервные срывы и помогающие мужчинам держать себя в руках.

Свалившиеся неожиданно нагрузки буквально выбивали Олега из колеи... Если бы не Виталий. Виталий умел находить радость даже в безрадостной повседневности. Весельчак, легкий характером, он умел заражать хорошим настроением других. Всегда был готов к общению. Ему все и всё было интересно, и сам он был будто на поверхности.

Лишь с одним человеком так и не сошелся Виталий. И этим человеком был Алик Мухин. Между ними шла тайная

и явная война. Благо еще, что Алик жил на другом этаже.

Зато соседи по комнатам быстро подружились. Собирались по вечерам у кого-нибудь в комнате, обсудить проблемы. А проблемы у всех выражались одинаково – низкими показателями табло.

– Я эту девицу слышать больше не могу, – потряхивал Константин мокрыми после душа волосами. – Все ей не так! «Никотин вреден для вашего здоровья! Сквернословие засоряет русский язык», – передразнил он тонким голоском. – На французском разве говорить? Так Иван вряд ли его осилит, – посмеялся он. – Так что ль я говорю, Вань? – спрашивал он своего соседа – тракториста.

– Ага, – покраснев еще больше, соглашался тот. Он мог бы быть красавцем, если бы не слишком яркий цвет лица и узловатые руки, которые он не знал куда девать. Иван всегда со всем соглашался, говорил медленно растягивая гласные, заикаясь и краснея, если приходилось произносить длинную фразу, зато запрещенные слова выходили у него гладко: чувствовалась тренировка.

– А я у себя в ЖЭКе первым эрудитом считался, кроссворды, как орешки шелкал, детективы пачками читал, а теперь, оказывается, я ноль без палочки в интеллектуальном плане, – включился в разговор электрик Володя. Он жил вместе с бледным, рассеянным, помешанным на карточной игре, бывшим официантом Сережей. Сейчас он не мог сдержать раздражения.

– Да, я о себе был тоже несколько иного мнения, – сказал он. – Иногда думаю, а на фига мне все это надо? Чего мне не хватало? Зачем я сюда поперся?

– Все же наука! – уважительно сказал Володя.

– А завтра, представляете, опять на беговую дорожку. У меня уже все мышцы болят. Я так долго не вынесу, – жалостливо проныл Иван, ища поддержки у товарищей.

– Так брось все, и дело с концом, – с легкой насмешкой посоветовал Виталий.

– Не могу, девушке своей обещал идеальным стать, – ответил он, покрываясь пятнами от смущения. – А тут сдохнешь скорей.

– Да, плохи наши дела, – вздохнул Володя, думая о своем. – Зато гляньте на Витьку и Сан Саныча, вот с кого пример надо брать. У них будто второе дыхание открылось.

– Они молодцы. И Андрей Степаныч ими доволен, и показатели у них лучше, – с завистью заметил Виталий.

– Перестаньте вы завидовать, еще неизвестно ничего. Слишком стараются – быстрее сорвутся, – сказал, скептически скривив губы, Константин.

– Как вообще Витька с ним живет? Сан Саныч такой зануда. Начнет речь толкать, не остановишь. Своими философами хоть кого в гроб вгонит, – заметил Володя.

– Витька – он хитрый, делает вид, что слушает, а сам о своем думает, – сказал Константин. – Вчера смотрю тащат оба по кипе книг из библиотеки. Когда только успевают читать? –

удивляется он.

– Они курс ускоренного чтения прошли после занятий. Олег тоже сейчас проходит. А я как-то больше солярий уважаю. Для здоровья полезней, – комментирует Виталий.

– А я устаю, как собака. Мне не до чего, – жалуется Иван.

Сложности были у всех, но сильные почему-то ломались быстрее. А самые слабые с виду Виктор и Сан Саныч показали завидное терпение и настойчивость во всем. Виталий поражался этому. Уж кто-кто, а он знал, что у Виктора трудности с дыханием, а Сан Санычу приходится преодолевать нестерпимую боль от огромных незаживающих мозолей на ступнях. А бессонницы и нравственные страдания, о которых даже с близким другом не поговоришь?

Глава 13

Бессонница была общей бедой. После некоторых тестов и задач вместо того, чтобы спать без задних ног, пациенты ворочались с боку на бок, перебирая свою жизнь, заново оценивая те или иные поступки. Осунувшиеся лица, круги под глазами, сумасшедший взгляд – так они теперь выглядели, несмотря на хорошее питание и отдых по воскресеньям.

Этой ночью Олега мучили воспоминания. Танечка... Когда он в первый раз ее увидел, шел дождь. Он и сейчас стучал по стеклу его окна. Зачем он связался с ней? Просто она была ему удобна. И она, и Наталья, и невмешательство матери в его личную жизнь, на котором он так настаивал. Толь-

ко сейчас, в клинике, он понял, как ранило мать его равнодушие. Танечка поняла это раньше, и жалела Полину Игнатьевну больше родного сына.

Олег терзался чувством вины, но не видел выхода.

Шел еще только первый месяц в клинике, но силы у Олега были на исходе. Возросла нервозность. Даже Виталий начал срываться. Иногда после бессонной ночи Олег уходил в лес к озеру. Здесь ему удавалось хоть ненадолго отключиться от всего. Здесь ждала его «своя» береза. Он придумывал ей ласковые имена: невеста, милая, разговаривал с ней, как с человеком, и она, казалось, белела в толпе подруг больше всех, тянула к нему тонкие ветви.

Пахло сыростью. От воды шел чуть заметный пар. Казалось, озеро дышит. Сонные деревья, не замечая того, теряли листья. Хотелось лечь, уткнуться в траву и слиться с природой.

Олег садился на пригорок, привалившись спиной к березе и ждал, когда сомкнутых век коснется теплый луч солнца или ласковый ветерок. Сидел, пока не продрогнет. Сегодня даже думать не хотелось, и не хотелось открывать глаза. Впереди был длинный и тяжелый день, один из череды таких же.

Профессор Сидоров уверял, что эксперимент идет по плану, и то, что некоторые, не выдержав трудностей на первом же этапе покидают клинику, это нормально. Невысокий шустрый профессор был, казалось, вездесущим, успевал

всюду побывать, с каждым поговорить по душам. Он часто заходил в гости к Олегу и Виталию, попросту пил чай и говорил, казалось, о незначительных вещах, много шутил. После его прихода всегда оставалось хорошее настроение. Слова его вселяли надежду.

– Сколько же часов в сутки вы работаете? – удивлялся Олег оптимизму и трудолюбию профессора.

– О своих пациентах я должен знать все. У кого какие духовные потребности, кто чем дышит, – отвечал он с улыбкой. И никто не знал, сколько душевных сил тратит он на каждого пациента, просматривая по ночам данные особо проблемных и составляя им специальные задания.

Олег и Виталий тоже были из проблемных. Особенно профессора беспокоил Олег. Уже дважды приходилось вывести его из состояния душевного кризиса. Однажды Олег сам преодолел тяжелый срыв. Но и после него против ожидания профессора положительной динамики не последовало.

Вернувшись домой после одного из посещений пациентов, профессор закрылся в своем кабинете. Постучав, вошла жена в прозрачном пеньюаре с подносом в руках, но он жестом отказался от чая и не заметил ее призывного взгляда. Она тихо вышла.

Сегодня его опять беспокоил Олег Дубов. Профессор просматривал графики и цифры данных пациента, обрабатывал новые, полученные при разговоре, и его не покидала тревога. Он наметил для себя следующие пункты: 1) Беседа с близ-

кими Олега Д. ("Это нужно будет осуществить в ближайший выходной. Возможно, с ними предстоит серьезная работа. В дальнейшем поручить его психиатру Петрову Сергею Ивановичу. У него есть соответствующий опыт." -думал профессор, делая пометки.) 2) Проверить по новым данным совместимость с соседом Виталием А. (Подключить психоаналитиков.) 3) Усилить влияние на него Виктора С.(Возможно, потребуется временная изоляция. Снижение нагрузок обоим. Исключить на это время общение с родными. Убрать внешние раздражители, создать иллюзию возврата к прежней жизни. Ответственность за данный шаг возложить на Петрова С. И.)

Олег и Виталий и не подозревали, что их все еще продолжают проверять на психологическую совместимость. Они уже привыкли друг к другу, хотя ко многому относились по-разному. Виталий свои неудачи переживал бурно, пытаясь выплеснуть наружу все чувства, Олег, наоборот, еще глубже проваливался в себя, замыкался, иногда поражая Виталия отсутствующим взглядом. Неверие в себя, зародившееся еще дома, продолжало свою разрушительную деятельность. Виталию более близок был Олег простой, веселый, отодвинувший в сторону свои терзания. Он не понимал, как Олег может терзаться из-за какого-то неродившегося ребенка, придумывать небылицы о своих близких, которые якобы страдают из-за него. Теперь он придумал, что с Натальей может случиться какая-то беда. Уже и ее внешний вид кажется Оле-

гу подозрительным. Видел ее Виталий, видная бабенка из той же породы неврастеников. Да и мать у него все время расстроенная. Нет бы поддержать сына!

У Виталия, кажется, больше поводов переживать. Но придет Элка, пощечет, и веселей становится. Все же она его любит по-своему. От брата узнал кое-что о своем деле. Он приносил газеты, несмотря на запрет Андрея Степаныча. Убитую девушку звали Вероника Полянская, работала она аудитором в одной фирме.

– Вот слушаю я эту деву, – кивнул он на табло в разговоре с Олегом, – и думаю: какая она спокойная, и какие слова все находит. Если бы вот так люди между собой говорили, и разводов бы меньше было.

– Да, ты прав. Наверное, так и есть. Мы не способны на диалог и взаимопонимание, мы слышим только себя. Но сравнивать бесчувственный компьютер с живым человеком тоже нельзя. Он не умеет ни страдать, ни прощать, ни злиться. А мы все из этого состоим. Душа! Куда ее денешь?

– Мудрено больно. Витька вон тоже говорит: душу надо ценить. А сколько ее, души-то в человеке? Посмотришь, все больше тело.

– По-разному. Но ты прав, то, что не видишь, трудно ценить. А обидеть легко.

Вначале Виталий радовался хорошим показателям на табло, игнорируя плохие, гордился бугрящимися под упругими струями душа мускулами. Он всегда хорошо чувствовал и

любил свое тело и не считал себя не в чем ущербным. Но в последнее время то ли после разговоров с парнями, то ли под влиянием Андрея Степановича что-то внутри него стало мягче и оттого ранимее. " Многие знания – многие скорби," – так, кажется, говорил Виктор.

Андрей Степанович столкнул Виталия с классиками литературы, музыки, изобразительного искусства. Как только от этого его, Виталин, лоб не треснул. Первое время мозг никак не хотел воспринимать чуждую информацию. Врачам даже пришлось прибегать к гипнозу и антидепрессантам. Помогли Олег и Сан Саныч. Их увлеченность просто поражала Виталия. А Олег, наблюдая за муками Виталия, с благодарностью вспоминал свою маму, которая дала ему разностороннее образование, научила ценить прекрасное в природе и искусстве.

– Я, кажется, начинаю понимать, по какому принципу нас объединили. Без тебя бы я совсем пропал, – признался однажды Олегу Виталий.

– И я, наверное, не выдержал бы физических нагрузок, – согласился Олег.

И это было правдой. Они взаимодополняли друг друга. Виталий приучил Олега к железной дисциплине и холодному сердцу. Физические нагрузки закаляли как снаружи, так и изнутри, считал Виталий. Даже по вечерам после всех занятий он иногда делал кружок – другой вокруг корпуса.

Накрапывал дождь, лакируя кровавые бусины рябин, сби-

вая высохшие листья. Природа прощалась с последними теплыми деньками. Грусть проникала и в душу Виталия.

–Посмотри, какой восторг! –держала на ладони такую же гроздь рябины, восхищалась Юля.

Как близко, совсем рядом, оказывается порой прошлое! Юля, белокурая, с ямочками на щеках, как он тогда был влюблен в нее!

Она бегала по лесу, как шальная, наклоняясь к каждой брусничке, гладила разноцветные глянцевые шляпки сыроежек. Он ловил ее в объятия, любуясь разрумившимся от непонятного ему восторга ее лицом и целовал, целовал... Она начинала от него отбиваться.

Они лежали на обогретом солнцем пригорке, и она удивлялась летящему в небе косяку гусей. Гуси набирали высоту, гортанно перекликаясь.

–Как все в жизни правильно,– говорила она. – Вожак впереди, остальные все по своим местам. Нет, ты подумай, все ли они долетят? А каждый год собираются в стаи и улетают.

–Так и должно быть. Вожак самый сильный и смелый, и все его слушаются,– отвечал он.

– Я не о том, –сбивчиво говорила она: –Вот весной птицы радуются, поют песни, а сейчас, кричат, улетаю. Наверное, прощаются со своей родиной. Ну погляди, погляди, как красиво они летят... Ничего-то ты не видишь,– огорчилась она.

–Зато я вижу тебя, –сграбастывал он ее медвежьей хваткой, и она исчезала в его объятиях.

...-Не видишь, ничего ты не видишь, кроме себя,— сказала ему Юля в один из последних дней. Была она тогда серой, поблекшей после перенесенного аборта. Он даже пожалел ее и хотел утешить единственно известным ему способом... Помирились им так и не удалось.

Впрочем, он и не прилагал к этому больших усилий. А она бы простила его, наверняка бы простила.

Сколько их потом было... Капризная взбаламошная Светка, которая устраивала ему скандалы из-за мелочей. Не поддержал, когда она падала, не предложил куртку, не поцеловал на прощанье. Сколько всякой ерунды могут напридумывать женщины! Настя, Людочка, даже имена их забываются... Вот с Элкой было легко. Она беззаботная, как бабочка. Но такой она была и с другими. А Вероника? Кто она? И какая судьба?! А ему-то что до этого, но вот не отпускает его девушка из медальона. Должен он разыскать ее родственников. И этого гада наказать.

Глава 14

Наступил октябрь. Неожиданно сильно похолодало, а в клинике по-прежнему были жаркие деньки. Лишь выходные давали небольшую разрядку. К пациентам приезжали родители, родственники, знакомые. Друзья по привычке подтрунивали над горячими пирожками, которые неизменно приносила Сан Санычу его мама, узнавали примелькавшихся женщин, особенно молодых, и ждали воскресенья, как

школьники в загородном лагере. Приход Натальи развлекал мужчин, они заговаривали с ней, пытались ей хоть в чем-то услужить, кто тайно, кто явно завидовали Олегу. Ценитель женской красоты Сан Саныч однажды сказал, что иметь такую жену – все равно что сидеть на пороховой бочке. И добавил: "Но заманчиво, черт возьми!"

Но для Олега посещения матери и Натальи не приносили радость. Мать изначально подозрительно относившаяся к эксперименту вдруг внушила себе, что он смертельно опасен. И Олегу каждый раз стоило больших душевных сил убеждать ее в обратном. От Натальи тоже не было той поддержки, что раньше. Являлась она регулярно одной из первых, но держалась с ним как-то отчужденно. И даже сквозь эту отчужденность Олегу чудилось что-то недосказанное, какие-то ее заботы и сомнения. Впрочем, Наталья всегда для него была полна тайн.

Прошлый раз они гуляли по парку. Ночью неожиданно ударил не ко времени мороз, и солнце растапливало первую изморозь, покрывшую зелень. И на еще не совсем пожухлой траве светились блестящие бусины. Тогда Олег не сдержался, высказал Наталье свои сомнения и появившееся желание покинуть эксперимент. Она неожиданно расплакалась. "Что с ней? Ведь ей ничуть не легче, чем мне," – догадался Олег, чувствуя какую-то свою вину и по-прежнему не понимая ее. Сцена эта была короткой и больше не повторялась. Наталья быстро взяла себя в руки и стала сердиться на него за его

бесхарактерность, обзывать его бестолочью и тряпкой. Но в памяти так и остались эти слезы вместе с каплями тающего снега и стайкой купающихся в луже воробьев. Как контраст радостного торжества природы и бессилия человека.

Дни шли за днями. И каждый последующий был тяжелее предыдущего. Но Олег не мог не признать силы и ловкости, появившейся в руках и ногах, упругости мышц, обострившейся интуиции, обнаженности нервов, которые иногда помогали решать тупиковые интеллектуальные задачи. Была и радость преодоления самого себя.

После ухода Олега в клинику, его депрессия словно переселилась в Наталью. Душу ее раздирали сомнения. Ну почему он не ценит всего того, что она для него сделала? Почему он ее не любит? В чем она виновата? И хоть она все решила для себя относительно Олега, было больно. Она ушла с головой в работу. Но и работа не спасала, хоть от недосыпа и усталости по утрам плыли круги перед глазами. Даже вызвавшая большой интерес читателей статья не радовала. Однажды в автобусе утром чуть не потеряла сознание – так закружилась голова. Поспешно села, освободив шею от шарфа. Холодный пот покрыл лоб, и мусть еще долго не отступала, сжав голову и горло. С сильно забившимся сердцем поняла: вот случилось! Шевельнулась в груди большая радость, вытесняя остатки тревоги. Целый день думала об этом и молчала. Запретила себе нервничать и перерабатывать тоже. И дальше несла в себе эту тайну, как клад.

О своей беременности рассказала лишь психиатру клиники Петрову Сергею Ивановичу, и то потом удивлялась, как это могло произойти. Разговор шел в основном об Олеге, его трудностях и проблемах, врач почти не касался их с Олегом личных взаимоотношений. Милое, какое-то домашнее лицо Сергея Ивановича располагало к доверию. Он был первым человеком, который поздравил ее с будущим ребенком, и, казалось, искренно был рад за нее. Но предупредил:

– Если вы решитесь сказать ему об этом сейчас, ему придется оставить клинику. А это чревато тем, что он может еще больше потерять веру в себя. Я советую вам повременить. Решите для себя, что важнее вам, и что ему, взвесьте все "за" и "против". В теперешнем состоянии он не способен принять серьезное решение по этому вопросу. Насколько я знаю, у него уже были подобные ситуации?

– Вы знаете?

– Мы обязаны все знать о наших пациентах. Что касается Олега Дубова... Несостоятельность в личной жизни угнетает его чуть ли не больше всего. Мы делаем все, чтобы помочь ему. Но о положительных результатах можно говорить лишь к концу эксперимента. Готовы вы подождать этот срок?

– А что мне остается?

Они улыбнулись друг другу. Она поняла, почему врач ей нравится. Он был похож на молодого доктора Айболита.

– И еще... – он замаялся, опустив глаза. – Возможно, и даже вполне вероятно, что он и потом будет не в состоянии при-

нять столь важного решения. Процесс самоусовершенствования длительный. У Олега Дубова, я думаю, он затянется на срок до двух-трех лет. Так что вам нужно быть готовой ко всему.

– Боже, неужели так все мрачно! – посмеивалась Наталья. Почему-то в отличие от слов глаза его вселяли в нее надежду и, казалось, говорили: " Не бойтесь, все будет хорошо."

Наталья стала каждый свой приход посещать доктора Петрова. Однажды с ней беседовал сам профессор. И она заметила, что стала спокойней, что все, кроме ребенка отошло на второй план. Она уже ждала этих "сеансов", заранее планировала, о чем хочет поговорить.

Встречи с Олегом временно запретили, но Наталье некогда стало скучать по нему. В жизни ее ждали трудные перемены. Стремительно стало ухудшаться здоровье мамы. Мария Петровна все время перемогавшая боль, слегла. Наталья забросила клинику, оставила работу, день и ночь проводила у постели больной. Когда становилось невмоготу, звонила доктору Петрову. И он поддерживал ее и Марию Петровну, находил нужные слова в, казалось бы, совсем безнадежной ситуации. Он интересовался здоровьем обеих женщин, и неизвестно, чьим больше.

–Как вы себя чувствуете? – шепотом спрашивал он Наталью в прихожей, все еще не решаясь ни на какую ласку.

Мария Петровна смутно догадывалась о чувствах молодого доктора и сказала однажды сквозь одышку:

– Вот и муж тебе, а мне пора умирать.

– Да что ты, мам. У него, может быть, кто-то есть. – Такой нелепой показалась ей эта мысль. – Ведь он Олега лечит.

Мария Петровна всегда оживлялась при виде молодого доктора. Но сегодня даже на это у нее не хватило сил. Лишь только на миг она выделила его лицо из лиц многих людей, стоящих у кровати... Не спасли ее доктора, и сообщение о собственном внуке не смогло удержать на этом свете.

На другой после похорон день поздно вечером Сергей решил на беседу с профессором. Андрей Степанович сидел за рабочим столом в своем просторном кабинете, просматривая какие-то бумаги и газеты.

– А Сергей Иваныч, заходи, ты кстати, – сказал он, указывая на бумаги. – Люблю посидеть здесь в одиночестве. Телефон молчит. Пациенты спят.

– Мне нужно с вами поговорить. Но я боюсь, что очень поздно. Увидел у вас огонь и... – проговорил Сергей.

– Нет, нет, – сделал суетливый жест рукой профессор. – Ты мне как раз нужен. Сегодня действительно уже поздно, а завтра я должен поговорить с Виталием Аникеевым, он же твой пациент. Пригласи его ко мне с утра. Я должен показать ему кое-какие бумаги конфиденциально, а вот с газетами ознакомься. – Тыльной стороной ладони профессор легко коснулся бумаг, и радостные огоньки замелькали у него в глазах. – Чист наш Виталий. В убийстве подозревается отчим убитой – антиквар и известный криминальный автори-

тет. Мотив убийства: наследство жены. О! Там темная история! Предполагают, что мать оставила двум своим дочерям весьма ценные вещи. А отчим не захотел с этим смириться. По всей видимости, Виталию придется дать показания в милиции.

– Виталий хочет найти родственников девушки.

– Зачем? – удивился профессор.

– Это мне неизвестно.

– Ну хорошо. Ты завтра мне его пригласи.

– Хорошо, Андрей Степаныч, завтра с утра я его к вам позову. Но я по поводу Олега Дубова. Его семейная ситуация обострилась, и сейчас ему необходимо принять определенное решение.

– Вот и хорошо, не вмешивайтесь. Пусть он принимает это решение сам.

– Понимаете, произошло еще кое-что. Умерла мать его подруги Натальи.

– Ах, как жалко, бедная девочка! Сколько на нее сейчас свалилось. – По лицу профессора пробежала скорбная тень. – Олег не должен остаться безучастным в этой ситуации. Если он решится на этот ответственный шаг, значит, это его судьба, и его мужской выбор. Может быть, его совершенствование должно пойти именно по этому пути. К тому же, он сейчас в кризисном состоянии, я считаю, ему нужна встряска.

– Но тогда мы можем потерять пациента.

– Да, было бы жаль, конечно. Но, главное, положительный

результат. В конечном счете создание семьи – есть наша задача.

– Счастливой семьи, профессор.

– Вы полагаете, эта семья будет несчастлива?

– Да, я так считаю. И нахожу необходимым изолировать Олега Дубова. В своем теперешнем состоянии ему необходима совсем другая компания. Показания датчиков за последние дни зафиксировали повышение отрицательной энергии, изменение психических реакций пациента.

– Кого бы вы рекомендовали ему в компаньоны?

– Виктора Соболева.

– Согласен. Данные о совместимости их у вас имеются?

– Да, я уже работал над этим.

– Почитайте вот эти материалы. Сделайте свои выкладки, обоснуйте к завтрашнему утру. -Профессор достал из стола папку и протянул доктору Петрову. – Завтра мы все обсудим. – Но все же, я думаю, мы не вправе решать за наших пациентов их семейные проблемы. Как знать, может быть самосовершенствование такого индивида, как Олег Дубов может быть эффективно только в условиях свободы и жизненных передряг. Основа самовоспитания – воля. И каждый человек волен поступать, как он считает нужным.

– Но главное в том, что он недоволен своим творчеством. И если не решит эту проблему, никогда не сможет стать счастливым человеком. Не говоря о том, чтоб сделать счастливым кого-то рядом с собой.

– Да, это главное. Давайте поработаем с вами еще в этом направлении. Но творчество не изолировано от жизни, а проистекает из нее,— ласково сощурился профессор. Он любил своего ученика, и Сергей знал об этом. – Жду вас завтра со своими предложениями, а сегодня уже поздно, пора домой,— сказал он. – Спать, спать, дорогой мой, Сергей Иванович, кто знает, какие сюрпризы готовит нам завтрашний день.

Глава 15

А жизнь, действительно, готовила сюрпризы... Вечером в холле клиники собрался стихийный митинг. Многие ругали больничные порядки, особое недовольство проявлял Алик Мухин. Он был особенно возбужден и несдержан:

– От профессора уже все разбежались. Одни бомжи да идиоты остались.

– И ты среди них,— усмехнулся кто-то.

– Да если бы одни бомжи. Кроме них здесь скрывается убийца,— многозначительно замолчал он. Ничего не подделаешь, любил Алик эффектные паузы. Он мельком глянул на побледневшего Виталия и остался доволен. Заинтригованные, парни ждали, что он скажет дальше. –Этот убийца безжалостно зарезал ножом молодую красивую девушку. Впрочем, вы, наверно, читали об этом в газетах... А потом струсил и спрятался в клинике. Я уже статеечку готовлю: «Мясник-убийца». Мясники вообще часто становятся убийцами,

вид крови им привычен,— обратившись к Виталию, проговорил он.

— Что он городит? — раздались голоса, пытающиеся урезонить журналиста.

— Алик, ты что?

Виталий чувствовал, как внутри поднимается темная неуправляемая волна ненависти. Губы его дернулись, болезненно скривились, ноздри побелели.

— Ну ты, тварь, еще слово скажешь и... — процедил он.

Он бездумно рванулся к Алику, пытаясь схватить за грудки.

— Да тебя придушить мало. Сволочь ты...

Ему помешали парни.

— Ну-ну, потише, — брезгливо отряхиваясь, сказал Алик, пряча за усмешкой невольный страх. Повисла мертвая тишина. — Вот убийца и обнаружился... — прошипел он зловеще.

— Что-о? — задыхался в справедливой ярости Виталий.

— Если ты не убивал, скажи тогда, чего ты тут делаешь? — работал на публику журналист, с трудом сохраняя видимое спокойствие, но злость ядом прорывалась в словах: — Чего же ты тогда тут делаешь? — повторил он. — Баб что ль тебе не хватает? Твою Эллочку директор ..., пока ты тут... — не окончил он фразы.

Виталий с нечеловеческой силой рванул вперед и с плеча ударил журналиста в лицо. Он отлетел прямо на мраморный столик, но вовремя подоспевшие парни успели подхватить

его.

– Убийца,– упрямо прошипел он, дрожа от страха и ярости, оторвав от лица окровавленную руку.

Несколько человек гирями повисли на Виталии.

– Я так и знал, что этим кончится,– испуганно пробормотал Сан Саныч, успокаивая Виталия: – Не связывайся ты с ним,– вместе с другими парнями повел он его к дивану.

– Убийца! –вытирая белоснежным платком кровь с лица, срывающимся шепотом повторил Алик, с ненавистью глядя Виталию в спину. – Видна тюремная школа. Или забыл, как на нарах парился?

Алик слизывал кровь с рассеченной губы, в глазах все еще плыл туман: вот дрянь, мужлан недорезанный – ругал он Виталия, но чувство собственного превосходства не спасало, он чувствовал, что переборщил, последнее время здорово сдали нервы.

Вокруг возмущенно загудели.

– Замолчи,– прошептал, выступив вперед, Виктор.

–А ты-то...– хотел презрительно рассмеяться Алик, но осекся наткнувшись на ледяной взгляд Виктора. Увидел вдруг, что все вокруг против него. – А, ну вас всех!

– Ты чё, Алик, с ума сошел? – придвинулся к нему культурист Слава.

– Вы что, ребята? Вы все против меня- заюлил он, заикаясь. Зубы стали отбивать мелкую дрожь. «Из-за... какого-то бомжа!» – проглотил он едва сорвавшееся слово.

– Я интересовался этим делом. Там кто-то из родственников подозревается, то ли отец, то ли отчим,– сказал Константин, потряхивая блестящими волосами, недоумевая: – Чего он мелет, непонятно.

– Просто он использует ситуацию и пытается всех настроить против профессора,– кивая на журналиста, взволнованно сказал очкарик, прозванный в клинике Студентом за то, что обучался в двух ВУЗах, но так и не получил ни одного диплома.

– Да я все могу разузнать, у меня брат в отделе убийств работает, – сказал худенький паренек, которого все звали Шурик, живущий на третьем этаже, подсаживаясь к Виталию.

– Виталь, слышишь? – окликнул его Сан Саныч.

– А ну вас. Шуток не понимаете,– попытался по-свойски улыбнуться всем разом Алик, спрятавшись под привычную личину. Но улыбка вышла жалкой, дрожащей.

– Если что, я тебя из-под земли достану и в порошок сотру,– пообещал Виталий. – Я действительно был на месте преступления. И видел преступника,– объяснил он собравшимся. – И, наверное, я был не прав, что спрятался здесь от милиции.

– Вот, вот. Это-то меня и сбило с толку. Простите. Если что не так. – Алик приложил платок к губе, давая понять всем, что все же он здесь пострадавшая сторона.

– Пошли, ребята. Чего тут? Все ясно! – позвал Константин.

– Я думаю, инцидент исчерпан. Если нет, то можете и по другой щеке ударить, я разрешаю, – зло юродствовал Мухин, выкрикивая слова вслед уходящим парням.

Алик знал, что в убийстве подозревается отчим девушки, но насолить врагу было так заманчиво, что ему не осталось ничего другого, как блефовать, рассчитывая на удачу. «Ишь ты, супермен! Пусть знают... Еще неизвесно, кто убил.»

Парни дружно покидали холл. Удалялись их голоса и шаги вверх по лестнице.

«Подождите! Он же преступник. Он уже был под следствием, или вы тоже в это не верите?» – хотелось кричать журналисту. Но он молчал. Он был маленьким и бессильным среди холодного мрамора колонн, уютных диванов и столиков с брошенными журналами. Яркие, веселые витражи окон смеялись над ним.

«Ну подождите! – мстительно сжимал он кулаки. -Подождите! Ведь вы все дерьмо по сравнению со мной. Дерьмо!» Было слышно, как завывает в тишине ветер.

Олег отсутствовал во время стычки двух недругов и лишь со слов друзей узнал о происшествии. Он сидел в гостиной, вжавшись в кресло, и равнодушно листал книгу. Когда вошел Виталий, он отложил ее и слушая друга смотрел на него прозрачными холодными глазами. Ничего не дрогнуло в его лице.

– Просто он завидует твоему авторитету у парней, – сказал он, когда Виталий закончил свой рассказ. – Он рассчитывал

быть лидером. Да вначале так и было, помнишь? Он вел себя, как хозяин. А теперь те, кто его поддерживали, уже ушли. – Слова Олега шли не от сердца, а от рассудка. – И вообще, чем дальше, тем больше выясняется, кто чего стоит, – устало закончил он.

Виталий, в котором еще не утихло волнение, с удивлением посмотрел на Олега, злясь на его равнодушие: «Как он так может?»

– Да ведь он всех нас вместе с профессором грязью хотел измазать. Все мы преступники, психи. Один он – чистенький!

– Брось ты, ничего же не случилось, – не желая спорить с Виталием, равнодушно скривил лицо Олег.

Но чем спокойнее был Олег внешне, тем большие бури кипели у него в душе. В прошлый выходной родные к нему не приходили. По телефону мама говорила с ним бодро, нахваливала на все лады профессора Сидорова, с которым ей удалось побеседовать, доктора Петрова, и была уже уверена в успехе эксперимента. Их роли будто поменялись. Звонившая Наталья была усталая и далекая, у нее болела мама. Наверное, ей не хватало его дружеской поддержки, но едва ли он мог ей помочь. Зато выяснилась причина ее слез, и его больше не мучила вина перед ней. Показатели на табло падали, но это как будто его не волновало. Все свободное время он в одиночестве сидел в гостиной или валялся в своей комнате с книгой. Но и читать не мог. На него надвигалось тяже-

лое, хорошо знакомое чувство безразличия ко всему окружающему. Начавшиеся холода и ветра дополняли плохое настроение.

Глава 16

Стычка Алика с Виталием отрицательно сказалась на здоровье Виктора. Это, по решению врачей, ускорило необходимость временной изоляции для обоих. Олег и Виктор оказались в тихой светлой комнате, оклеенной обычными обоями, с отдельным выходом в парк. Из развлечений были только книги. К Олегу вернулась жажда чтения. Подолгу разговаривая с Виктором на темы прочитанного, Олег заинтересовался собеседником. Виктор был совсем иной человек, чем все, что встречались ему раньше.

Время, летевшее в клинике незаметно, здесь будто замедлило свой бег. Олег наслаждался тишиной и покоем, компания Виктора как бы дополняла тишину. По просьбе художнику предоставили в полное распоряжение краски и карандаши. Пустота в душе постепенно наполнялась смыслом. Помногу рисуя, он открыл в себе новые способности – художника-карикатуриста. Полки и стены их комнаты заполнили портреты и шаржи на обитателей клиники.

Наталья все более отдалялась от него, и он был рад этому, чувствуя свою беспомощность, как друга. Мама, наоборот, повеселела, часто звонила, и сообщила однажды, что встретила старого друга Вячеслава Михайловича. И теперь они

вместе с ее приятельницей составляют ей компанию по вечерам.

– Я поняла, у каждого должна быть своя жизнь. Жить чужой жизнью нельзя. Ты вырос, и как тебе не трудно, ты сам должен решать свои проблемы. И я уверена, что у тебя все будет хорошо. В следующее воскресенье профессор разрешил посещения, я приду к тебе, – говорила мама.

О Наталье доктор Петров сообщил, что у нее умерла мать, и сейчас лучше ее не беспокоить.

– Я по мере своих сил поддерживаю ее, – доложил он.

Сергей Иванович или просто Сергей, как стали его звать друзья, по вечерам приходил к ним переброситься партией в шахматы, поболтать, послушать Олеговы рассуждения и откровения Виктора.

– Иногда я думаю, что время за пределами клиники течет как-то иначе, чем здесь. На свободе время имеет свой вкус и цвет, свою боль. Почему Натальяина беда, практически не касается моей души? Наверное, было бы по-другому, если бы я был рядом с ней?

– Я так не думаю, – отвечал Сергей. Друг по велению души приходит на помощь другу, а не по обязанности. Раньше ты часто приходил ей на помощь?

– Ну...

– А она к тебе?

– Бывало... – покривил душой Олег, приходя к мысли, что действительно, он-то никогда, ничего не сделал для Натальи.

– Свобода происходит от слова "свой". Своя женщина, свои увлечения, своя работа. Вот ты бы отдал кому-нибудь свой талант? Нет! В этом и есть твоя свобода. Когда-нибудь ты встретишь женщину, которую тоже никому не отдашь. Это и есть любовь. Она будет "своя", и любая ее боль будет своей тебе. А Наталья тебе пусть и близкий человек, но не родной.

– Вот это правильное слово, -поддержал Виктор. – Родство душ должно быть. Я оглядываюсь в прошлое и вижу вокруг себя чужие лица, чужие души. Как я был не свободен! – Темные глаза Виктора стали непроницаемыми. – Нет, были и родные, но я их как-то растерял. И так долго не мог найти...

Глава 17

Той зимой, когда в квартире Дубовых царила семейная идиллия, и жизнь Олега была заполнена теплой нежностью Танечки, Сан Саныч витал в звездах совместно с Таей, Виталий тоже был занят какими-то интересными делами, на улице замерзал бомж. Еще несколько часов назад он звонил в двери к людям, ища куска хлеба и сочувствия, но почти не находил их.

Шли рождественские святки, люди ели мясо, запивая его вином, или, уютно устроившись у телевизора, наслаждались домашним теплом. И им никто не был нужен. Бомж разучился плакать и уже давно ждал смерти, все чувства в нем будто замерзли. Но люди так быстро старались закрыть за ним

дверь, и так много было брезгливости и страха в их глазах, что поневоле делалось больно душе.

Мороз продолжался уже который день. Слепой старик, у которого он жил в аварийном полуподвале, метался в жару. Есть было нечего, и надо было идти на улицу. Выйдя на мороз, он задохнулся, будто без кожи бросили в кипяток. Ноги и руки задубели. Превозмогая боль, он машинально заходил в подъезды и звонил негнушейся, культяпой от мороза, рукой в случайные двери. Ему не везло. В первой квартире дверь открыла девочка лет десяти, и тут же захлопнула ее, испуганно ойкнув. Из-за другой бешено залаяла и застучала когтями по дереву собака. И он, звонко стуча застывшими ногами, обутыми в рваные холодные "дутьши", неуклюже выбежал вон. Дальше также не везло. Во всех глазах он читал свою ненужность и убожество. Все отводили взгляд, торопились захлопнуть дверь и поскорее отвлечься от тяжелого впечатления, что он производил. Кожа на руках лопалась, кровила, но он уже привык и к боли.

Все же женщины были добрей. Он жадно сгрыз, неуклюже держа несколько печений, проглотил яйцо, сплевывая не оставшую скорлупу, хватил у подъезда снега.

В следующем подъезде вкусно пахло чем-то жареным, отчего, притушенный болью, его аппетит только усилился. Он выбрал дверь попроще, позвонил, прислушиваясь к звукам изнутри. Дверь слегка приоткрылась. Встретил удивленный взгляд молодой женщины, а ниже любопытный, доверчивый

маленького мальчика в валенках. Женщина кивнула и ушла. Вскоре сунула ему под мышку пакет. Он увидел: картошка, хлеб, кусок колбасы. Женщина вздохнула, глядя на его руки, велела подождать, и через минуту вынесла пару рукавиц. Что-то согрелось в душе, оттого физическая боль стала острее. Он хотел поблагодарить, но женщина вдруг изменилась в лице, исказив его мимолетной гримасой отвращения и жалости, и поторопилась закрыть дверь.

Он бомжевал недавно, и от всех этих человеческих чувств и эмоций у него щемило сердце. Болью вспомнились некоторые брезгливые лица и равнодушные взгляды, звучали слова: мол, молодой – работать надо; да кому ты нужен, детдомовец! Знать бы ему, в какие двери стучаться, где ждет его меньше унижений. Вспомнились тычки мужчин и остервенелая ненависть некоторых пенсионеров. Душевная боль все крепла, он судорожно глотнул появившийся в горле комок, прижался к заиндевевшей стене чужого дома, почти не чувствуя холода, только ноющую нестерпимую боль во всем теле. Все и все в этом мире были ему чужие. Он погрузился в тягостный полусон.

Как случилось так, что он оказался в таком положении? Мать младенцем оставила его в роддоме. Никто не хотел его усыновить из-за какой-то мнимой болезни, выдуманной врачами. Был он беспокойный, плохо спал, заходился в плаче. Воспитатели пичкали его таблетками, насильно делали уколы. В дошкольном возрасте он дважды побывал в психлечеб-

нице. Его уже должны были упрятать в специнтернат, но тут судьба смилостивилась. Новая директриса приняла его историю близко к сердцу -потом он узнал: у нее самой был больной ребенок – и он остался в детдоме. Судьба и дальше благоволила к нему. Он закончил техникум, полюбил красивую скромную девушку и переселился к ней. Продав его комнату, обставились. Жена ждала ребенка, и ничто не предвещало беды.

...В тот вечер, как и все последнее время жена была нервной. Ее нервозность он относил в счет беременности. Они поругались, и он вышел покурить на крыльцо. Его свалил сильный удар в челюсть. Били трое. Он не сопротивлялся, не понимая за что. Случайно увидел в окне отсутствующе-холодный взгляд жены и испуганный тещин. Когда прояснялось в мозгу, он слышал: " Обрюхатил, сволочь. Говорила же она тебе, что не девочка. Ты на чужое, паскуда, позарился..." Потом он вспомнил как однажды она проговорилась, что первый ее мужчина был много старше, их бывший сосед. В памяти возникли и обрывки разговора между тещей и пожилой соседкой, случайно услышанные им, о том, что сын последней вот-вот должен вернуться из колонии, тревожный шепот и настороженные взгляды по сторонам. Он тогда не придумал ничему значения. Да и что он мог сделать?

Отлежался в каморке у дворничихи детского дома и уехал в Москву, подальше от равнодушного взгляда жены. Что-то сломалось в нем с той поры, перестал он верить людям, и в

счастье свое перестал верить.

В Москве он не бомжевал, работал в частной мастерской по изготовлению ключей, с женщиной сошелся самой примитивной, поселился у нее. И повторилась примерно та же история. Ограниченная самка, строящая из себя секс-бомбу думала только о себе, но был у нее братец и его дружки, которые нигде не работали и занимались какими-то темными делами. Его по-родственному просили то дубликат ключа сделать, то шкатулочку какую-нибудь открыть. Окончательно убедившись, что они преступники, Виктор решил идти в милицию.

– Иди, иди, там тебя давно ждут, пальчики-то твои мы им подбрасывали. А бросишь сеструху, верняк загремишь в тюрьгу, это я тебе обещаю. Таких, как ты, там любят, – насмеялся "родственничек". – Там с тобой чикаться не будут. Думаешь, менты тебе награду дадут? **ДА КОМУ ТЫ, ДЕТ-ДОМОВЕЦ, НУЖЕН?**

Виктор стал пить и все больше вяз в болоте этой семьи. Когда же очнулся и вынырнул из него, у него не оказалось ни документов, ни работы, никакой цели в жизни. Он поплыл по течению...

Как живуча душевная боль! Все умирает и застывает в человеке, а душа рвется к лучшему. Умирая, он видел окна дома, в котором был счастлив. Издалека, как в хорошем кино, увидел он себя рядом с красавицей-женой, ощутил горячие объятия и шевеление младенца в ее животе. Он сделал

несколько жутких шагов на свет. Ему отчетливо показалось, как может быть только в бреду или во сне, что вот он дом, вот он! Шагнув на втором дыхании к крыльцу, он рухнул, гулко стукнувшись обо что-то чужим деревянным телом.

Он уже не слышал, как втаскивала его, выбиваясь из сил, открывшая дверь старуха, как она причитала над ним, словно над покойником.

Старуха жила на свете уже девятый десяток, много знала, многих похоронила на своем веку, но этого ей было особенно жалко. То, что он бомж, она поняла сразу по тонкому плащiku и дырявым сапогам. "Господи, Господи, что же делать? Вразуми рабу свою бестолковую!" – взмолилась старуха. Бежать за две улицы к телефонной будке за "скорой"?

Прерванная молитва, раскрытый псалтырь, лики святых и Спасителя у чуть тлеющей лампы. Через миг она приняла решение. Достала из-за божницы начитанную долгими ночами мазь, состоящую из трав и лампадного масла, смазала ею вспухшие кровоточивые руки бомжа. Удалив одежду, с молитвой смазала все тело, больной застонал. "Не зря, не зря он пришел к моему порогу, должна я спасти его душеньку".

– Потерпи, милоч, потерпи, – шептала она. – Как хоть зовут-то тебя?

– Виктор, – простонал он. Вместе с теплом вся боль: и душевная, и физическая вернулась к нему.

Сквозь стоны и бред напоила она больного настоем со святой водой. И оставила лежать у печки, укрыв со всех сто-

рон одеялами. "Господи, помоги рабу Божию Виктору, исцели раны его смертные! Богородица-заступница, смилуйся!..."

До света молилась старуха, мерцала лампада, стонал больной. Мелькали тени в углах, пугая ее, напознала холодом тьма из-за плеч, голоса чужие слышались, виделись в окнах бледные лица умерших. Крестилась старуха, падала на колени, билась лбом об пол. "Не отдам. Сыночка своего не спасла. Так ЕГО душу не отдам мертвецам. Да будет воля твоя, Господи, Господи, помоги!" – всю душу свою по капле выплакивала старуха.

Она не помнила уже, когда начала исцелять молитвой да наговорной водой безнадежных. Но тянулись к ее дому несчастные...

Опустила она в банку с водой Крест Святой, шепчет... Еще больше тени сгущаются. Застучало что-то по крыше, над иконами прямо. Все вокруг черным-черно стало, только лики светом светятся. Не отводит от них глаз старуха. Не впервой это. Пугают, " – подумалось ей.

Застонал больной, о смерти просит. Спаси раба Твоего, Господи!" – еще слезней молится старуха.

До света молилась она, как сквозь стену на волю пробивалась. Отозвалась Богородица, сошла с небес, благоуханием озарила. Душа старухина воспарила, тело покинула, распласталась перед Царицей. И ни за что не хочет душа от благодати такой в темное, столбом стоящее тело возвращаться

чужое оно. Миг всего чудо продолжалось. Знает теперь старуха, все будет правильно, по-божески. Задула она лампадку и почувствовала, как в избе тепло и ласково стало, больной спокойней дышит, да и на улице мороз стихать начал.

Два месяца поила старуха Виктора святой водой и мазала своими мазями, пока кожа лоскутами не пошла с обожженных морозом мест, и душа не отогрелась. Все терпел Виктор, вникал в старухину жизнь.

– Со смыслом ты живешь, бабушка?

– А как же без смысла-то? Умирать скоро. Я в тот день, когда ты пришел, томилась сильно. Чувяла, что работа мне предстоит.

– А что, бабушка, молитва разве работа?

– И какая! Сколь раз мне за ночь в уши зудело: «Брось, не молись, не жилец он.»

– И мне чудилось, будто умер я и в рай попал, а мне говорят, грехов много, иди назад – грехи замаливай.

– Вот то-то... Конь на четырех ногах, да спотыкается. А ты молись, сынок. Бог тебя и не оставит.

Вот так обрел Виктор мать. Да ненадолго. Умерла старуха по весне. Первые солнечные лучи растопили ее силы. В одиночестве почти хоронил ее Виктор. Память людская на доброту короткая. Мало кто из исцеленных от смерти хоронить ее пришел. Может, не тех исцеляла она? Нашлись после смерти родственники, из дома его выгнали. Лишь батюшка ближней церкви хорошо знавший старуху, приют ему дал и

работу. Так полюбил Виктор Бога и церковь.

– Бабушка та была первым родным человеком, что я хоронил, настоящей матерью. Мало какая мать сделает для своего ребенка, что сделала для меня она, – говорил Виктор. – Ее смерть очень меня изменила. Вообще, как страшно умирать весной, когда все расцветает и готовится к жизни.

– Умирать всегда страшно.

– Особенно когда никто не молится о тебе.

–?? – вопросительно взглянул Олег.

– Верующего от неверующего чем отличить? Когда верующий еще молится о выздоровлении, неверующий уже считает расходы на предстоящие похороны и будущее наследство, – несколько сумбурно пояснил Виктор свою мысль.

– И что же ты делал, когда снова оказался на улице? – спросил Олег.

– Пошел к дому своей бывшей жены. Свекровь меня не сразу узнала, сначала чуть не прогнала, потом плакала, во всем меня обвиняя. Рассказала, что у Нины сын родился, Артемом назвали. А Толян, отчим, возненавидел его, убить грозился. «Жили мы тогда, как в аду. Синяки с нее не сходили – бил он ее почем зря, – вытирала слезы свекровь. – Эх, знал бы ты на что оставил своих... От жизни такой и порешила она себя. Артемку в детский дом забрали. Я его сначала навещала. Потом его перевели куда-то. Говорил он плохо, заикался очень... – вздыхала она. – Я уж два года, как о нем ничего не знаю. Ты отец, может, что узнаешь? Только ты сю-

да больше не приходи. А то Толян узнает, убьет. Он теперь крутой стал, ему ничего не стоит.»

– Ну, и ты ничего о сыне не узнал?

– Нет...– Тени пробежали по лицу Виктора и канули в глубине глаз.

У каждого своя боль и своя беда, которую не с кем разделить, разве что с Богом.

Глава 18

За окном палаты было бело от первого снега. Впрочем, этот снег не был первым, он просто был настоящим. А тот, что растаял в парке клиники почти месяц назад, похож скорее на слезы. Сколько их выплакала Наталья!

Поначалу она вовсе не придавала внимания поднявшемуся давлению, головным болям, но все оказалось серьезней. Беременность дала осложнения на почки. Плюс стресс. Поднялась температура. Организм сдался болезни.

Первые дни в больнице она провела будто в забытьи. Фигуры врачей и медсестер виделись в каком-то тумане, расплывались, становились фантастичными. Свет невыносимо резал глаза. Хотелось, чтоб ее оставили в покое. В тяжелой дремоте выступали тревожные видения: чавкающая, неровная местность, готовая поглотить ее сменялась бескрайней пустыней, унизанной острыми пиками бугров; ни неба, ни земли – отчаяние и одиночество.

Кризис миновал, но тревога не исчезла. Как тяжело ей бы-

ло переносить одиночество! А она всегда считала себя сильной. И вот теперь она должна лежать пластом день и ночь, прислушиваясь к пугающим болям в низу живота, вникать в монотонные будни больничной жизни. А Олег ничего этого не знал.

– Вы должны сообщить обо всем отцу ребенка, – советовал Наталье доктор, лечащий ее. То же самое говорил ей и доктор Петров. За последнее время он был единственной ее поддержкой. "Ей просто необходимы положительные эмоции, –" понимал он, соглашаясь с лечащим врачом. "Но будут ли они при вмешательстве Олега?" – думал он.

– А как его дела? – спросила Наталья. Последние дни вместили в себя целую вечность, так ей казалось, хотя прошло всего не более полумесяца.

– Чьи?.. Олега? – очнулся доктор. – Сейчас почти хорошо. Он больше не боится кистей и красок, а для него это главное. И физическая форма у него почти в норме. Теперь он будет вести мастер-класс для любителей изобразительного искусства.

Я рассказывал вам, что у нас уже действуют такие мастер-классы по разным направлениям. Они очень удачно помогают ребятам обрести уверенность в себе, помогают преодолевать трудности. В Олеге с самого начала было какое-то внутреннее сопротивление, и вот сейчас, мы с профессором надеемся на успех. Они с Виктором Соболевым даже посещали церковь.

– На него это похоже, – усмехнулась Наталья бледными губами и помолчала, отведя взгляд на тумбочку. Ей вспомнилось, как когда-то они с Олегом, в самом начале их любви зашли в храм, как он молился, и обновленный какой-то, со слезами на глазах, обещал ей, что они никогда не расстанутся. Господи, как это было давно, и как больно воспоминание! И что осталось от всех этих обещаний?

– Нет, не говорите ему обо мне... о нас, – решительно взглянула она доктору Петрову в глаза. – Скажите, что я попала в больницу из-за мамы. Ведь это так и есть. И пусть он мне не звонит, я сама ему позвоню.

– Наталья... Я говорю жестокие вещи, но если что-то случится с ребенком, отец его может вам этого не простить.

– Нет... Этого не может быть, – серые ее глаза расширились, и губы еще больше побелели.

– Простите, Наталья, – Сергей Петрович машинально гладил ее по руке, – Простите, что причинил вам боль. – «Где найти другие – целящие слова?» – думалось ему. – Если бы я хоть чем-то мог вам помочь, – продолжил доктор. Слова давались ему с трудом. – Профессор Сидоров в курсе ваших дел. Он тоже настаивает, чтобы вы обо всем сообщили Олегу. Позвоните ему, поговорите. Это очень важно, поверьте мне. Сейчас вы не должны быть одна. Вам нужна его поддержка. Забудьте все, что я вам говорил раньше. Вы должны думать о себе и своем ребенке. А я всегда останусь вашим другом.

– Нет,— спокойно сказала Наталья. Видно, все уже было передумано не раз. – Если бы он меня любил, он давно уже был бы рядом.

– Уверяю вас, он страдает от этого... – не окончил мысли доктор.

– Я страдаю. Он страдает, – перебила Наталья. – Что из того, если наши страдания нигде не пересекаются, – отчаянно сказала она.

– Давайте, я сегодня с ним поговорю? И он завтра же будет здесь с вами,— почти воскликнул Сергей Иванович. – Ведь речь идет об ответственности за человеческую жизнь. И о вашем здоровье тоже.

– Нет, нет. Все бесполезно. Я слишком хорошо его знаю. Он меня не любит. Просто я такая дура, что никак не могу с этим смириться.

–Но я вас люблю! – выдохнул доктор.

– Что?

Наталья никак не могла поверить в услышанное, она была просто ошеломлена неожиданностью признания. Доктор сидел, опустив глаза, медленно краснея от непривычности ситуации. Доктор Петров, к которому она привыкла, как к любому врачу...

–Вы? Вы же доктор... Айболит.

– Почему Айболит? – не понял Сергей Иванович. От щек его отхлынул румянец. Он и сам уже был не рад, что у него вырвалось это признание.

– Вы такой хороший, такой правильный... Вы...

" Я не могу вас любить. И никогда не смогу", – вертелось на языке у Натальи.

– Что мне делать с вашей любовью? – спросила она тихо. – У меня будет ребенок.

– Конечно, будет. Я люблю вас, и люблю вашего ребенка. И хочу, чтобы вы были моей женой, понимаете вы это, упрямая девчонка, или нет? – пробормотал он полусшепотом, почти не отдавая отчета в своих словах. Сколько раз говорил он это мысленно. И все получалось красиво и торжественно. А теперь его главные слова рассыпались о голые стены и раскатились, как больничные таблетки, просыпанные нерадивой медсестрой.

" Мама так хотела. Мама знала, – промелькнуло в мозгу Натальи. – А может, правда любит? Что же это? " – растерялась она.

– Вы это из жалости? Вы недавно это придумали? Это что, психотерапия? – жестоко спросила она.

–Боже мой, как можно быть такой слепой! – в свою очередь воскликнул он. – Будете вы вместе со своим Олегом или нет, я все равно буду вас любить. Я полюбил вас с первого взгляда. Ну, что мне сделать, что бы вы мне поверили?

Жалость друг к другу и к самим себе так понятная обоим сделала их ближе и беззащитней и заставила взглянуть друг на друга по-новому.

Наталья опустила взгляд. Защипало в глазах. Молчала.

– Простите, Сергей, спасибо вам. Вы мне, правда, очень помогли, – она впервые назвала его по имени, взглянув на него каким-то новым просветленным взглядом.

– Я загляну к вам попозже, можно? – попросил он, проклиная себя за то, что причинил ей волнение.– Сейчас мне уже пора,-заторопился он.

Она увидела капельки пота у него на лбу.

– Можно,– еще раз улыбнулась Наталья. Доктору Петрову спрашивать об этом было не нужно.

– До свиданья,– попрощалась она с ним.

Ей хотелось, чтобы он ушел.

– Ну... выздоравливай, – с заминкой перешел он на "ты". Наклонился и быстро, как- то скованно поцеловал ее в щеку. От него шел жар, как от раскаленной печки. От этого жара потеплело и у нее на душе. Такое неуместное и ненужное признание, а приятно. Что ж, утопающий хватается за соломинку, – усмехнулась она.

Глава 19

Нелегко Сергею дался этот разговор. Он взмок от напряжения, но был рад, что разговор все-таки состоялся. Как поступит теперь Наталья, неизвестно. Но пусть она знает все о его чувствах. Надо было сделать это раньше. Но это всегда так трудно в первый раз. А Сергей, действительно, полюбил Наталью с первого взгляда и всерьез. Еще тогда, когда увидел их вдвоем с Олегом, сидевших в холле. Его порази-

ла красота и женственность незнакомки. Позднее, общаясь с ней, он понял сколь богат ее внутренний мир, почувствовал ее скрытое одиночество.

Приходя к Наталье вновь, Сергей стал замечать в ней перемены к лучшему: причесалась иначе, подкрасила губы.

Знал бы он, с каким нетерпением она ждала зимы – как избавления от всех своих напастей. Он этого не знал, но надеялся, что зиму они встретят вместе.

Сергей не переставал удивляться, как произошло, что он полюбил женщину, любящую другого, беременную от другого. Но ничего не мог поделать с голосом разума, со своим желанием поцеловать ее в пульсирующую у виска синюю жилку. Хотелось целовать ее в волосы, в тревожный изгиб бровей. И он делал все, чтобы Наталья становилась веселей. Вот, значит, какая любовь ему суждена судьбой! Как воспримут это родители? Об этом он узнает уже сегодня.

Под вечер он приехал к родителям, открыл дверь своим ключом.

Мама сидела в кресле у окна, светлая и прямая, сосредоточенно пытаясь вдеть нитку в иголку. С ее дальнозоркостью это было очень непростое занятие. Но она была упрямая, в свои почти шестьдесят занималась гимнастикой по какой-то системе и убедила себя, что зрение улучшается. Отец подсмеивался над ней.

Оставив газету, которую он только что читал, отложив очки, легко оттолкнулся от кожаных подлокотников, встал на-

встречу сыну.

– А вот и ты!

Сергей не баловал родителей посещениями, и отец понимал это, ценя его свободное время.

Весть о женитьбе сына его несколько озадачила. «Достойна ли она Сергея?»

–Хоть бы познакомил мать с невестой, прежде чем принимать решение, – укорил отец.

Но мама, узнав о Наталье, не очень удивилась. Она давно втайне мечтала о женитьбе сына, переживая за него. В коллективе клиники не нашлось не одной девушки, с которой у него был бы роман.

–Я читала ее статьи. Это умная и добрая женщина. Но будь это иначе, ты ведь все равно не отступишься? – веселым баском проговорила мать. Голос у нее всегда был очень низкий, под старость стал напоминать мужской. И только веселый и легкий нрав был чисто женским. – Твой отец увел меня практически из-под венца,– зарокотала она. – Мы поженились в несколько дней и живем вместе всю жизнь.

Отец усмехнулся. Мягкий по натуре, он совершил тогда невиданный для себя поступок. Но что не сделаешь ради любви!

Эту историю Сергей слышал уже много раз.

– А раз ты решил жениться, мне, действительно, необходимо познакомиться с будущей снохой,– озорно сказала мать.

– Надо спросить Наталью, – пугаясь и радуясь одновременно, ответил Сергей.

Глава 20

С утра Олег ушел в лес. Теперь, когда пациентов в клинике осталось лишь 58 человек, они получили возможность произвольно менять свой распорядок дня, лишь бы не выйти из формы.

На дворе стоял ноябрь. Было бело, хотя снег только припорошил кусты. На ветках поблескивал иней. Олег расположился на знакомом месте. Уже неделю он рисовал этот пейзаж, пытаясь ухватить призрачную мысль. Сегодня озябший лес казался живым. Голые ветки рельефней вырисовывались на фоне белого неба, да собственно, они и тянулись к небу, выражая терпение и мольбу. Олег рисовал, вдыхая легкую морозную свежесть, торопясь выразить в карандаше, то, что смог увидеть и куда смог проникнуть. У него открылось странственное воображение, он видел, осязал всю картину в полном объеме: робкий притихший снег, посвежевшую зеленую хвою, движущиеся небо и воздух, пропитанные тысячей пляшущих морозных пылинок. Это еще не зима. но уже и не осень. Межсезонье, как в его жизни. Просветление. Будто снег выпал на душе.

Защемило на душе от сияющей белизны снега, откровенных силуэтов берез. «В той норе во тьме печальной гроб качается хрустальный, в том гробу царевна спит...»-вспомни-

лось ему. Олег торопился запечатлеть свою любимицу-березку. Самое близкое почему-то всегда было самым трудным.

Дела в клинике пошли лучше. Профессор выделил Олегу комнату под мастерскую, где он теперь работал по вечерам. А в другие вечера там же собирались любители живописи, которых он обучал азам своего искусства. В клинике Олег в последнее время снова увлекся музыкой, но не в качестве музыканта, а в качестве слушателя. Из пациентов образовалась неплохой ансамбль, состоящий из трех музыкантов, играющих на разных инструментах: фортепиано, контрабас и скрипка. По субботам они давали концерты. Посещал Олег и литераторов, завсегда у которых стал Сан Саныч, сам увлекшийся стихотворчеством.

С тех пор, как Андрей Степанович раздал всем списки пациентов, с указанием профессии и хобби каждого, жить в клинике стало интересней. У многих теперь была масса причин для общения. Кому-то необходимо было отремонтировать электроприбор, кому-то постричься, кто-то осваивал бокс, а кто-то готовился в телерадиоведущие. Среди пациентов нашлись отличные специалисты, готовые поделиться опытом с другими. Единственное условие, которое поставил профессор: все должно быть бескорыстно. За последние недели все сдружились и, сами того не замечая, очень изменились в лучшую сторону. Виталий и два любителя готовить стали завсегда на кухне. Время от времени они удив-

ляли всех шедеврами кулинарного искусства.

Но странное дело, Олег вдруг заскучал по дому, по городу с грязным снегом и лужами, и людской суетой, по своей не очень ухоженной квартире с видом на пыльную магистраль. Он ловил себя на мысли, что скучает не по людям, а по вещам. Вспоминались привычные бытовые мелочи: облезлый мусоропровод и заплеванная лестничная клетка, пятно на потолке от протекающей крыши, чайник с отбитым носиком, чашка в горошек. Ностальгию будили и вещи, приносимые матерью из дома. Хотелось самостоятельности – хотелось жить. Если это было целью профессора, то он ее достиг.

По выходу из клиники мало кто нашел бы Олега сильно изменившимся. Да и сам он, пожалуй, не видел в себе больших изменений, разве что беспокойства о своей судьбе добавилось. Зато его удивили перемены вокруг. Приехав домой, он долго простоял в мастерской, пытаясь освежить в памяти прошлые идеи. За окном стоял снежный декабрьский денек. Загородные впечатления звали к действию.

Сколько снега в лесу! Контраст белого снега, серо-голубого неба и черных стволов сосен был необычайно привлекателен. Олегу хотелось создать картину, в которой было бы много простора, воздуха, от которой бы веяло морозной свежестью и чистотой. Он даже попробовал изобразить кое-что, используя недавние наброски, но промучившись два часа, понял – не получается! Он не расстроился, веря в то, что все еще впереди.

Позвонил по телефону Наталье, но ее не оказалось дома – ответил автоответчик. Оставил ей сообщение. Мама часто звонила и настойчиво приглашала в гости:

– Приходи обязательно, не принимаю никаких отказов, с Вячеславом Михайловичем познакомишься.

Мама даже не предполагала, что ему вовсе не хотелось знакомиться с Вячеславом Михайловичем, а хотелось побыть с ней вдвоем. И он все оттягивал визит.

На следующий день заскочила Наталья. В пушистой рыжей шубке, какая-то чужая. Смерть ее матери, болезнь самой Натальи из-за этого отдалили их друг от друга. Может потому, – думал Олег, что Мария Петровна была против их отношений.

Наталья не стала раздеваться, поздравила его с окончанием эксперимента. Посмотрела все его работы, все похвалила, но как-то рассеянно. Сообщила ему некоторые новости из мира искусства и между делом призналась, что выходит замуж.

– Так что я теперь, наверное, не смогу часто бывать у тебя. Но обещаю заходить, если ты не против. Но ты звони. И больше работай. Я буду проверять.

Она пыталась болтовней смягчить горькую пилюлю, но у нее плохо получалось. Подставила щеку для поцелуя на прощанье: "Спешу," – оправдывалась, и ушла, оставив в прихожей тонкий запах духов, растаявшего снега и ощущение пустоты.

"А снег в городе пахнет совсем не так, как за городом," – машинально отметил Олег.

Хотел ли он, чтобы они все время были вместе? Пожалуй, нет. Но надеялся, что она будет с ним хоть первое время. Потеря ощущалась болью внутри, будто он потерял любовь. Слишком уж неожиданно.

Глава 21

«Идеальный мужчина, который никому не нужен,» – усмехнулся он.

Мама, теперь Наталья. С какой легкостью обе они вычеркнули его из своей жизни. Теперь он на вторых ролях. И это всего за три месяца! Ну что ж, и это надо пережить... И если в Наталье он не увидел радости молодой невесты, то мама просто светилась от счастья. Помолодела даже. Смущалась, как девчонка, когда Олег застал их вдвоем.

– Знакомься, Олег, это- мой старинный друг Вячеслав Михайлович. Это мой сын – Олег.

– Старинный? Что-то ты раньше ничего о нем не рассказывала. - Действительно, знать и видеть все своими глазами – это разные вещи.

Мама растерянно развела руками.

Вячеслав Михайлович был хрупкий, узкоплечий, с редкими светлыми волосами, тщательно расчесанными на лысине. Он вышел из кухни в материном фартуке, вытирая руки полотенцем.

Пожатие его узкокостной руки оказалось крепким.

– Очень приятно. Много о вас слышал, – без улыбки глядя в глаза Олегу сказал он.

" Откуда? Неужели они с матерью говорили обо мне?"

– А вы что же, тоже занимаетесь искусством? – спросил Олег.

– В некотором роде. Я музыкант.

– И на чем же вы играете? – продолжал расспрашивать Олег.

– Скрипка.

– Очень интересно. Значит, вы с мамой, в некотором роде, коллеги? – съязвил Олег.

– Да, мы с ней вполне можем составить музыкальный дуэт, – не замечая его язвительного тона, отвечал хозяин.

– Олежек, у Вячеслав Михайлыча кажется там что-то горит, – кивнула мать на кухню.

– Ах, да-да. Вы пока поговорите. А я займусь ужином.

– Ну рассказывай, сын, как жизнь, какие планы на будущее, – попросила мать, когда они остались одни. – Возмужал-то, возмужал, – потрепала она его по плечу. – Совсем другой стал.

– По-моему, я все тот же. А вот вы без меня здорово изменились. Наталья замуж вышла. Ты...

– Наталья замуж вышла? – удивилась мать. – Это хорошо. Пусть будет счастлива. Все равно вы с ней были не пара. Твое счастье впереди. Просто, когда оно придет, ты его смотри не

упусти,— погрозила она пальцем.

— Хорошо вам, счастливым, рассуждать,— заметил Олег, заражаясь доброй атмосферой, царящей в доме матери.

Мать расспрашивала его, рассказывала о своих беседах с профессором, одним ухом прислушиваясь к веселому постукиванию посуды и пению, доносящемуся с кухни.

— Ну-ка, Олежек, помоги, давай-ка мы здесь стол приготовим, да поможем Вячеславу Михайловичу. — Она стала убирать со стола. — Там, в шкафу, ты знаешь где, достань скатерть.

Мать ловко впрягла его в работу. Она была умелым командиром в семейных делах, а особенно по части праздников. И она чувствовала его одиночество и растерянность.

За столом много шутили, говорили о классической музыке и изобразительном искусстве. Олег заставил мать и Вячеслава Михайловича продемонстрировать хвалёный дуэт. Вячеслав Михайлович со знанием дела разобрал пару его картин, висевших у матери в квартире, и обещался навестить Олега в его "логове".

— В логове только медведи живут,— смеясь, сказал Олег.

— И неженатые художники,— сказал Вячеслав Михайлович.

— Ну нет, мой сын не медведь. Он идеальный и воспитанный мужчина. А профессор Сидоров обещал, что он женится, — защищала Олега мать.

— Что, так и обещал? — наигранно удивлялся Вячеслав Ми-

хайлович.

– Так и обещал, – утверждала мать.

– А вначале вы показались мне сущим медведем, – сказал Вячеслав Михайлович.

– А вы показались мне слесарем из ЖКО, только в маминном халате, – не остался в долгу Олег.

– Да, что есть, то есть. Красавцем я никогда не был. Костюмы даже не умел носить, они висели на мне, как на вешалке. И хоть все это и важно, но, уверяю вас, счастье не в этом.

– В чем же оно, счастье? – спросил Олег.

– Жить для другого человека, – уверенно ответил Вячеслав Михайлович. Вот мама твоя знает, я рассказывал ей, сколько я концертов в ее честь сыграл. Я, может, и музыкантом стал неплохим только благодаря любви к твоей маме. Какие у нее волосы были в юности – коса с руку толщиной, хоть она и сейчас красавица, – улыбнулся мамин друг, взглянув на любимую. – А душа – будто огонек внутри горел, – сказал он.

– Ну что ты, Слава, – смущалась похвалам мать, но чувствовалось, что ей это было приятно.

– Да, все это не забыть... – продолжал Вячеслав Михайлович. – У тебя замечательная мама, Олег. Лучшая мама на свете! Какая еще смогла бы пожертвовать своим талантом ради ребенка? – спросил он и сам же ответил: – Никакая!... Мы тебе, наверное, кажемся стариками? Ты не осуждай нас. Это трудно понять, но в каждом возрасте хочется счастья и

любви. Уж кто-кто, а мама твоя этого заслужила!

– Слава, ты ему целую лекцию прочитал! – мягко упрекнула мать друга. Но чувствовалось, что она была во всем с ним согласна. О том, что между ними царят взаимопонимание и любовь, легко можно было заключить по нежным взглядам, какие бросали они друг на друга.

– Олежек, сегодня ты остаешься у нас, – потребовала мама в конце вечера.

– Да, да. И никаких возражений, – подхватил Вячеслав Михайлович. И это "у нас" совсем не коробило Олега. Но все же он собрался домой. Свет от чужого счастья не очень греет. Каждому хочется своего, личного. К тому же, где-то в душе мелькала мысль об отце.

Жизнь потекла своим чередом. Теперь его окружали счастливые люди, и, как все счастливые, отзывчивые на чужое несчастье. С Вячеславом Михайловичем Олег подружился, оценив его чуткость, тактичность и вкус к прекрасному.

Вскоре выяснилась причина скоропалительного замужества Натальи. Она была беременна. Ее мужем стал тот самый врач Сергей. О муже она говорила мало, и было непонятно, счастлива она или нет. Об их с Олегом совместном прошлом Наталья никогда не вспоминала.

Но прошлое умеет возвращаться.

Глава 22

Не сразу привык Олег к новой матери и новой Наталье. От

душевной сумятицы зачастил в бар неподалеку, в компанию подвыпивших людей. Откровения случайных знакомых, начищенные до блеска фужеры в руках ловкого бармена, мелодичная музыка не избавляли от тоски, но как-то отвлекали. Иногда Олегу было противно оттого, что он делает. Но теперь некому было контролировать его и выставлять оценки за поведение.

В тот день, когда Олег встретил в баре Алика Мухина, кажется, он набрался больше обыкновенного. На душе было тоскливо. Искусственная радость завсегдатаев заведения еще больше добавляла тоски.

Алик будто рентгеном просветил его взглядом, сделав скорбную мину:

– Слышал, слышал. И друзья бросили, и женщина замуж вышла. Бывает! – сочувственно зачмокал он. – А держисься хорошо! Почти «идеально», – съязвил он, прищелкнув пальцами, с удовольствием ощупывая взглядом нетвердо стоящего на ногах Олега. Цепкий взгляд его маленьких глазок не отпускал собеседника, и хвостик шевелящийся на спине напоминал мышиный: – Я ведь знал, что так будет. Удивлен, что ты раньше этот эксперимент не покинул. Ну что он тебе дал? Талант чуть не растерял. Друзья тоже разбежались. Давай отойдем, – взяв у бармена бокал, – увлек его Алик. – Друзья-то твои, видно, были не настоящие, – усаживаясь вместе с Олегом в темном углу, сказал он с поддельной грустью. Его жалость и участие действовали на рассудок Олега усыпляю-

ще. Он даже забыл, что перед ним «тот самый» Алик Мухин. А хитрый журналист уловил податливость собеседника, быстро сообразив, что говорить дальше. Мысль его сработала моментально, и в голове уже зрел план.

– А талант-то у тебя... ого-го, талант настоящий! – вкрадчиво с серьезной миной сказал он, наблюдая за переменами в лице Олега. – Жаль, если после всех опытов профессора он может испариться.

– Один яд у тебя на языке, Алик, – чуть заплетающимся языком, сказал Олег, но похвала была ему приятна.

– Какой яд? Правду говорю! Кто сейчас вспомнит Олега Дубова? А ведь имя твое гремело!

– Зато имя Алика Мухина не поблекло, – уныло спорил Олег.

– Да, мне клиника на пользу пошла. Я теперь зам. главного редактора газеты, – счастливо улыбнулся он, показав острые зубы. – И по этому поводу давай выпьем! – поднял он бокал: – До дна! – проследив за выполнением своей команды, торжественно продолжил: – Сам понимаешь, связи у меня теперь огромные, – значительно посмотрел он на Олега. Выдержал паузу, наполнив ее сознанием собственного величия. – Хочешь, похлопочу за тебя, организую фотоколлаж твоих работ в «Огоньке» или в «Мире искусства»? Я теперь со Смоляковым на «ты». Можно и в нашей газете это сделать, увидев мелькнувший в глазах Олега интерес, оживился: – А что? Давай с этого и начнем. Пришлю тебе завтра талантли-

вого журналиста или лучше журналистку, – подмигнул он. – Напомним народу о его гениях! – нарочито громко закончил он.

– Это было бы неплохо, – машинально согласился Олег.

Откинувшись в кресле, Алик дружески подмигнул Олегу.

– Все будет как надо! – заверил он, потягивая коктейль. – Покурим? – достав из кармана куртки сигареты, кивнул на дверь.

– Не курю, – с сомнением сказал Олег.

– Брось ты все эти профессорские штучки! – весело рассмеялся журналист. – Человек же сам себе хозяин.

Он все же увлек Олега в коридор, в компанию курящих женщин. Там он много говорил, вызывая восхищенные взгляды девушек, ахи, охи. От сигаретного дыма, радостного возбуждения, от выпитого у Олега кружилась голова.

Потом они опять сидели за столиком, и Алик рассказывал смешные истории из журналистской практики. Бармен отмерял им по каплям водку сквозь ломтик лимона.

– Нет, больше не могу, – отказался Олег от выпивки, чувствуя, что теряет над собой контроль.

– Ну тогда снимочек на память. Ты – гений. Ну-ка сделай лицо гения! – скомандовал Алик, преодолевая вялое сопротивление Олега, щелкнув фотоаппаратом и убрав его в сумку, висящую на спинке стула и снова взялся за рюмку, широко улыбаясь. – А своих друзей не жалею. Пустые они все.

Ничего из них не получится. Один ты из них настоящий мужик. И Наталью не жалея. Баба она и есть баба. Как кошка: кто погладит, к тому и идет.

– Зачем ты так?

– Да нравится она мне очень!

– И поэтому ты про нее пакости говоришь?

– Какие пакости? Смогла окрутить доктора – и молодец!

Дай бог всем такого семейного счастья! Только я жениться не собираюсь и тебе не советую. Вот подружку завести рекомендую. Ну так я тебе журналистку пришлю? – снова хитро подмигнул он.

– Присылай, пожалуй, – согласился Олег, не умея потушить зародившееся в душе искорки тщеславия, теща призрачные надежды на успех.

– Где они, твои друзья? Почему не видят, что человеку плохо? Что у него душа болит? – вопрошал Алик, неистово потрясая кулачками.

В одиннадцать бар закрывался, бармен уже дважды недовольно косился на них, и когда Алик, бережно обняв, вел товарища к выходу, Олегу стало казаться, что именно Алик и есть его спасение.

Заботливый журналист отвез Олега на своей машине домой, и расстались они почти друзьями. А буквально на следующий день, не дав Олегу проспаться как следует, нагрянула молоденькая бойкая журналистка, наговорила ему кучу комплиментов по поводу его таланта. Обращалась к нему

так, будто он достиг невесть каких вершин в изобразительном искусстве. И хоть Олег чувствовал неискренность в восторженности девушки, в том, как она всплескивала руками и закатывала глаза, подпрыгивая от радости, он забылся, поддаваясь лести. Девушка разглядывала его работы, фотографировала их во всех ракурсах, сделала несколько снимков самого художника.

Болела голова от вчерашнего, а еще больше от навязчивой журналистки, которая умудрилась-таки затащить его в постель. А может быть, он сам совсем забыл о тормозах. Так захотелось ему поверить, что кто-то любит его не только как художника, но и как мужчину.

Вечером позвонил Алик и сообщил, что материальчик – ах! – и в пятницу он выйдет в их газете.

– Скоро у тебя не будет отбою от поклонниц. Верочка просто всем все уши прожужжала, такой ты очаровашка, – озорно закончил Алик. Круговерть последних дней заглушила голос совести. Девчонка из газеты провела с ним еще две ночи.

Вдохновленный мнимым успехом Олег, взялся за работу. Ведь для того, чтобы вышел фотоколлаж в «Огоньке», нужны хорошие акварели. А фотоколлаж Алик тоже обещал, ссылаясь на какие-то знакомства...

Олег дважды выходил на пленер и вдохновенно рисовал на морозе храм и часть города. Он готов был благодарить Алика за возвращенное желание творить, ему казалось, что

все у него получается. Вокруг него собирались любопытные. Его узнавали, восхищались. И он поверил вновь, что не лишен таланта. Пригласил по телефону маму и Наталью для просмотра новоиспеченных шедевров. О газете пока решил не говорить.

Глава 23

Наталья пришла в пятницу с газетой.

– Олег, это что? – спросила, бледнея еще больше при виде веселого Олега. – Как это могло случиться? – взмолилась она, протягивая ему статью.

Пока он читал, она нервно ходила по комнате, не обращая внимания на его вернисаж. – Накануне Олег все заставил новыми акварелями.

Статья получилась. Алик не зря радовался. Он поместил на видном месте именно ту фотографию из бара, где Олег с неестественно блестящими глазами и поплывшими губами пытался изобразить из себя гения. В лице не было не единой мысли. Подборка картин была бездарна, это было очевидно даже дилетанту. Зато текст отличался пафосным восторгом, чувствовалось перо не опытной, но очень стремящейся стать известной, глупенькой журналистки Верочки. Пожалуй, она еще искренно считает, что сделала Олегу этой статьей благо! По всему тексту красной нитью проходила мысль о связи «успехов» Олега с экспериментом профессора Сидорова. Это уже Алик постарался. И в названии статьи «Да здрав-

ствует талант!» слышалась насмешка.

Олег схватился за голову:

– Ой, какой же я дурак! – Вдруг спала с глаз пелена. Все, что было в эти дни, бритвой прошло по сердцу. От стыда захотелось стать маленьким или исчезнуть совсем.

– Как ты мог ему поверить??? Он же уничтожил тебя! Теперь на тебя будут показывать пальцем. Ты хоть бы со мной посоветовался.

– Не знаю, не знаю я, как так получилось. Какое-то затмение нашло. Как-то очень быстро все ... Мне подумать было некогда. Впрочем, какое может быть оправдание! – то садился, то вскакивал Олег. – Значит, я полное ничтожество, – заключил он, потирая виски. – Ничтожество!!! – прошептал он с уверенностью.

Как непрочно радость, особенно если она не на чем серьезно не основана. Запоздалые страстные раскаяния Олега, Наталье были неприятны:

– Брось ты носиться с собой. Только ты и есть на свете, – недовольно сказала она. – Ты человека подвел, хоть это-то ты понимаешь? Боже мой! Куда делось твое спокойствие, рассудительность, – возмущалась Наталья, пытаясь быть спокойной. – Ты читал, что они пишут? Что ты стал таким после участия в эксперименте.

– Но как можно так извратить все?

– Олег, ты что, только что родился? Чего ты хотел от Алика Мухина? Надо работать больше, а не гоняться за легкой

славой. Что ты сделал за последнее время? – кивнув на любовно расставленные на диване картины: – Что это за мазня?

Буря чувств: стыд, обида, отчаяние разрывала сердце Олега. В груди закипали слезы.

– Ты не имеешь права так рисовать! – нервничала Наталья. – Твои карандашные наброски из клиники и то лучше. Да ты сам все понимаешь! – махнула она рукой.

– Да, да, да... А ведь Алик прав. Я действительно абсолютно бездарен. И все это – дерьмо, – в аффекте стал рвать Олег картины, рисунки, которыми так недавно гордился. Но сердечная боль все росла в нем, и непонятно откуда взявшаяся тяжелая темнота заполняла его изнутри. – Вот! Вот так! – разбрасывал он по сторонам осколки картона. Слез уже не было. Осталась только злость.

Художник! Лучше бы работал оформителем в театре. Ни на что большее ты не способен, – бормотал он. – Гений!!! Смех! Ха-ха!» – судорожно вырывалось у него сквозь отчаяние.

– Олег! Олег! – пыталась успокоить его Наталья, впервые видя своего друга таким, но это ей не удавалось. – Не все ведь так плохо. И в этих работах есть крупинцы таланта.

– Ах, крупинцы! И где они? Под каким микроскопом их смотреть? «Идеальный мужчина!»! «Идеальный художник!»! – с нажимом цитировал он слова статьи. – Дерьмо собачье! Ничтожество! Вот кто я, – разошелся Олег, круша все вокруг, не заметив поначалу, как осела на пол Наталья, схва-

тившись за живот.

Сделав судорожный круг по комнате, Олег очнулся:

– Наташка, ты чего, – кинулся к ней, услышав, как слабым голосом она говорит в трубку: «Сережа приезжай... Да, к Олегу. Да, плохо...» – Тебе плохо? Прости меня, я такой дурак. Боже, какой же я дурак! – будто протрезвел он, мигом остыв. – Я сейчас... – Перенес он ее на кровать, подложив под голову подушку. – Чем тебе помочь? – вглядываясь в бледное лицо Натальи, спросил он.

Внезапная буря остыла в нем, уступив место растерянности и страху.

Наталья лежала, прислушиваясь к боли.

– Ничем. Сейчас пройдет. Так уже было. – Она затихла. Только бы не повторился приступ. Волноваться ей нельзя. «Ну что за ребенок этот Олег!» – невольно брало ее зло.

– Успокоился? – спросила она, взглянув на него.

– Успокоился. И ты не волнуйся, Наташ, – уговаривал он ее, присев на корточки перед кроватью. От волнения за нее у него появилась дрожь в руках.

– Что ты еще натворил за эти дни, рассказывай, – потребовала она. – Что это за журналистка? Ты знаком с ней? Как ты мог доверить ей статью?

Олег, сбивчиво, не жалея себя, рассказал ей обо всем, присев на краю дивана. Ему нужно было облегчить душу. «Я же мужчина», – оправдывался он.

– Какой ты мужчина? Мужчина держится достойно в лю-

бой ситуации,— жестко сказала Наталья. — А статья? Наплюй на нее. Подумаешь, Алик. Их газете никто не верит.

Олег пристыжено стал собирать с пола обрывки картона.

— Тебе лучше? — спросил с заботой в голосе, оглянувшись на нее.

— Теперь лучше,— ответила она с легкой улыбкой. «Что ты будешь делать с этим мальчишкой!» — Извинись перед профессором. И докажи работой, что ты действительно художник.

Приехал Сергей, заставил обоих выпить лекарство, обругал Олега.

— Ты что не знаешь, что она беременна? Ей необходимо лечь на сохранение. А ты, ты — будущая мать, зачем ты пошла к нему с этой газетой? — попало и Наталье. По тому, как стал заикаться Сергей, было видно, что он очень обеспокоен.

Больше Олег не пил. Много работал. Днем стоял на площади с другими художниками, предлагая свои картины...

Он начинал понемногу взрослеть.

Он привыкал к белому городу, «чужим» близким людям, холодному дому.

По вечерам дом казался ему особенно пустым. Холодный ветер с колючим снегом бил прямо в окна, не заклеенные с осени, забирался в самую душу. Было тоскливо. Среди ночи внезапно гасли фонари на улицах, и Олег слушал, вперившись взглядом в темноту окна, как завывает вьюга. Монотонно капал на кухне кран, отсчитывая секунды и часы жизни.

ни.

Чувствуя свою вину перед Натальей и зная занятость Сергея, Олег сам вызвался проводить ее в Москву на лечение.

Часть 2

Личная жизнь

Глава 1

День Олега начинался поздно. Он вдыхал свежий воздух, льющийся в приоткрытую форточку, наслаждался тишиной в доме и за окном, чувствуя силу и уверенность в себе, удивительную ясность в голове. А ведь спал-то всего несколько часов. Часть образов, теснившихся в душе, успел воплотить на бумагу, а часть их так и осталась неуловимой. Накануне долго бродил по лесу. Он любил бродить в сумерках по знакомым тропкам, когда сиреневая дымка покрывала снег, и природа замирала, чувствуя в себе движение весенних соков, любил выходить в ночь, вдыхая спящее дыхание природы, встречать бело-розовый весенний рассвет.

Этот домик Олег с женой приобрели год назад. Вдова скульптора Щекина запросила за него очень высокую цену, но Олег выбрал именно его и не пожалел. Он быстро обжил-ся в мастерской скульптора. Огромная, с серыми стенами и фрамугами под потолком, она казалась немодно тусклой. Это в век полета дизайнерской мысли, сумасшествия цвета, в век излучающих цвет и аромат красок, когда все вокруг слепило многоцветием! И это была мастерская художника с мировым именем. Олег был консервативен, он не любил излишеств. А впрочем, у мастерской была своя тайна. Когда серые стены ее бывали увешены картинами и искусно осве-

щены (помогал старый друг – электрик от Бога), мастерская будто оживала. Увидев однажды снятый знакомым журналистом ролик по телевидению, Олег и сам не узнал своей мастерской. Правильно освещенные стены подавали в выгодном свете его произведения. Олег поторопился продать картины, пока цена не переросла истинную их стоимость. Таков был спрос. Он был честным художником, а эти пейзажи не являлись шедеврами, не то что сделавшие его знаменитым "Русская береза" и "Плачущая ель". Мало кто знал, что живыми эти картины сделали образы любимых им женщин.

Сейчас, когда лучшие его картины хранятся в известных музеях мира, когда его выставки объехали полсвета и повсюду продаются альбомы с репродукциями его картин, а его "Девушка-мать" потрясает умы и сердца своим трагизмом, он мог бы и успокоиться. Чего еще желать? У него красавица-жена, имя в мире искусства. В свои тридцать шесть он счастлив и способен творить дальше. Если нужно, он готов работать сутками без сна и отдыха. Если дает Бог вдохновения, конечно. Бывают дни и ночи, когда он работает, не замечая времени, не ощущая своего тела, как сегодня.

Олег искал. В картине должен быть свет, свет в конце тоннеля. Чтоб он манил и сиял, чтоб ясно было: вот к нему надо идти, вот так надо жить! Он рисовал лес, чащу, сломанные деревья, правил эскиз за эскизом, отбрасывал, компоновал... Бурелом и яма с водой. А в ней обманчивый свет отраженной луны, которая вот-вот померкнет, но хочет на-

последок заманить путника в ловушку

Сколько в его жизни было этого бурелома, обманчивого блеска, мнимого успеха, темного, как чаща, порока! Как долг был путь к себе, словно путь по незнакомому лесу!

Работал он всегда быстро, почти лихорадочно, не вытирая пота, выступившего на лбу и висках. Сердце билось неистово. Успеть, поймать миг! Он по опыту знал, что вдохновение не может длиться долго. Вскоре холодный рассудок опустил его на землю, только радость осталась от соприкосновения с чудом. Дорабатывая днем ночные труды, он видел, что многое никуда не годится, отмечал удачные фрагменты, набрасывая их на полотно. Но главное, он, кажется, нащупал то место, где на его картине должна была начаться тропинка к свету.

– На сегодня хватит, – решает обессиленный Олег и идет на кухню.

Здесь солнечно. Лес за окном светлый сквозной – смешанный. Только елки кажутся мягкими и пушистыми. Хлопотунья белка прыгает у самой верхушки, так и чудится, что она заглядывает к нему в окно. Часы, встроенные в кухонный шкаф показывают полпервого.

Приготовить обед для Олега не проблема. Чему-то он научился за время одинокой жизни, чему-то в клинике профессора Сидорова. Олег категорически отвергает женскую помощь. Даже когда приезжает его заботливая мамочка, он не позволяет ей за собой ухаживать. Ведь он мужчина! Те-

перь его черед отдавать ей любовь и заботу. Хотя мамочка теперь не одинока. Выйдя замуж за Владислава Михайловича, она будто помолодела. Надо же, человек отчаивается, теряет надежду, а, оказывается, рядом есть тот, кто тебя любит.

Жаль, что отец мало прожил...

В еде Олег себя не ограничивает. Любит мясо и сладкое. С детства сохранилась у него привязанность к шоколаду. Холодильник всегда набит разными вкусностями на случай гостей. Эмме вот только ничего этого нельзя. Она – балерина... Эмма! -его тонкая белая березка!

Сердце его пронизывает нежность. Он вспоминает, как увидел ее впервые на сцене Большого театра, воздушную, будто подсвеченную изнутри. Потом они жили в ее маленькой квартирке в Москве.

Как все было глупо, по-детски! Тогда он рисовал много, но как-то непродуманно – растворился в своей любви к ней, стал балетоманом. Лишь пара акварелей сохранилось с той поры, они и сейчас висят в спальне. Одна из них написана под балетными впечатлениями, он назвал ее " Лунные бабочки". – Светлый легкий образ кружащихся в танце балерин, в одной из которых легко угадывается Эмма. Русые волосы, собранные назад, удлинённый разрез глаз, тонкие кисти рук. Светящийся ореол лица. Что бы она была, просто девчонка, если бы не это ее внутреннее свечение. Она часто уезжала на гастроли, приезжала взвинченная, усталая, а однажды сказала, что ей не нужен идеальный мужчина, и не нужен мужчина

вообще. Вот тогда он удалил в клинике капсулу и собирался уже уезжать из Москвы, но объявился Виталий.

Об успехе Эммы за границей Олег узнал из газетных статей. А позже пришел и собственный успех. Звонки, телеграммы, редкие встречи,— вряд ли кто-нибудь кроме них самих назвал бы их брак счастливым. Сейчас Эмма опять за границей, на этот раз в Париже. Будет звонить вечером, как они договорились.

Олег привычно прибирается в кухне. В доме у него порядок. Он сам занимается уборкой, готовкой, стиркой. При современном уровне техники это нетрудно. За делами чувства и мысли приходят в будничное состояние. Чтобы совсем переключиться на обычную жизнь, он выходит на часовую прогулку. Обдумывает дела на день: съездить в город за продуктами, заехать в автосервис, проверить машину — что-то с ней не в порядке.

Скоро и до этих мест доберется весна. Солнце уже всю растапливает снег, но в лесу он еще держится. С радостью замечает Олег появление новых птиц, дышащую теплом на проталинах землю.

Олег идет по подтаявшей тропке. Пахнет талым снегом, корой деревьев, еще непонятно чем, солнечным и радостным. Совсем не хочется быть одному. Как там сказал Бунин: "Весна ждала любви..." Совсем у него в голове сумбур, от бессонницы что ли?

Глава 2

Мелодично запел телефон.

– Олежек, не помешала, – как всегда деликатно спросила мама.

– Что ты, мама. Рад тебя услышать. – Мать у Олега – беспокойная по натуре, но сейчас ее, видимо, еще что-то тревожит.

– Я вот... чего звоню, – с паузами говорит она, и Олегу передается ее тревога. – Ты бы попросил Виктора помолиться за своих. Все же упрямая твоя женушка – беременная уехала в такую даль.

– Все сделал, мам. Накануне ее отъезда у него были.

– Я так переживаю, так переживаю. Это ведь первый мой внук. Она еще молодая, не понимает, что дети – это главное, вот и вытворяет, все что вздумается.

– Мам, она понимает. Она с врачом советовалась. Все будет хорошо.

– Ну и ты не переутомляйся. За тобой и поглядеть там некому.

– Мам, я ведь у тебя идеальный. Ну что со мной случится?

– Идеальный... – повторила мама, ворча. Трубка затихла, послышались обрывки разговора. – Олег, вот Владислав Михайлыч тебе привет передает, говорит: смотри новости, что-то про твоего профессора передавали. Говорит, тебе может быть интересно. Тебя касается, слышишь?

– Слышу, мам. А что там?

– Да ты сам посмотри,– мама помолчала, обдумывая новую мысль: – Может, к тебе приехать? Как ты там один?

– Ну что ты мам, маленький я что ли! – посмеялся Олег.

– Когда будет звонить Эмма?

– В двенадцать.

– Странно все это. Никак к вашей жизни привыкнуть не могу. То ли есть у тебя жена, то ли нет?

– А ты разве Владиславу Михайловичу кофе в постель подаешь и тапочки по первому требованию?

– Да нет, знаешь, он с тебя пример берет. Я ведь всегда просто женщиной была, домохозяйкой. Это сейчас меня Влад под старость избаловал. У меня тут сердчишко шалило, так он за мной целый день ухаживал.

– Что ж вы мне-то не позвонили? – укорил Олег.

– Тебя еще беспокоить по пустякам... Ты ведь работаешь. Для тебя, как для отца покойного – работа святое. А потом мне и лучше стало. Это я так, к слову, сказала,– уже жалела о сказанном мама.

– Самое святое для каждого человека – это его мать. Я ведь не прошу себе, если с тобой что случиться, а я знать не буду.

– Да я ведь не одна теперь,– озорно ответила мать. – У меня муж есть, он обо мне и позаботится... Ну хорошо, хорошо, – согласилась она на Олегов протест. – Сыновняя любовь тоже приятна. А женушку свою ты за меня пожури. Ведь это надо такое вытворять с моим внуком в животе. У беремен-

ных женщин и так полно проблем. А вдруг выкидывишь произойдет?!

– Мама, она абсолютно здорова.

– Не понимаю я вас, современных. Вы, как акробаты. Нервы не бережете, не здоровье.

– Через неделю она придет. Мы с ней отдыхать уедем к морю.

– Еще не лучше. А я тут за вас переживай, – продолжала ворчать мама.

– Ну знаешь, привередливая ты стала. Характер портится, – сказал Олег, усмехаясь.

– Это от хорошей жизни. Просто очень внучка или внуку увидеть хочется.

– Через семь месяцев увидишь.

– Дай Бог. Дай Бог. Молюсь о вас каждый день. Ну ладно, заболтала я тебя, у тебя ведь дела! – опомнилась мать. – Ну целую тебя, Эмме передай, что я говорила, – чмокнула трубка и замолчала.

До "новостей" оставалось полчаса, и Олег прошел в гостиную, решив почитать. На столике лежал "Идиот" Достоевского. «Сострадание – есть главнейший, а, может быть, единственный закон бытия всего человечества,» – раскрыв книжку наткнулся он на свою пометку. Как это верно и как трудно. Он удивлялся: сколько раз перечитывал эту книгу, и каждый раз прочитанное воспринималось по-разному. Теперь ему казалось, что они с Достоевским говорят на одном

языке, и писатель ждет помощи от него и многих своих читателей. И очень жалеет людей. Олег тоже жалел.

Да, нелегко быть оригиналом, прав Федор Михайлович. Но в конце концов мир ведь спасает настоящая красота, и будет свет в конце тоннеля. Благодаря десятку праведников Бог спасет грешную землю. Ведь есть же они где-то. Его друг Виктор три года назад постригся в монахи. У него такое призвание. Не он ли, сам заблудший, помог тогда более заблудшему Олегу обрести веру в себя, веру в Бога. И венчались они с Эммой в его церкви, и в крестные решили взять Виктора.

Красавец,— хоть сейчас на обложку журнала — и монах! Не сразу его понял Олег, но, поняв, оценил его подвиг. За свои творческие терзания Олег уже немало получил на земле. У него есть слава, семья. А Виктор за большие подвиги не получает ничего. Живет в безвестности, почти взаперти, а чувствует себя счастливей всех. А с Олегом они как братья. Ближе у него друзей нет.

Объявился как-то беспокойный Виталий, звонил из своей Америки, говорил, что мечтает на родину вернуться. Тоже интересный экземпляр. По его судьбе приключенческий роман писать можно.

Часто заезжает электрик Володя, также знакомый по клинике. Женат, трое детей. Но Олег знает, — у него не все в порядке в личной жизни: жена от него погуливает. Он ей все прощает. Или на самом деле не замечает, или просто дела-

ет вид. Зато дети у них замечательные. Эмма в них души не чаёт, если все семейство в гости к ним нагрянет.

И вот теперь наконец-то появится ребенок и в этом доме. Хотя, видимо, придется переселяться в Москву. Олег уже много раз об этом думал. Ребенку нужны врачи, воспитатели. Эмма, конечно, надолго работу не бросит.

Да, все течет, все меняется. Заглянуть на десять лет назад, себя не узнаешь. Неужели это был он? Уже тогда мнил себя Художником... Молодость, амбиции, женщины. Слишком много было тех, кто восхищался его талантом, внешностью (чем больше?). Только Наталья и могла осадить его и заставить работать. Как оказалось, у него и друзей-то настоящих тогда не было. Но Наталью можно было таковой считать, дружба их выдержала все испытания. Она давно уже замужем за врачом-психиатром из клиники профессора Сидорова, тоже хорошим знакомым Олега. Добрый, спокойный, он как-то умиротворяет страстную, деятельную натуру Натальи. Она смеется, что за другого бы никогда не вышла, именно врач-психиатр ей был нужен. Ее очкарик Сережа как-то сумел подчинить себе своевольную Наталью, к тому же оказался умным человеком: защитил диссертацию, стал одним из помощников профессора Сидорова. Руководит местным филиалом клиники. Наталья по-прежнему занимается искусствоведением, пишет уже третью книгу и тоже выбивается в ученые.

А ведь до этого она столько лет любила Олега! Да, жизнь

порой делает такие повороты! Это она спасла Олега от жуткой депрессии и заставила его пойти в клинику. И это перевернуло и ее, и его судьбу.

Уставший от дум и ночной работы, Олег незаметно уснул прямо на диване, и не слышал музыкальной заставки "Новостей". Спал он крепко, как это бывает только днем. На экране вращался земной шар под музыку модного композитора, сыпались голубые звезды, потом музыка приобрела особую торжественность и появилась панорама Москвы. Все это россияне вынуждены смотреть многократно. Несмотря на всенародное голосование по многим телевизионным вопросам, заставки не становились лучше, интересных телепередач тоже не становилось больше, хорошо хоть всю рекламу убрали на один канал.

На экране появился известный телекомментатор и заговорил, захлебываясь от эмоций, перебивая воспитанную дикторшу с глазами покорной газели. Но Олег ничего этого не видел, он спал сном праведника, а когда проснулся передача уже подходила к концу.

Через некоторое время он уже мчался в своем авто в сторону города. Дороги за городом все еще не достаточно хороши, но зато усовершенствовались машины. С тех пор как правительство взяло под свой контроль науку и промышленность, появилось множество инноваций, новых открытий. Впрочем, Россия всегда была богата талантами. Машина Олега не самой последней модели, но она вполне устраи-

вает его. Он к ней привык. Теперь он стремился к постоянству, и уже не менял ни машин, ни женщин. Новая система колес и амортизации была превосходна, брызги больше не летели во все стороны, и ледяные кочки не так ощущались. Но, как заботливый хозяин, при малейшей неполадке, даже просто сомнении, он проверял своего железного друга, так как сам никакими техническими талантами не обладал.

До скоростной трассы было еще километров десять, но Олег не торопился. По обе стороны от него стоял величественный, безмятежный лес. Потом пошли по краям молодые посадки, маленькие елочки напоминали нежную молодую траву.

Величие природы всегда волновало Олега, и сколь бы не были велики технические открытия, заполонившие новинками современный мир, ничто не могло сравниться с таинством природных явлений, с могучей силой, скрытой в них.

Жизнь леса протекала по определенным ему Богом нерушимым законам. И казалось, что и во всем мире царит спокойствие и безмятежность, и все люди счастливы. Но как обманчиво было это впечатление! Сколько еще людей блуждает в поисках истины, сколько сбились с пути, сколько уподобились животным, забыв о душе.

Ближе к шоссе Олег включил автоматическое переключение передач, и машина заскользила под горку. Извилистая лента дороги плавно ложилась под колеса, и скорость совсем не ощущалась.

Замурлыкал телефон.

– Олег, здравствуй, ты где? – раздался голос Натальи. Олег нажал кнопку видеозображения, но на экране замелькали помехи: кокетка Наталья не хотела показываться.

– Скоро буду в городе. В автосервис надо заглянуть. И за продуктами.

– А ко мне подъехать не можешь? Или давай в кафе встретимся?

– А что, что-то срочное? – спросил Олег, услышав нетерпение в Натальином голосе.

– Ты "Новости" не смотрел? Ну ты даешь! Впрочем, чему я удивляюсь?

– Да что случилось? – спросил Олег, заражаясь Натальиным нетерпением.

– Значит, ты ничего не знаешь? – спросила она, смягчившись. – Опять нашего Андрея Степаныча клюют, – объяснила. – Профессор собирается в Лондон. Там будет проводить совместный эксперимент. Перед отъездом здесь состоится пресс-конференция с участием бывших пациентов нашего филиала. Сергей мне много чего порассказал. В общем, подъезжай к "Лире". В 17-00 тебя устроит?

– Хорошо, буду.

– Ну пока, до встречи, – закончила разговор Наталья.

Да, заинтриговала... Уже пять лет прошло с тех пор, как Олег принял участие в одном из первых экспериментов профессора. Воспоминания о клинике остались самые теплые.

Всем им много пришлось пережить за это время, а уж профессору Сидорову в особенности.

Три года назад одно судебное разбирательство чуть ли не привело его на скамью подсудимых. Дело было явно сфабриковано недругами профессора, и впоследствии, он был полностью реабилитирован.

А сколько шуму было в газетах за все эти годы! Одни названия чего стоят: "Профессор Сидоров растит сексуальных маньяков" "Мужья из пробирки." На профессора списывались все беды общества: увеличение количества разводов, рост числа матерей-одиночек. (Эти фанатички даже организовали партию для борьбы против экспериментов над мужчинами.)

Как противилось устоявшееся порочное общество новым веяниям, как боялось обнажить свои скверны! Сколько было тогда судебных разбирательств, журналистских расследований. Но на поверку выходило, что недовольные мужчины либо вовсе не проходили эксперимент или прошли его не полностью, а обиженные женщины просто обмануты мужьями.

Сколько тогда появилось лжеучеников профессора Сидорова, оказывающих те же услуги. Борьба с ними было практически невозможно.

Сейчас профессор уже научился отбивать атаки журналистов и дельцов разного толка, у него уже были доказательства удачно проведенных первых экспериментов. Его гордостью

был и Олег Дубов. Было время, когда западная пресса уделяла много внимания ему и Эмме именно в связи с экспериментом. Газеты облетели непонятно как добытые их свадебные фотографии.

"Профессор Сидоров способен влиять на развитие таланта." "Профессор из России изобрел формулу успеха." – трубили западные газеты.

В последствие были обнародованы сенсационные данные об обследовании детей, рожденных в этих браках. У большинства из них были отмечены очень высокие умственные способности, необычные для трех-четырёхлетних детей. В этом Олег убедился, наблюдая за детьми своих знакомых.

Несмотря на высокую оценку деятельности профессора за границей и приглашение его в зарубежные клиники для проведения подобных экспериментов, на родине все было далеко не так безоблачно.

Олег, конечно, как мог старался поддержать учителя, но иногда и его имя, облитое грязью, всплывало в местных газетах. Писакам не давало покоя прошлое Олега. Газеты публиковали интервью с некими девицами, якобы состоявшими с ним в интимной связи, смаковали его порочные наклонности. Целый роман развернули в защиту обесчещенной, покинутой им Танечки Смолиной, у которой якобы из-за него не сложилась личная жизнь. Другие газеты, противореча оппонентам подавали информацию уже с другой, эротическо-романтической стороны, выискивая существующие и несущее

ствующие связи любовных отношений художника и его произведений. Все это было неприятно не только Олегу, но и Тане.

– Ты же знаешь, я всегда была твоей поклонницей, и всегда любила тебя...как художника. А эти журналисты они все переиначивают,– звонила расстроенная Татьяна, которая имела неосторожность однажды дать интервью журналистам.

– Не бери в голову, скоро забудут, – утешал он ее.

Но только стихала одна сплетня, как появлялась другая. На страницах прессы "родился" какой-то добрачный ребенок, о существовании которого Олегу было ничего не известно. Профессора Сидорова обвинили в том, что он покрывает пороки своих "идеальных мужчин." У большого успеха всегда много завистников.

После посещения автосервиса и покупок Олег направился по запруженным машинами улицам в северный район города.

Он припарковал машину рядом с сине-зеленой переливающейся Натальиной, и она вобрала в себя стандартный темно-синий цвет Олеговой машины, сверкнув фиолетовым. Наталья во всем старалась следовать моде.

Она сидела у окна, курила или делала вид, что курит. Увидев Олега, помахала ему рукой. Одета была, как всегда, к лицу во что-то переливчато-малиновое. В моду опять вошли короткие стрижки, что очень шло Наталье. Единственно, че-

му она не изменила в угоду моде, был ее естественный черный цвет волос.

– Привет еще раз, – поздоровался Олег.

– Привет, – ответила она и затушила сигарету: – Так, побаловалась в последний раз, – объяснила она.

– А ты похорошела, поправилась что-ли.

– Правда? Заметно? – удивилась Наталья, но не обиделась. – Мне все говорят, что я стала красивей.

– Ты неотразима.

– Просто ты меня давно не видел.

– Да. Почти месяц. Последний раз мы ведь виделись на дне рождения у Володьки.

Она кивнула. Положив сигарету на край пепельницы, полезла за чем-то в сумочку. Достала платок.

– Как твои дела? – спросила небрежно.

– Как всегда трудно, но двигаюсь потихоньку, – любуясь тонкой струйкой голубоватого дымка от ее сигареты, ответил он. – Думаю, получится.

– Что за тема? – поинтересовалась Наталья, придавив столбик пепла. Несколько маленьких искорок взметнулось вверх и растаяли, не коснувшись ее руки. Такие же искорки, как будто отлетали и от Натальи.

– О, тема огромная – поиск света. Вообще-то я конкретно еще не определился, только знаю: это должно быть обширное полотно. Я многих там хочу изобразить.

– У тебя получится. Я в тебя верю, – улыбнулась она мас-

штабности его задумок. Всегда он берется за то, что почти недостижимо, и как не странно, достигает цели.

– Правда? – переспросил он. – Я знаю, что ты настоящий друг, – поблагодарил он ее за поддержку.

– Еще бы, если вспомнить, сколько пудов соли вместе съели.

Наталья все еще считала себя причастной к его таланту. И, наверное, была в этом права.

– Так, главная новость, – перешла она к тому из-за чего собственно его и вызвала. – Андрей Степаныч хочет вас всех собрать. Точно не знаю, на какое число. Будет большая пресс-конференция. А для тебя возможность встретиться с друзьями. Кого-то из вас он хочет взять в Лондон. Ты как?

– Я Андрей Степанычу отказать не могу.

– Я думаю, многие приедут. Сан Саныч из Москвы обязательно. Местные все будут. Профессору сейчас трудно, его нужно поддержать. Знал бы ты какую шумиху организовали на телевидении. Ну это тебе надо самому посмотреть. И в газетах, наверняка, напишут.

– Я, знаешь, заработался совсем.

– Одичал у себя в лесу, – посмеялась Наталья. – Она знала, как он любил свой дом, в котором по его словам хорошо работалось. В этом доме они с Эммой провели первые дни после женитьбы.

– Ну, а как твоя работа, муж? Что вообще новенького?

– Все нормально. В музее ремонт. – Наталья, как все-

гда, была лаконична. В делах она предпочитала сами дела, а не разговоры. А о муже вообще говорила мало. По художественным вопросам, правда, они могли говорить сколько угодно, спорить. Но сейчас у нее было какое-то нерабочее настроение. – А твоя Эмма, как? – задала она вопрос, вкладывая в него свой смысл.

– Она в Париже. Через неделю приедет.

– Решительная она женщина, – зная о беременности Эммы, – сказала Наталья.

– Ты какая-то другая стала. Спокойная, тихая. Может, по коктейльчику? – высматривая у стойки бара официантку, предложил Олег.

– Алкоголь не употребляю, – сделала отрицательный жест рукой Наталья.

– Что совсем? – удивился он. Раньше она не отказывалась от бокальчика хорошего вина в хорошей компании.

– Соовсем! – глаза ее блеснули из-под ресниц, щеки зарозовели – или это отблеск начинающихся сумерек, падающих через окно, так отражался на ее лице?

В глазах такая глубина и еще что-то, что невозможно понять.

Энергетическая волна, исходящая от Натальи коснулась Олега. Покрутив в руках кофейную чашечку, она подняла глаза:

– Хочешь, я тебе тайну сообщу страшную, ее даже муж еще не знает? – и без остановки полушепотом: – У меня тоже

будет ребенок! Представляешь?

Неожиданно!

– Еще как представляю! – обрадовался Олег за Наталью, сжимая ей руки: – Поздравляю тебя! Так вот отчего ты сияешь вся!

– Мне тридцать четыре скоро, Олежек. Я уж надежду потеряла. После того... – Она замолчала, отвела взгляд. – Даже врачи ничего не обещали... А тут... – на ее лице отразилась внутренняя радость – важная, необъятная! Мужчины так радоваться не умеют. Олег зафиксировал в памяти новое впечатление. Еще совсем недавно он удивлялся подобному восторгу Эммы.

– Ты молодец! Сама же говорила: главное, сильно захотеть.

– Я только сегодня об этом узнала. Самой неожиданно. Для меня это последний шанс.

– Все будет хорошо, я уверен в этом. Давай хоть соком отметим это событие. Что тебе вообще хочется? У беременных женщин могут быть капризы.

– Для капризов у меня муж есть и отец ребенка.

– Представляю, как он будет рад.

– Боюсь, что он меня теперь за стекло поставит и пылинки будет сдувать.

– Да он тебя любит!... Девушка, – позвал Олег официантку: – Дайте нам коробку зефира и сок... ты какой хочешь? – спросил он у Натальи.

– Апельсиновый.

– Два апельсиновых. А мне, пожалуй, можно и коктейль за твое чадо выпить: – Один «Легкий», девушка, – попросил он официантку.

– Давай попросим, чтобы нам зажгли свечи, – сказала Наталья с запозданием, после того, когда официантка ушла.

– Давай. Праздновать так праздновать. Мы теперь с тобой собратья по счастью.

За окном голубели сумерки. В хрустале теплилось пламя свечи. Мысли и чувства их были похожи.

– Вот обрадую сегодня Эмму.

– Она тебе будет звонить?

– В двенадцать.

– Передавай ей привет от меня, – сказала Наталья. (Они подружились еще в Москве, когда Наталья лежала в клинике, и Эмма часто навещала ее там вместе с Олегом и вместо Олега.)

– Передам обязательно. Я за нее переживать начал. Мать тоже беспокоится.

– Да, я бы, наверное, так не смогла. Она у тебя сумасбродка и... очень еще молодая.

– Сегодня я с ней поговорю серьезно. И ты себя береги.

– Конечно, -отозвалась Наталья.

Они еще посидели некоторое время, перебирая новости и своих знакомых, но вскоре Наталья заторопилась.

– Ой, время много. Сейчас Сергей придет.

– Да и мне пора.

Олег помог Наталье выбраться из-за стола и повел к выходу.

– Давай держать друг друга в курсе дела. На счет Андрей Степаныча созвонимся еще, – сказал он.

– Ты вечером телевизор посмотри, не забудь, – напомнила Наталья, садясь в машину...

– Не забуду.

Глава 3

Домой добрался почти затемно. Накрыл себе ужин на столике перед телевизором. Наконец под неразборчивый голос диктора замелькали на экране здания известного Московского НИИ, расширившиеся и обустроившиеся за последние годы корпуса местной клиники. Промелькнуло показавшееся Олегу постаревшим лицо профессора.

Олег прибавил звук. Улыбаясь корреспонденту, профессор говорил о своей научной работе. Репортер стал задавать каверзные вопросы о ряде неудач с экспериментами, о некоторых публикациях в газете. Все это были старые сплетни. Олег закончил с едой и прислушался.

– Ходят слухи, что вы едете в Лондон для проведения подобного курса оздоровления у англичан.

– Да. Мы вместе с профессором Лассалем разработали новую программу специально для молодых англичан.

– Скажите, профессор, кого вы на этот раз приглашаете в

качестве пациентов? Сливки общества или людей дна?

– Тех, кто изъявит желание. Безработных, бомжей, больных алкоголизмом и наркоманией. Но лишь тех, кто хочет изменить свою жизнь в лучшую сторону.

– Как будет проходить отбор? И много ли в Англии желающих пройти у вас курс лечения?

– Лечение проводится на бесплатной и платной основе. Отбор строгий. Есть пациенты, которые не проходят даже первоначального тестирования. К сожалению, люди из так называемого высшего общества наиболее трудно поддаются лечению.

– Значит ли это, что вы предпочитаете состоятельным пациентам бомжей? И больше лечите их, чем нормальных людей? – с любопытством спросил репортер.

– А как вы думаете, кого выгодней лечить: богатых или бедных? – вопросом на вопрос ответил профессор. – Извращение нравственных ценностей не передается по наследству. А богатство и бедность – вещи относительные и непостоянные, – продолжал он: – Для меня как для врача основную роль играет психологический настрой личности. Но в каждой группе пациентов и для каждого пациента в отдельности мы разрабатываем свои методы лечения. И соответственно подбираем группы. Для разных пациентов длительность лечения и особенности его будут различны.

– Скажите, профессор, кого вы собираетесь взять с собой в Лондон из России?

– Сейчас мои специалисты работают с небольшой группой наркозависимых людей, неудачно завершивших лечение в наркоклинике. Первое цикл лечения уже завершается. Именно эту группу я намерен взять с собой в Лондон для дальнейшего оздоровления совместно с аналогичной группой английских больных.

– Возможно будет с ними побеседовать?

– Если кто-то из них изъявит желание, пожалуйста.

– Уже можно говорить о положительных результатах лечения? Можно определить, кто из них вернется к нормальному образу жизни?

– Возможности есть у всех, но все зависит от личности и ее окружения.

– А непредвиденный результат в ходе эксперимента возможен?

– Что вы имеете в виду? Отрицательный результат? – переспросил он.

– Некоторые из ваших бывших пациентов совершают правонарушения. Почему это происходит?

– Человек – существо непредсказуемое. Предвидеть как поведет себя та или иная личность, наделенная свободной волей, я не могу. Даже талант можно использовать как во благо, так и во зло.

– Вначале вы заявляли, что ваши эксперименты были задуманы с целью укрепления российской семьи. Как сейчас обстоит с этим дело?

– Да, эта задача оказалась самой трудной. Сейчас мы не ставим перед пациентами такой задачи. Но многие все же создают счастливые семьи и имеют полноценных, талантливых детей. Кто-то целиком отдается научной, творческой или религиозной деятельности.

– Считаете ли вы высшим своим достижением раскрытие таланта художника Олега Дубова?

– Нет. С Божьей помощью Олег сделал себя сам.

– Но вы этому способствовали? Вы дали ему толчок?

– Можно и так сказать.

– Есть ли примеры кроме Олега Дубова?

– Да. Мой пациент, сейчас аспирант Василий Коконин делает большие успехи. Он увлечен той же идеей, что и я, но думаю, он пойдет дальше меня.

– Он женат?

– Нет, и насколько я знаю, пока не собирается.

– Вы растите бездушных карьеристов?

– Без ответа, – сделал недовольный жест профессор, словно отмахиваясь от мухи.

– Над чем он работает? – делая вид, что не заметил недовольства профессора, продолжал репортер.

– Он изучает возможности проведения данного эксперимента для женщин.

– Это уже сенсация! – оживился журналист. Вы считаете это перспективным?

– Будущее покажет, – уклончиво ответил профессор.

– Скажите, профессор, а вы в этом проекте участвовать будете?

– Нет, у меня другая специализация.

– Верите ли Вы в успех в Англии?

– Да.

– И последний вопрос: – Верите ли вы в Бога?

– Да.

Замелькали кадры с чужими лицами, и Олег приглушил звук, откинулся на диван. Все же профессор здорово сдал за последнее время. Похоже было, что он нуждался в поддержке.

В самое трудное для Андрея Степановича время от него ушла жена. Вышла замуж за иностранца, и уехала с ним в одну из восточных стран.

Увеличенная газетной шумихой, неприятность сильно подорвала здоровье профессора.

– Не стоило мне на ней жениться, – говорил он Олегу, когда тот пришел навестить попавшего в больницу профессора. – Прельстился старый дурак на яркую окраску. А она полетела на славу, как бабочка на огонек, не понимая того, что слава и деньги – это не всегда одно и то же. – Он помолчал, прикрыв глаза, слова давались ему с трудом. В его голове мыслительный процесс не прекращался никогда. Капсула капсулой, а выбор-то делаем мы сами. Капсула ведь в душу заглянуть не может. Тут внутренний голос слушать надо, душой душу. Тогда и жить будете: душа в душу. Ты на моем

примере ошибки не соверши. Путь у нас уж больно не легкий. Все пройти надо: и огонь, и воду, и медные трубы. Я так полагаю: огонь – это страсти, что кипят в человеке, вода – это отчуждение, одиночество, разочарования, а медные трубы – это слава. Так что, чем дальше, тем труднее будет. Дело, мой милый, дело прежде всего. Каждый из нас должен сделать то, для чего пришел в этот мир.

Олег, как и профессор, был очень одинок в то время. Работа не ладилась. Наталья вышла замуж, у матери тоже своя жизнь, и некому было упрекать его в бездействии, у матери тоже своя жизнь. Да и чем она могла помочь?

Тогда Олег как за последним утешением пошел к Виктору...

Глава 4

Сейчас Олегу казалось будто он прожил не одну, а несколько жизней. И те, первые жизни, были ужасно несчастливими. Уходили самые близкие, самые нужные люди, и не оставалось ничего, чем можно было оправдаться перед Богом. Он понял, что ничего хорошего еще в жизни не сделал. И может вообще не сделать. И он взмолился: "Господи, помоги!" И родился заново.

Теперь он знает, что такое счастье. А много ли их, таких счастливых, на земле? Больше несчастных. Вот для них и надо жить и творить.

За окошком колебалась темнота, обретая причудливые

формы, будя воображение. Олег оделся и вышел на веранду. Он стоял, наслаждаясь дремотным дыханием леса, бескрайним темным небом. Как там Сан Саныч говорил: "Каждый человек должен хоть иногда оторваться от суеты и взглянуть на звезды". Или не так, а так пожалуй: "Человек тем отличается от животного, что иногда отрывается от поисков подножного корма и смотрит на звезды." Действительно, звезды притягивали взгляд, и сердце замирало от невозможности постигнуть все тайны природы. А сколько она хранит тайн! Сколько силы в ней и сколько она может дать чувствительному сердцу!

Ведь все здесь имеет душу: и зверь, и птица, и дерево. Смотрят из темноты чьи-то глаза, неслышно шуршат в темноте невидимые крылья. Налетает дразнящий нервы холодок. И в природе не все однозначно. И здесь идет борьба добра со злом.

В это время хорошо думалось. Из многомерного пространства и времени всплывали образы и фантазии, озаряли светлые мысли, находились нужные цветовые решения. Олег поспешил в мастерскую.

От работы его оторвал долгожданный гудок -международный. В трубке раздался родной струящийся голос Эммы. Он очень любил его, как и все в ней. Вероятно, музыкант нашел бы его очень мелодичным. Эмма и пела хорошо." Когда-нибудь, когда буду старой, а балерины стареют рано, стану певицей,– шутила она,– Вот тогда надоем всем своим пением."

Эмма рассказывала о прошедшем спектакле. Она имела большой успех, в чем он, собственно, и не сомневался. Так хотелось ее увидеть, но на линии были какие-то неполадки, и видеосвязи не было.

– Ты не представляешь, какое вдохновение у меня было.

– Представляю, поэтому переживаю за тебя.

Олег высказал опасения матери. И голос Эммы недовольно дрогнул:

– Вы что сегодня сговорились. Дедушка звонил. Теперь ты.

– Но, Эмма, девочка моя милая! Мы ведь тебя любим.

– Олег, мне еще только три спектакля, и можно паковать чемодан. А сил у меня хватит, ты не волнуйся. А как твоя картина?

– Появились новые мысли и новые идеи.

– Не терпится поглядеть. Как жаль, что это невозможно сейчас, – повторила она его мысль.

От одинаковости их желания радостно заняло сердце. Олег всегда страдал от близости голоса жены по телефону и невозможности взглянуть в глаза и обнять. Он боялся даже подумать, что с ней может что-то произойти, что она такой же смертный человек, как и все. И еще он страшно ревновал ее.

Уже три года они вместе, и он все время дрожал при мысли, что она его разлюбит. Эммин звонок выбил его из колеи. Не работалось. Лег спать. Лежал без сна. Где-то в стене

крошилась и падала штукатурка. Тени от веток в свете луны причудливыми иероглифами отпечатались на потолке. Что-то потрескивало и постукивало...

Знал бы он пять лет назад, уезжая с Натальей в Москву, что едет навстречу своей судьбе.

Глава 5

Заснеженная Москва тогда встретила их неприветливо. Наталью положили в клинику. А Олег попал в мир уличных попрошайек и разного рода продавцов, продавая свои картины в переходах и метро. Несмотря на то, что никто не знал его имени, картины все-же расходились. Но снисходительность москвичей мало радовала Олега. По большому счету иллюминированной блестящей Москве было наплевать на провинциального художника и его талант. Денег с трудом хватало на оплату самого дешевого номера в гостинице. Попривыкнув, москвичи перестали обращать на Олега внимание, картины стали расходиться хуже, и наступила в его жизни черная полоса. Нужно было искать другое жилье или уезжать из Москвы.

Выручил случай. Уже стемнело на улице, когда на его картины загляделся опрятного вида старичок и пожелал купить одну из них. Самую дорогую. – «Именно такой пейзаж я и ищу!» Но денег у него с собой не было, и он предложил Олегу поехать к нему домой. Олег побоялся упустить редкую

удачу и согласился.

Старичок оказался одиноким геологом на пенсии, веселым и очень охочим до разговоров. Кроме геологических находок в его заставленной книгами квартире, Олег увидел несколько картин неизвестных авторов. Старичок бойко и с видимым удовольствием комментировал все виденное, а заметив, что Олег заинтересовался картинами, сказал:

– Мое последнее увлечение. Это малоизвестный молодой московский художник – Ступин. А это – копии, узнаешь, но тоже неплохо, а? – спросил его старичок. – Пытаюсь угадать талант! – улыбнулся он. – Мы в «Клубе пенсионеров» многие коллекционированием занимаемся, – объяснил он. – А я в детстве неплохо рисовал шаржи, очень похоже получалось. Теперь уж не могу. А интерес к искусству остался. Мой друг – Антон Иванович Победимцев меня заразил. У него коллекция побольше. У него и старинные картины есть, и даже кое-что из антиквариата.

Петр Моисеевич, разговорившись с Олегом, не захотел отпускать его домой. Так Олег обрел новое жилье.

А потом появилась Эмма.

– Извини, дедушка, долго не приходила, – сказала она, поглядывая на Олега, – была на гастролях в Италии.

Высокая, прямая, со смелым озорным взглядом прозрачных каких-то глаз, она смутила ими Олега.

– Познакомься, Эммочка, Это Олег – художник. Я тебе про него говорил по телефону, помнишь? Ты увидишь его

работы, тебе понравится, я уверен.

– Эмма, – протянула она руку, и он увидел, что глаза у нее светло-болотного цвета в тон волос, блестящим шелком падающих на плечи. – А я переживала, кого тут дед притащил! А вы вон какой!

– Какой? – хотелось переспросить ему.

Эмма легким движением провела по своим волосам, от чего они, казалось, заблестели еще больше. Глаза ее теперь смеялись, и что она имела в виду, было непонятно. На ее лице совсем не было косметики, не было в нем никакой яркости, но от этого оно странным образом становилось только интереснее.

В комнате с ее приходом, воздуха стало будто больше, он наполнился ароматом лесного яблока. «Ну что, нравлюсь?» – смеялись ее глаза, приковывая взгляд Олега. А он злился на себя за свою скованность и на нее за ее неотразимость. Одежда она была в каком-то балахоне с бахромой, но идеальная прямота и стройность чувствовались в каждом движении.

– Ну и где тут произведения гениального художника? – прошла она мимо него, качнув бахромой воздух. Хотелось любоваться ею, не отрывая глаз. Что он и делал. А ей было смешно.

Эмма, перестав смеяться, долго и задумчиво смотрела на картины.

– Неплохо, – похвалила сдержанно. Потом он узнал, что в ее лексиконе эта самая высшая похвала.

– Хотите со мной кататься с горы? – неожиданно озорно предложила она Олегу. – У деда во дворе горка замечательная.

– Не замечал, – растерялся Олег.

– Вы не заметили? – удивилась и продолжила: – Я уже съехала раз, хочу еще!

– Эмма, ты как ребенок! – пожурил ее дед. Снова зазвучал колокольчик ее смеха.

Эмма в пушистой шапочке с ушками, в стеганой курточке, отороченной мехом, заснеженная и веселая, была похожа на большого ребенка. Такой она ему снилась всю следующую ночь.

После он не раз думал, что же в ней так поразило его в первый раз. По отдельности глаза, волосы, губы не представляли ничего особенного. И фигура стандартной манекенщицы. Но за каждым жестом, движением, чуть-заметной улыбкой таилась жизнь. Жизнь неведомая, манящая. Во всем ее облике, в тайне ее внутреннего мира царила гармония.

В тот день она принесла два билета на балет со своим участием. И Олег после, сидя во втором ряду партера, понял в чем заключена ее гармония. Это была гармония радости, гармония поиска, гармония таланта.

Шел балет «Бахчисарайский фонтан». Невероятно красивым было оформление, костюмы, тела и лица молоденьких балерин, одухотворенные танцем.

Посмотри, какая, вон эта в розовом, – восторженным ше-

потом привлек внимание товарища, парень, сидящий перед Олегом. – Просто королева!» – высказал он, то, чего не мог сформулировать для себя Олег. Впервые его кольнула ревность.

Эмма – а это была она – танцевала с упоением и необыкновенной легкостью. Будто это была не женщина из плоти и крови, а ожившая статуя из мрамора, летучая и трепещущая.

Эта гармония музыки, танца, красота женского тела и души заполнила его целиком, погрузило сердце в неиспытанную никогда доселе радость. Или это действие капсулы? Он видел только ее одну и не совсем еще понимал тогда, что за каждым движением, взмахом ресниц были сотни часов физического и душевного труда. Эмма потом сказала, что у нее в этот день безумно болела нога. И она весь вечер пролежала, мучаясь от боли.

Потом она дебютировала в «Лебедином озере» в роли Одетты.

Олег наблюдал за ней из-за кулис, видел то, что скрыто от зрителей: чудовищное напряжение мускулов, сбивающееся дыхание, побелевшее сквозь грим лицо в бисеринках пота, промелькнувшие в какой-то миг сомнение и испуг. Сострадал ей.

Начала она как-то неуверенно, тяжело. Он ловил отчаянные тени, скользящие по ее лицу. От волнения, охватившего его, он почти не слышал музыки, хотелось крикнуть: «Держись». И вдруг музыка полилась, в едином порыве подхватив

ее, она взлетела, закружилась, заражая всех вокруг необыкновенным чувством легкости.

Волшебная музыка Чайковского, расшифрованная танцем, вливалась в открытые души. Последний акт был закончен блестяще. Зал взорвался аплодисментами. И только артисты, да немногие знатоки знали истинную цену ее чуть не сорвавшемуся успеху. Но и они аплодировали стоя.

Он знал, что каждый раз, перед выходом на сцену, она молится про себя, целует крестик, и лицо ее в этот момент, как и вся она, становились неземными.

Олег уже не мог жить без Эммы. Он превратился в ее домохозяйку, повара и массажистку одновременно; выполнял все ее капризы и желания. Но вскоре ей это надоело, она стала капризничать, раздражаться, обвинила его в том, что он любит ее для себя, а не для нее, что он вообще никого не любит. Она упрекала его в невнимании к Наталье. И заявила, что им нужно расстаться.

В тот вечер Олег чуть не покончил с собой. Ноги сами привели его к Петру Моисеевичу, который снова дал ему приют.

Как много выручал он его в трудные московские дни! И все же именно они были для Олега самыми трудными и самыми счастливыми.

А для Эммы? Была ли она легкомысленна или расчетлива, мучили ли ее угрызения совести в те дни, Олег так никогда не узнал. Сама Эмма тот период жизни вообще не брала в

расчет. Олега она тогда еще не любила. Любовь захватила ее лишь спустя несколько лет.

Странная штука память, каждому возвращает лишь собственные чувства и переживания.

После того, как Эмма уехала в гастроль, сказав Олегу, что ей не нужен идеальный мужчина, у Олега будто земля ушла из-под ног.

По ночам не спалось. Окна квартиры Петра Моисеевича выходили во двор, и было слышно, как щелкает капель, падают подтаявшие сосульки. Природа тоже не спала по ночам: по стволам вверх поднимались соки, набухали почки. И сердце Олега набухало болью и обидой. «Как она не понимает? Как она не понимает?»

В воздухе бродил весенний хмель, щебетали птицы, девушки на улицах расцвели еще больше, озаряя улыбками прохожих. Но Олегу кроме Эммы никто не был нужен.

Глава 6

Было начало апреля, Наталью муж забрал домой месяц назад, Олег тоже собирался уехать, но все медлил, когда неожиданно появился Виталий. – Баловень судьбы! Отрастил себе гусарские усы, придававшие ему холеный вид. Улыбка не сходила с его лица, будто встреча с Олегом была для него высшей радостью.

– Ты откуда? – обрадовался Олег.

– Мне мама твоя адрес Эммы дала. Я виделся с твоей

балериной. Она только что приехала. А ты что, чудака, не знал? – удивился Виталий.

– Она не хочет меня видеть, – объяснил Олег. Виталий недоуменно пожал плечами.

– А я прикинулся поклонником балета, – объяснил он в своей непринужденной манере, раскинувшись на стуле, как на мягком диване. – Она мне все про тебя и выложила, что ты у деда живешь...

–А-а-а... – уныло протянул Олег.

– И что это вы с ней не поладили? – Не понимаю! Она мировая девка, веселая. Не без запросов, конечно.

– Я ее люблю, – как-то обреченно признался Олег. – Но ей не нужен "идеальный мужчина", – с горечью констатировал он. И ревность змеей зашевелилась в душе, ведь разговаривает же она с другими, с Виталием, например. Может быть, даже принимает чьи-то ухаживания.

– Брось унывать. Главное – что ты ее нашел. И никуда она от тебя не денется. Что-то ты совсем раскис. Вспомни, чему учил профессор, – напомнил Виталий. – Все победы начинаются с победы над самим собой.

– Я без нее не могу. Она преследует меня, как наваждение какое! – жаловался Олег. – Иду по улице – мерещится: она навстречу идет, в окно выгляну, кажется: в машину к мужчине садится. И ведь знаю, что нет ее в Москве, – поделился он. – Я, кажется, начинаю сходить с ума.

– Ну, теперь понятно, почему она от тебя сбежала, – рас-

смеялся Виталий. – Замучил ты ее своей любовью и ревностью. – Виталий высказал мысли, навеянные личным жизненным опытом: – И что ты ее преследуешь?! К чему унижаться? Вообще, надо тебе отвлечься. И мне заодно поможешь. Я ведь сюда по делу.

Виталий узнал, что у убитой Вероники Полянской была сестра. Он считал, что именно ей и следовало передать медальон.

«Этот старый еврей – их отчим – еще на свободе», – сказал он.

Виталий надеялся, что здесь, в Москве, удастся что-нибудь о них узнать.

– Я – не я буду, если дело это не распутаю. Это – долг мой перед покойной, – избитым жестом стукнул он себя в грудь.

Петр Моисеевич проникся к Виталию теплыми чувствами и посоветовал ему поговорить со своим другом – антикваром.

– Я, пожалуй, приглашу его сегодня на чай. Заодно он новые картины Олега посмотрит. Может, что-то и возьмет на продажу, – пообещал он.

Антон Иванович Победимцев – веселый кругленький, некогда рыжий лысячок оказался весьма сведущим человеком. Напившись чаю, вытирая пот с покрасневшегося лица, Антон Иванович откинулся на кресло.

– А... Ефим Аронович... Знаю, знаю... Старый волк. Приходилось с ним сталкиваться по моим коллекционным

делам. Он еще тогда в экспертной комиссии работал. Мухлевал здорово.

– Так вы его знаете? – сердечно обрадовался Виталий.

– Знал когда-то. Жена у него красавица была, две дочки-двойняшки от первого брака жены. Одну Вера звали, другую Ника.

– Двойняшки? Вот так номер, – подмигнул Олегу Виталий. – Это что ж получается одно имя – Вероника? – спросил Виталий. – Кто же у них по паспорту Вероника? – снова спросил он.

– Этого я не знаю. Девочек я только маленькими видел. Они, как две капли воды, похожи были. Только характеры разные. Вера – послушная, а Ника, та, все время проказничала. Нонна – их мать – певицей была, так себе талант, но что-то в ней притягательное было помимо красоты, – помолчал он, вспоминая. – Вера в нее пошла: задумчивая, с грустинкой, – опечалился он, памятуя о судьбе девушки и переключился на другое. – Нонна всегда на себе колье носила и кольцо с бриллиантом, очень ценные. Никогда с ними не расставалась. Но она скрытная была, а Губерман и подавно. – Антон Иванович ушел в воспоминания, отчего его веселое лицо подернулось дымкой. – Помню, как мы все переживали, когда она покончила с собой. Накануне разговор о ядах вели, а на следующий день она отравилась, – он помолчал. – Дочки очень на похоронах плакали. А Нонна в гробу в первый раз без украшений была. – Рука антиквара, коснувшись

блюдца, задрожала. Похоже, что-то большее связывало его с женой Губермана, подумалось Виталию.

– Как, вы говорите, Веру убили? – спросил Антон Иванович и выслушал ответ Виталия. – Жалко. Ведь она молодая еще совсем. В чем-то повторила судьбу своей матери, – вздохнул он. – О Нонне ведь тоже ходили слухи, что муж ее отравил. Ефим Аронович Губерман на все способен.

– А те драгоценности, что были на Нонне, видеть вам больше не приходилось? – спросил Виталий.

– Нет... покачал головой старичок. – Что в руки Губерману попало, то пропало. Золото и бриллианты тогда, как в воду канули. Дочек родственники взяли себе. И, кажется, разделили их, увезли куда-то... Так теперь этого старого волка в убийстве обвиняют? – неожиданно бодро спросил старик и покачал головой: – Не легко будет его поймать, уж больно хитер. Да, слышал я он за границей живет, в Израиле, да давно уже.

– А еще какие-нибудь драгоценности вы у них видели? На Веронике медальон был... – заговорил Виталий об интересующем его факте.

– Нет... не видел, – после паузы сказал антиквар. – Но, кажется, что-то слышал, – наморщил он лоб. – Память уж теперь плоха стала. Слышал, будто какая-то семейная тайна была связана с медальоном. Уж не за ним ли охотится наш Ефим Аронович? Может быть, Нонна тайну свою дочерям передала? Постойте, тогда и Нике грозит опасность! Если

она вообще еще жива. Вы найдите ее, найдите! – неожиданно с жаром закончил он, удивив Виталия.

Антон Иванович засуетился, задвигал руками и лицо его от волнения покрылось бисеринками пота.

– Да. Я и собираюсь это сделать, – согласился Виталий, задумавшись.

– А вы что ж с Верой знакомы были? – торопливо спросил антиквар Виталия, будто избегая вопросов с его стороны.

– Да нет. Просто у нас город маленький – все на виду. А в общем немного знаком, – чтобы как-то оправдать свой интерес к этому делу, соврал Виталий.

– Да, да...-кивал антиквар головой, спрятав под пиджак руки.

«Скрывает волнение», – подумал Виталий.

– Бывал я в вашем городе. Музей у вас хороший, библиотека богатая, девушки красивые. Брат мой старший несколько лет в вашем педагогическом институте преподавал. Я тоже жил там одно время, – уклончиво сказал он.

– А с профессором Сидоровым вы случайно не знакомы?

– Не имею чести, – нахохлился он. – Про него и ему подобных только теперь и пишут, – возбужденно заблестел он глазами. – Но я человек земной и в чудеса не верю. Я очень боюсь, что этот Сидоров обыкновенный шарлатан. Возмечтал о славе великого ученого! Их сейчас столько развелось! – с возмущением взмахнул пухлыми ручками антиквар.

– Вы не верите в успех его экспериментов? – снова спро-

сил Виталий, с усмешкой переглядываясь с Олегом.

– Я вообще скептик. Это самая лучшая зарядка для ума – все подвергать сомнению, – сказал он.

– Это правда, – восхищенно согласился Виталий, широко улыбаясь, будто старичок изрек невесть какую истину. – Может быть, вы еще что-то вспомните об этой семье? – спросил Виталий, пытаясь вернуться к прежней теме.

– К сожалению... – развел руками Антон Иванович.

– Профессор Сидоров родом из нашего города, – с некоторой обидой за профессора вставил Олег. Но антиквар пропустил его реплику мимо ушей.

– Если хотите, я дам вам старый адрес Губермана, – обратился он к Виталию. – Только вряд ли вы там кого-нибудь найдете.

– Буду очень благодарен, – расплылся в улыбке Виталий.

– Всегда рад, – услужливо кивнул в ответ антиквар. Он черкнул в записной книжке адрес и, вырвав листок, снова спрятал книжку в нагрудный карман. Движения его были выверенными, адрес, видимо, был ему хорошо знаком.

– Очень приятно было познакомиться, молодые люди. Хотя с Олегом я по его картинам заочно знаком, – по-детски радостно улыбнулся он Олегу. – Поздравляю вас, молодой человек, вы перспективный художник. Я постараюсь ваши картины пристроить. Вы сколько еще пробудете в Москве?

Олег уловил некоторую неискренность в интонациях антиквара, противоречащую его улыбкам, и понял, почему по-

осторожничал Виталий, не сказав о медальоне.

– Завтра к вечеру уедем домой, – ответил за него Виталий.

– Завтра с утра позвоните мне, – сказал он. – Большой суммы не обещаю. Но все, что смогу, сделаю.

– Спасибо, – поблагодарил Олег.

Антиквар ушел, отобрав несколько картин Олега.

– Ты заметил, как заблестели у него глаза, когда я заговорил о медальоне? – спросил Виталий, когда за гостем захлопнулась дверь. – Не все нам сказал Антон Иванович. Ох, не все! – воскликнул Виталий.

– Ты думаешь? – задумался Олег.

– Этот народ только прибыль интересует. Их бог – деньги, – сказал Виталий. – А медальон наш определенно чем-то интересен, – задумчиво заметил он, – ин-те-ре-сен, – повторил он, задумчиво. – И наш гость что-то об этом знает. Я – не я буду, если ошибаюсь.

– Поэтому ты не показал ему медальон? – спросил Олег.

– А зачем? Что надо, я и так знаю. Медальон этот сам по себе ценности особой не представляет. Это работа современных ювелиров. Возможно, где-то есть и настоящий.

– Да? Вот никогда бы не подумал, что это подделка, – удивился Олег. – Я сейчас тоже подумал, что Антон Иванович что-то недоговаривает.

– Факт, – согласился Виталий. Друзья заговорщицки переглянулись. Олег, кажется, стал оживать.

Глава 7

Вечером того же дня Виталий вытащил друга к Сан Санычу. Он где-то раздобыл его адрес. Ну никак не мог Виталий сидеть на месте!

– Живете в одном городе. А до сих пор друг о друге ничего не знаете, – подсадовал он на Олега, упрекая его в безынициативности. Олег только развел руками в ответ.

Сан Саныч жил в старинном доме, отданном при советской власти на коммуналки, чудом уцелевшем в этом районе. Сейчас таких домов в Москве почти не осталось.

Комнатка была тесной, со старой мебелью. Зато сам хозяин в джинсах и модной рубашке выглядел молодцевато. Без бороды и усов друзья его даже не сразу узнали. Хозяева, застигнутые врасплох приходом гостей, стали быстро наводить порядок в маленькой комнатке. Тая, заправив каштановые кудряшки за уши, всю командовала мужем. Была она кругленькая, по-женски милая, и никак не походила на девочку, недавно закончившую школу. Руки ее летали, прибирая в шкаф разбросанные вещи.

– Вот так и живем, – сказал Сан Саныч, обводя глазами комнату. – Зарплата моя журналистская небольшая. Тая учится и подрабатывает немного. Все сами..., – с грустным достоинством сказал он.

По сияющим глазам Таи было видно, что грусти мужа она не разделяет, и романтика семейной жизни ей еще не надоела. Она взглядами призывала гостей полюбоваться шторка-

ми с бантиками, которые сшила сама, любовно застеленным семейным ложем – их милым семейным гнездышком.

– Вы угощайтесь, – поправила она салфетку, предлагая печенье. – У нас еще нет здесь друзей. И мы вам так рады, – сказала она, умиленно глядя на мужа: – Правда, Саша?

Она суетилась, обещая скоро налить чаю.

– Конечно, – заверил Сан Саныч, поправив очки.

– А давайте отметим нашу встречу по-настоящему! – предложил Виталий, у которого, как всегда, все оказалось с собой.

– Ах! – всплеснула руками Тая. – А я и не догадалась. – И принялась быстро помогать Виталию накрывать на стол. – Саша, тарелки из шкафа достань, – попросила она мужа, – и вилки там посмотри, ну хоть ложки, – извинительно взглянув на Виталия покраснела она.

– Ничего-ничего, все сгодится, – одобрил Виталий.

– Как же вы тут оказались, вдвоем? – опомнился Сан Саныч, взглянув на Виталия.

– Олег тут уже несколько месяцев живет. Сначала здесь Наталья его на сохранении лежала. Угадай, за кого она замуж вышла? – спросил Виталий.

– За Олега... За тебя, – стал гадать Сан Саныч, насмешив их.

– Ты не догадлив. За Сергея Ивановича Петрова, нашего доктора.

– У-у-у! – удивился Сан Саныч.

– Ну что ж к столу, дамы и господа! – пригласил Виталий. – Таечка, вы чудо! – похвалил он хозяйку. – Первый тост за хозяйку!

– Все как в прежние времена, – сказал Сан Саныч.

– Только жаль, женщин у нас тогда не было, тем более таких милых! – поддержал Олег.

– Зато были Виктор, Константин, Иван... Что сейчас с ними? – поинтересовался Сан Саныч.

Выпили. Закусили. Налили еще. На душе потеплело.

– Константин косметический салон открыл. Я его в налоговой как-то видел. Назвал, кстати, свой салон «Идеал».

– Ну, на него похоже. И что, процветает?

– Не знаю. Я по таким местам не хожу. Я, знаешь, больше спорт уважаю. Виктор пропал куда-то. Но из тех, кого я встречал, ты, Сан Саныч, первый женился. И дай вам бог, как говорится, семейного счастья! За это стоит выпить, – предложил Виталий.

Никто не отказался.

Олегу pilось легко, вспомнилось, что где-то совсем рядом находится Эмма, захотелось ей позвонить и услышать ее голос.

За столом говорили, но Олег слушал в пол-уха.

– Ты, кстати, капсулу еще не удалил? – спросил Сан Саныча Виталий. – Олег уже. А я завтра собираюсь. Пойдемте завтра в клинику, может быть, профессора увидим, – предложил он.

– Да вроде мне капсула уже и без надобности. Жену я свою нашел, – любовно глядя на Таю, сказал Сан Саныч. Она улыбалась ему в ответ. – Я с утра свободен. Пожалуй, я пойду с ними, а Тай? – спросил он жену.

– Как хочешь, – милостиво разрешила она мужу самостоятельно принять решение.

– Тая, у вас есть телефон? – решившись, спросил Олег. – Я на минутку, – сказал он, поднимаясь из-за стола. Пошел к указанному Таей окну. Сквозь стекло виден был грязноватый двор и голые ветки деревьев. Набирая номер, взглядом переключился на темную царапину в оконной эмали, сомневался и трусил, хотел уже бросить трубку, и вдруг внезапно оглох от близости Эмминого голоса.

Но счастье и мука его длилась недолго. Разговора с Эммой не получилось. Она куда-то торопилась, в интонациях ее слышалось нетерпение. Она так и привиделась ему в распахнутом пальто и не застегнутых сапогах. Нетерпение сменилось насмешкой: «Ты что, Олежек, пить начал, поздравляю!»

Олег вернулся за стол и опрокинул еще рюмку, отмахнувшись от закуски, предложенной Таей.

– Ты что Эмме звонил? Не нужно было сейчас этого делать! Ну да ладно, не бери в голову, – сказал Виталий. – Моя Элка замуж вышла за босса, я плюнул и думать забыл. – А твоя Эмма никуда не денется. У нее же один балет на уме.

– Давайте за дружбу, за мужскую дружбу! – воскликнул Сан Саныч.

– Правильно, Саныч, покажи нам пример, – поддержал Виталий. – И нечего унывать. Проблемы они у всех есть.

– Забудем, – сказал Олег, грустно улыбаясь.

– Да, как в старые, добрые времена, – сказал Сан Саныч, размалев от выпитого. – Что ты там про девушку-то говорил? – обратился он к Виталию. – Я бульварную прессу не читаю, у нас серьезный журнал – научно-информационный.

– Знаю, знаю. Все журналы обзвонил, пока тебя нашел, – сказал Виталий.

– А давайте в телефонной книге посмотрим, – предложила Тая.

– Правильно, Таечка. Все гениальное просто! – подхватил Виталий.

– Да у них здесь и родственников не осталось. В нашем городе, ты говорил, тетка жила, так она уже умерла, – засомневался Олег, взглянув на Виталия.

– Ну и что! А вдруг... – отыскивая среди папок в ящике стола справочник, сказал Сан Саныч. – Держи, Виталь, – протянул он.

– Так... Полянский... Полянская... Наугад что ли? – сказал Виталий, пододвинув телефон.

Попробовали с десятков номеров. Но Веронику Полянскую нигде не знали.

– Если Вера погибла. Спрашивай Нику, – подсказал Виталию Сан Саныч.

– Точно, – поблагодарил он кивком.

– Это квартира Полянских? – набрав очередной номер, спросил Виталий, сделав жест помолчать. – А Нику Полянскую можно?

– Кого? – разозлился мужской голос.

– Минуточку, это очень важно, – вложив все свое обаяние в голос, вкрадчиво сказал Виталий. На конце провода сердито молчали.

– Почему Вы ищете ее здесь? – раздался недовольный «чиновничий» голос. – И вообще, кто вы? Вы из милиции? Как вообще вы на меня вышли? – посыпались вопросы. – Я за границей живу и к делам Губермана не имею никакого отношения. И ничего о них не знаю, – каркал мужчина, тяжело дыша от возмущения.

– Нет, я не из милиции. Я знакомый Веры. Мне необходимо кое-что передать Нике.

На минуту стало тихо. «Чиновник» осмысливал услышанное.

– Что именно? – зло ухнула трубка.

– Медальон.

На том конце провода то ли каркнули, то ли кашлянули, поперхнувшись, и стукнули трубкой. Виталию показалось, что связь прервалась. Но трубку взяли вновь.

– Записывайте адрес, – продиктовал сердитый мужчина в трубку то, что им было надо. – Только вчера она звонила из Ялты, просит помощи. Там Губерман. А чем я могу ей помочь? Завтра мне надо быть в Стокгольме. А вы, я чув-

ствую, ее друг... – голос мужчины стал жалким. Он заговорил скороговоркой, что-то прося, торопясь, как бы оправдывая себя, потом, опомнившись, закончил с металлом в голосе: – Запомните, я вам ничего не говорил! – поспешил закруглиться он.

– Простите, чем она там занимается, где работает? – все-таки вставил вопрос Виталий.

– Певицей в каком-то ресторане. Больше мне вам сказать нечего, – Трубка заныла гудками.

– Вот так, – сказал Виталий, вздохнув, – И поговори с таким! Молодец, Таечка, что бы мы без тебя делали? Олег, запиши на всякий случай телефон этого Полянского в мою книжку.

Олег кивнул.

– Просто повезло! Произошло одно из тех совпадений, которые редко случаются в жизни, – сказал Сан Саныч. – Ты везунчик, Виталий!

– Я знаю, – согласился он. Я – не я буду, если эту Нику не найду, – сказал он.

– «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой», – продекламировал Олег так часто повторяемую Сан Санычем в клинике фразу.

– Вот именно! – блеснув глазами, звонко воскликнул Сан Саныч. И друзья поняли, что, изменив внешность, он вовсе не изменил характер. Они дружно засмеялись. Встречаясь взглядом с мужчинами, переливчато смеялась и Тая.

Адрес Губермана ничего им не дал, соседи тоже ничем помочь не смогли, хозяин уже несколько лет не показывался здесь.

– Так ведь он на родину к себе уехал, в Израиль, – сообщила им бабушка у подъезда, вот уж лет пять, как не видела его. Да, признаться, и не скучаю. Плохой он человек, скользкий, как налим. И душа у него темная. А вы кто будете? – получив ответ о том, что они знакомые Веры, его падчерицы, старушка оживилась. – Девочки-то хорошие были. Вера особенно. Здравовалась всегда. В магазин сходить или куда попрошу, никогда не отказывалась. Вот мать их – гордячка. Певица! – фыркнула старушка. – Я ведь над ними живу. Хоть уши затыкай от ихнего пения. Страх как они с Аронычем ругались, все о наследстве каком-то говорили. Она, бедная, и руки на себя наложила. Ну уж зато тихо стало, – закончила разговор бабушка.

– Так никто с тех пор не появлялся?

– Да кто ж придет? Детей родных у него нет. Девочки ему не родные были, уж поди взрослые сейчас, замуж вышли. Да и хорошо, что они с ним не остались.

– Спасибо тебе, бабушка, что просветила нас, – ласково сказал Виталий.

– Да не на чем. А вы, я вижу, люди хорошие, – не хотела расставаться с ними словоохотливая старушка.

На следующий день друзья уже сидели в поезде «Москва-Симферополь» и торопили время. Правда, время торопил только Виталий, внешне это никак не выражая.

Мягко стучали колеса. Друзья, привалившись к светлой обивке вагона негромко беседовали, поглядывая в окно. Монотонное движение успокаивало.

Разговор между ними шел обычный, понемногу касались то того, то другого.

– Зачем ты удалил капсулу? Вдруг бы она еще пригодилась? – спросил Олег. Он мог иногда задать неожиданный вопрос в лоб.

– Да она мне и не была нужна, я всегда надеялся только на себя, – скривил губы в мимолетной гримасе Виталий. – Вот на это, – показал он ладони. – И на это, – коснулся головы.

– Как ты думаешь, эксперимент принес хоть какую-нибудь пользу? – снова спросил Олег.

– Единственно, в чем я еще больше убедился, это то, что наше счастье целиком в наших руках.

Олег помолчал, кивая в знак согласия. Мимо проплывала пятнистая от проталин насыпь. Весна в этот год запаздывала. И оттепели сменялись похолоданиями.

– Я думаю, все же для кое-кого польза есть. Сан Саныч нашел свою судьбу. Ты тоже... – сказал Виталий, разглядывая из-за шторок проплывающие мимо столбы, серую гальку насыпи.

– ...и потерял, – продолжил Олег.

– Неважно... Это ты сам виноват, – упрекнул он друга. – А я не нашел и не знаю даже где искать, – грустно усмехнулся Виталий. – Вот тебе и весь эксперимент.

– А Ника?

– Вера? Ника? Кто знает, кем она вообще окажется. Вдруг она проститутка уличная. В жизни никогда не бывает так, как хочется. Это я уж точно знаю, да и ты тоже, – сказал Виталий.

– И что это изменит?

– Да ничего!

– Ты сегодня пессимистично настроен.

– Почему же. Я жив, здоров, весел, еду на юг. Отдам медальон этой Нике и все. Остальное – не мое дело.

– Как не твое дело? А Губерман?

– Ну и Губермана прикончу, даст Бог. Его рожа уже снится мне.

Помолчали.

– Я вот с твоей Эммой поговорил, и кое-что про нее понял. И про себя. Она интересна мне была, как человек.

– Что же ты понял? – в волнении растерял слова Олег.

– Непростая она баба, сразу раскусила меня... Поняла, что мы с тобой из одного города. Клеймо что ль на нас? Мне показалось... она рада была спихнуть тебя на меня. Чем-то ты ее достал. А вообще-то мы говорили о балете. Я теперь с любой, о чем хочешь говорить могу. И знаешь, раньше, до эксперимента, для меня все бабы были, ну, как самки... А

теперь, замечать стал, они тоже – человеки.

– Мудрец! – неопределенно похвалил Олег.

Вечером, Виталий курил в тамбуре с длинноногой молоденькой девушкой, проверяя на практике, какие они такие женщины-чело­веки. Они о чем-то увлеченно беседовали, и он уже привычно стряхивал с ее плечика невидимые пылинки.

В то время Олег лежал на полке и мучился воспомина­ниями. Горели неяркие лампы в потолке. За окном неслась темнота, изредка расчерченная огнями. Олегу надоело гля­деть в перфорированный белый потолок, и он закрыл глаза.

В поезде, как всегда неожиданно, откуда-то издалека к нему стало возвращаться вдохновение. Будто оно питалось болью. Возникали фантазийные замыслы новых картин. И он в полутьме набрасывал карандашом в блокноте легкие линии, которым, может быть, никогда не стать настоящими картинами. Поезд мерно стучал. Слепили редкие полуноч­ные огни. Неровно мелькали в мозгу мысли. В такт его мыс­лям поезд замедлил ход – впереди какая-то станция.

«А вдруг она влюбится в кого-то?» – шевельнулась рев­нивая мысль. Опять привиделась улыбающаяся Эмма, легко са­дящаяся в машину к чужому мужчине.

И откуда такое виденье? Но оно никак не давало ему по­коя.

Олег не спал всю ночь. Грезил с закрытыми глазами, пока не начало светать. С рассветом только ненадолго забылся.

Под стук колес поезда, под монотонные дорожные разговоры и мигание семафоров зрела в нем новая творческая жизнь, освещенная светом, под названием «Эмма».

Рассвело незаметно.

– Я фотографию из медальона скопировал. Посмотри, – сказал Виталий. – Ведь это и есть та самая Ника, которую мы ищем, а вовсе не погибшая Вера, как мы думали раньше, – показал он утром фотографию. – По ней и будем искать.

– А вчерашняя девушка?

– А-а, просто избавил ее от скуки, – поделился Виталий.

– Джентельмен, – усмехнулся Олег. – А мне опять сегодня Эмма снилась. Будто она рядом.

– Когда любишь человека, он всегда рядом, – сказал Виталий.

– Откуда ты знаешь?

– Я что, по-твоему никогда не любил? – усмехнулся Виталий.

Олег замолчал, погрузившись в себя. Сегодня Эмма ему снилась такой, какой она никогда не была с ним. Ласковой и нежной, какой-то самоотреченной. В жизни она считала секс напрасной тратой энергии, а во сне обнимала его двумя руками, и не хотела отпускать.

Глава 9

Ялта неожиданно встретила их снегом. Он не ко времени в большом количестве выпал на город. Снег все шел, и шел, пугая непривычных к холоду южан. «Снег – это очищение, –

подумал Олег. – Паче снега убелюся,» – вспомнилось ему строки псалма, так любимого Виктором.

Было странно с заснеженной мостовой смотреть на купающихся в открытом бассейне людей. От бассейна шел пар, и было ощущение, что вода в нем кипит вместе с людьми. Олегу стало жалко тающих от тепла воды снежинок.

Аккуратная стриженная зелень, присыпанная снегом, темное море, робко плещущее о берег, корабли у причала, все, казалось, впало в холодное забытие. Только шумные иностранцы на набережной нарушали тишину.

Адрес, продиктованный Полянским, привел их к двухэтажному старому домику. Пришлось прежде поплутать по лабиринтам улочек, сбегавших с горок, прежде чем его отыскали. На их стук открыла дверь немолодая женщина. Зябко кутаясь в шаль, сказала:

– Съехала она. Куда, не сказала. Красивая такая, вся из себя фигуристая была. Но мужиков не водила. Она все время дома сидела. По ночам работала. Кем, не знаю. Их сейчас много таких развелось, – не объяснила женщина, что имеет в виду. – А мне какое дело? За квартиру она исправно платила. У меня к ней претензий не было.

– Это она? – показал Виталий женщине фотографию.

– Похожа... – замялась женщина. – Только у нашей волосы черные были. И очки темные она все время носила.

Виталий с Олегом переглянулись.

– Да точно она. Вот и родинка здесь на щеке, – показала

женщина на фотографию и продолжила: – Боялась она кого-то. Может, в какое дело нехорошее влипла. С ними это бывает.

– Кто-нибудь из родственников, знакомых ее спрашивал?

– Нет. Родственников у нее здесь нет. Мужчин тоже я не видела. Хотя постойте, вчера ведь вечером старичок приходил. Вежливый такой, обходительный, – улыбнулась женщина. – Он еще очень огорчился, что не застал. Он работу какую-то ей хотел предложить, спрашивал, где ее найти. А я бы и рада ему помочь, да адреса не знаю.

– Вы ему что-нибудь сказали о цвете ее волос?

– Не-ет... – с сомнением в голосе сказала женщина. – Вроде нет. Да он и не спрашивал об этом. Какая ему разница? – с недоумением посмотрела она на них.

– Да, правильно, – кивнул Виталий.

– Нам нужно обойти все ночные заведения. Может быть, еще успеем, – сказал Виталий, выйдя со двора.

– Вряд ли найти ее будет легко, – засомневался Олег.

И действительно, за три дня они прошли уже с десятков заведений, но никто не знал Нику, старика Губермана тоже нигде не было видно. Олег заставил Виталия в целях конспирации надеть темные очки.

– Хорошо, что ты усы отрастил, так меньше узнаваем. Все-таки с убийцей придется дело иметь. Вдруг он и на тебя уже охотится. Ты на него, а он – на тебя, – сказал Олег.

– Испугался, – усмехнулся Виталий, но очки все же надел.

Только на третий день им повезло. Это кафе было третьим в этот день, и, по-видимому, последним. Стрелка на освещенном циферблате часов Виталия махнула за одиннадцать. Табличка гласила: спецобслуживание. Швейцар не хотел пускать их. Но Виталий сумел уговорить его с помощью нескольких купюр.

Все места были заняты. Администратор с непроницаемым лицом провел их к служебному столику, без всякой сервировки. Но зато отсюда хорошо был виден весь зал и сценическая площадка сбоку. На ней в красном и сиреневом свете софитов переливались иллюминацией блестящие сердца. На фоне их несколько почти раздетых девушек из кордебалета выделявали нехитрые па. После настоящего балета, это зрелище было жалким, хотя публике нравилось.

Было очевидно, что это не самое лучшее место в городе. Публика была пестрой, но не особенно изысканной. Редкие дамы по случаю непривычного холода кутались в сомнительные меха. Преобладали мужчины не первой молодости. Но стариков не было. Кто и что здесь отмечал, было непонятно.

Публика гудела, пытаясь перекричать музыку. Сигаретный дым сквозь приоткрытые двери проникал в зал. Смешанный запах возбужденных тел и духов, витал в воздухе. Кондиционеры работали плохо. И заведение явно не стоило денег, заплаченных Виталием.

– Неужели опять зря, – проговорил Олег. – Может, у администратора спросить.

– Подождем, – с сомнением взглянув на администратора, сказал Виталий. – Не будем торопиться.

– Придется опять заказать салат, – со смешком сказал Олег, заглядывая в меню, любезно предоставленное официантом, – На всю жизнь наемся.

– Ну, если ты так хочешь... – поддержал шутку Виталий.

Было немного грустно. Их поиски закончились практически ничем. Томило радостное возбуждение толпы. Время шло, и ничего не происходило. Даже пить не хотелось. Воодушевление, помогавшее им вначале, стало понемногу испаряться. Стрелки приближались к двенадцати.

Вдруг посетители оживились. В зале притушили свет, и сцена залилась розово-красным. Полилась нежная музыка.

– Посмотрим на певицу и уйдем, – шепнул Виталий утомленному Олегу. Он тоже уже начал приходить в отчаяние от безрезультатных поисков.

На сцену вышла певица. Мерлин Монро с черными волосами! В черном же обтягивающем платье с разрезом сбоку. На высокой груди двойной блестящей змеей лежали бусы. Черные подведенные глаза влажно блеснули из-под ресниц. Она тряхнула «слезинками» сережек, улыбнулась всем и никому в отдельности, обнажив на минуту белоснежные зубы. Весь зал заморожено следил за каждым ее движением. Она запела, и зал замер.

«Вот так Ника! – подумал Олег. – Впрочем, может, это и не она вовсе?» – невольно удивился он яркой женственности

девушки.

– Это она! – услышал он шепот Виталия.

Олег видел, как загорелись глаза у Виталия, когда он произносил эту фразу.

– Осторожней, не стори! Ты ведь, кажется, влюбился в блондинку? – пытался шутить Олег.

– Это она, – только и смог повторить Виталий.

– У этой певицы черные глаза, – пытался остудить друга Олег.

– Это контактные линзы, – отмахнулся он, пребывая в экстазе, подогреваемом волнением публики. Голос певицы лился свободно, широко, иногда вибрировал и таял до шепота, вплетаясь в щемящую мелодию фортепьяно и скрипки. Песня была, конечно, о любви. Пьяный шум стих, превращаясь в одобрителный гул.

Как не рвался Виталий, подойти к певице ему не удалось. Коренастый грузин, работающий вышибалой, никого не подпустил к ней. Пропев три песни, она ушла, сверкнув улыбкой, поблагодарив за цветы.

– Виктория! Виктория! – неслись вслед за ней восторженные возгласы: – Бис! Bravo!

– Почему Виктория? – спросил обескураженный Виталий.

– Вика, Ника? Что там написано на медальоне? Ведь первая буква непонятна? – заметил Олег. – Да, может, это сценический псевдоним!

– Нужно все спросить у нее самой, – горя глазами, про-

шептал Виталий.

– Успокойся ты. Хорошо хоть нашли твою Нику живой и здоровой.

– Да-а! – радостно ответил Виталий. – Наконец-то! – воскликнул он с чувством, выразившим гораздо больше, чем следовало бы при обычной удаче.

Он, быстро нацарапав записку, решил передать через администратора конверт с медальоном.

Прошло долгих полчаса, прежде чем вежливый администратор пригласил их в комнату певицы:

– Вас просят пройти.

Олег и Виталий прошли вслед за администратором в темный коридор, в который выходили несколько дверей. Одна дверь вела в небольшую комнату с зарешеченным окном. По контрасту с коридором свет в ней казался ослепительным. У двери каменным изваянием застыл все тот же грузин.

Ника сидела в непроницаемо черных очках, завернувшись в красивый халат, и курила. Сейчас это была совсем другая женщина, чем та, которой они восхищались полчаса назад. Поддрагивающие ноздри, нервно сжатые губы, время от времени выпускающие дым выдавали волнение. Она молчала. Рука с сигаретой, невольно соскользнув с обтянутого шелком колена, тоже чуть заметно дрожала. В бледности лица, во всем облике певицы сквозила беззащитность, делающая ее еще более женственной, чем казалось со сцены.

– Кто вы? – холодно спросила она. Голос полностью соот-

ветствовал ее внешности, и был также завораживающе красив в разговоре, как и в пении. – Что вам от меня надо?

Когда вдохновленный Виталий стал рассказывать свою историю, Ника вся превратилась в слух. Услышав имя сестры, она побледнела еще больше, поднеся пальцы к вискам. Лицо ее исказила гримаса боли. Виталий инстинктивно протянул руку, порываясь утешить ее.

– Нет, ничего... Говорите, – остановила она его порыв, сделав жест продолжать. Она сняла очки, и уронив лицо на руки, больше не сказала не слова.

Когда Виталий закончил, Ника все еще сидела неподвижно, пальцы ее были мокры от слез.

– Простите, я сделал вам больно, – извинился Виталий. На его лице, как в зеркале, отразилась ее боль.

– Нет. Это не вы, – вздыхая, сказала она.

Было тяжело от чужих страданий. Из-за запаха роз и каких-то еще цветов, сваленных в беспорядке на столике, было трудно дышать.

Немного успокоившись, она достала платок и стала приводить себя в порядок. Когда подняла глаза, припухшие от слез и покрасневшие, они увидели, что они у нее нежно-голубого цвета.

– Вы – Ника, – утвердительно сказал Виталий.

– Я Ника, – согласилась она. Сходство с Мерлин Монро было весьма отдаленным. На изящном красивом лице трогательно светились несколько веснушек.

– Спасибо вам,– протянула она руки сначала Виталию, потом Олегу. – Я очень благодарна вам. Я должна была это знать. – Первоначальная холодность растопилась без остатка. В глазах ее светилось доверие.

Ника еще некоторое время расспрашивала их обо всем, что они могли знать, и Виталий с готовностью выложил ей всю информацию, предлагая свою помощь. Невольно сделал несколько порывистых движений в ее сторону, чем вывел из себя грузина.

Он моментально оказался рядом, враждебно сверкнув глазами.

– Ничего, Гиви, это друзья,– объяснила она. – Ты можешь идти.

Он с недоверием потоптался у двери. Спустя минуту, осторожно закрыл ее за собой.

К удивлению мужчин, Ника достала из кармана халата еще один медальон. И положила рядом с первым.

– Это настоящий? – спросил Виталий, любуясь блеском камня.

– Нет. Незадолго до своей смерти нам дала эти медальоны мама и велела не снимать их. В моем была Верина фотография, а в Верином – моя. Я всегда считала, что настоящий медальон у Веры, ведь мама была с ней более откровенна. Как же я была несправедлива к ней... – запоздало раскаялась она. – Оказывается, мама любила нас одинаково. Теперь-то я понимаю, как ошибалась, – вздохнула Ника, помолчав. –

Когда я узнала, что Веру убили, я была уверена, что это из-за медальона.

– Да так оно и было. А увидев, что медальон поддельный – убийца выбросил его, – предположил Олег.

– Или Вера сама отбросила медальон в сторону, не хотела, чтоб он достался Губерману, – подумав, сказала Ника.

– А что значат эти цифры и буквы на медальонах? – спросил Виталий.

– Я думала об этом, но ничего не могла придумать, – сказала Ника.

– Если на Верином медальоне написано: Ника, почему на Вашем не написано: Вера? А какие-то три буквы А М Е? – раздумывал вслух Олег.

– Не знаю, – подумала о своем Ника. – Почему она погибла? Как он мог ее убить? Может быть Губерман, зная, что у мамы с Верой были лучше отношения, чем со мной, тоже предположил, что ей достался подлинный медальон. А может быть, Вере и правда была известна какая-то семейная тайна. Но если бы он узнал эту тайну, он бы не преследовал меня, ведь так?

– Конечно. Вряд ли ваша сестра что-то ему сказала, – проговорил Виталий, напомнив тем самым, что он был свидетелем смерти девушки.

– Да она бы никогда этого не сделала, скорее бы умерла, – воскликнула Ника и тут же опомнилась, досадуя на себя. – Ой, что же я говорю. – В небесных глазах ее снова блеснула

слеза.

– Не казните себя, вы не в чем не виноваты, – сказал Олег, желая утешить женщину.

– Она звонила мне накануне своей смерти, просила приехать, предостерегала. Но я тогда ее не послушала. А теперь Губерман здесь. Я почти каждый день встречаю его на улице. Он пока меня, к счастью, не узнает.

– Он недавно был у вас на квартире, – сказал Олег.

– Ах! – испугалась она. – Я почти неделю, как переехала к Гиви. Он запрещает мне работать, а мне так нужны деньги, чтобы уехать куда-нибудь.

– Вы надеетесь от него спрятаться? – спросил Олег.

– Я думала обратиться к своему дяде в Москве, – сказала она.

–286-07-24? – спросил Виталий.

– Да. А откуда вы знаете?

– А как, выдумаете, мы узнали ваш адрес? – вопросом на вопрос ответил Виталий.

– Минуточку, – посмотрите-ка, – переложил местами медальоны Олег, прервав их беседу: – Если по порядку – Вероника, – процитировал он, – Смотрите, что получается?

– А М Е – Р И К А! – воскликнула Ника. – Ну конечно, Америка. Вера тоже мне говорила, что надо ехать в Америку, я еще подумала тогда: «На что я поеду. Мне едва на жизнь денег хватает.»... – покачала она головой. – Как же я-то об этом не догадалась?

– Что могут означать эти цифры и точки? – заинтересовался Олег.

– Может быть, номер штата, почтового отделения, сейфа, наконец? – перечисляла Ника.

– Деньги на дорогу я найду, – сказал Виталий. – У меня есть кое-какие сбережения от моего бизнеса. Я просто считаю это своим долгом. Я сегодня же пошлю телеграмму своему напарнику, – прижав руки к груди, обещал он, – положите на меня и поверьте: теперь все ваши беды в прошлом! – обещал Виталий. Он был искренен, и это извиняло его пафос.

Олег почувствовал себя лишним, никому не нужным. Как часто это бывало в последние дни и в родном городе, и в Москве.

Делать в Ялте Олегу было больше нечего.

Глава 10

Вернувшись с влюбленными в Москву, Олег решил зайти для прощанья к Петру Моисеевичу, в тайне надеясь застать там Эмму.

– Вот хорошо, что вернулся. Я думал, ты совсем уехал. У меня к тебе предложение, – обрадовался Петр Моисеевич.

Оказалось, что через знакомого реставратора антиквар Антон Иванович пригласил Олега для работы в одном из подмосковных храмов. Олег согласился, хотя с Эммой за все время ему встретиться так и не удалось. Спустя несколько

месяцев, закончив работу в Подмоскowie, Олег уехал в свой город, где стал работать у Виктора в храме.

Зная со слов Олега о его отношениях с Эммой, Виктор советовал:

– Напиши ей.

– Она не ответит, – отвечал с грустью Олег.

– Ну и пусть не ответит, а ты все равно пиши.

И Олег стал писать письма, которые, как он подозревал, в отсутствие Эммы копились в ее почтовом ящике.

– А как твой сын? – спрашивал он Виктора.

– Трудно. Он не очень мне верит. Боится. Моя жизнь его не устраивает, в Бога он пока не верит. И все же я думаю забрать его из детского дома. Скоро ему исполнится четырнадцать. Будет работать со мной и учиться.

– С документами у тебя теперь все в порядке? – спросил Олег.

– Да. Отец Николай и Андрей Степанович помогли. Некоторые формальности остались с детским домом. Но главное, чтобы Артем согласился.

Олег поселился в монастыре. Вскоре в работе ему стал помогать смиренный, похожий на отца, Артем – сын Виктора. Снова появилась в жизни Олега Наталья – его ангел-хранитель. И он вновь стал писать картины. Но что бы он ни делал, он не мог забыть Эмму.

Исподволь Наталья готовила Олега к новой выставке. И для него и для нее – это был выход из депрессии.

Олега подгонял успех Эммы за границей и ее упорное молчание на его письма и телеграммы. Артем-сын Виктора неожиданно для всех увлекся художественным творчеством. Работая помощником Олега, он освоил технику живописи, научился композиции и правильному световосприятию. Олег и Артем взаимодополняли друг друга, а Виктор оберегал их с помощью молитв.

Успех, как всегда, пришел неожиданно. По поговорке: «Все дороги ведут в Рим». В Риме состоялась большая выставка православной живописи, в которой участвовал и Олег. Эмма неожиданно посетила ее. Там они и встретились. Там, в Риме, их сразу стали воспринимать, как пару, восхищались ими, расступались перед ними, боясь нарушить их «тет-а-тет». Олег держал послушную узкую руку Эммы в своей. Эмма не смеялась, а смотрела на художника большими прозрачными глазами, в которых было бесконечное удивление, будто видела его впервые. Больше он ее не отпустил. Через месяц после того они обвенчались у Виктора в храме в кругу самых близких людей. Все произошло так быстро, что они сами с трудом верили случившемуся. Просто стало понятно обоим, что он и она – это две половинки одного целого, два сияния, которые вместе образуют солнце.

Олег узнал, наконец, счастье взаимной любви, впервые увидел на губах любимой разбухшую утренним лучом счастливую улыбку. Им не было дано судьбой, как другим молодоженам, даже медового месяца, Эмме нужно бы-

ло опять уезжать, но впереди у них было вечное ожидание и много счастливых встреч.

Глава 11

Прошлое и настоящее связано тонкими нитями, но и в настоящем и в прошлом главное – работа и любовь. Для него и для нее это практически одно и то же. Если бы встал вопрос выбора, что выбрал бы Олег? Что выбрала бы Эмма?

За окном сгустилась ночь. Было так тихо, что можно было услышать биение собственного сердца. Почему оно так тревожно бьется? Что-то с Эммой? Вдруг в эти минуты что-то случилось? Извержение вулкана, пожар, похищение... Всегда он мучается, когда ее нет рядом.

Все хорошо, успокаивает он себя. Их жизнь состоялась, он скоро будет отцом. Но тревога все равно не покидает его. Тревога эта перекликалась с мыслями о картине, которые также всегда с ним, с эмоциями сегодняшнего дня. Чаща, в которой он бродил, в которой еще бродят многие люди... Профессор Сидоров, в одиночку борющийся со злом, верящий в идеального человека. Можно ли в него верить? Сам он, Олег, идеальный ли? Хорошо хоть Наталья счастлива. Ребенок у нее будет. Первый ребенок у нее тогда умер, едва родившись... Почему-то она запнулась, когда говорила об этом? Когда же у нее родился? В марте, когда Олег с Виталием были в Ялте или в Москве. Точно в марте. Даже если он был семимесячным, он ведь жил сколько-то, Эмма гово-

рила, он не очень слушал ее тогда – Наталья ей рассказывала. А статьи о каком-то ребенке в газете? Его осенила вдруг запоздалая догадка: ведь это мог быть ЕГО ребенок! Какой же он дурак! А она? Почему она молчала? О, жизнь людская – чаща, грехи людские – пни, коряги и болота бездонные.

Он понял вдруг, как это изобразить. Бурелом. Он медведем пролез и все переломал. Тонкие нежные веточки, сохнувшие листочки. Это дети. Его дети, которые могли бы жить. От Танечки.. От Натальи.. Забыв обо всем, проработал в мастерской три часа без перерыва. Казалось, прошел лишь миг. Устал... Сжался в кровати, оглохший от ударов собственного сердца. Мешая уснуть, не давая отдыха, снова всплыла та же мысль.

Кто? Кто был у Натальи? Мальчик? Девочка?

И точно ли это его ребенок? Хотелось бежать, звонить ей среди ночи. "Эмма!!!" – вспыхнуло молнией в мозгу. Все его тревоги были так или иначе связаны с ней.

Олег включил ночник на тумбочке – комната осветилась приятным зеленоватым светом, лихорадочно вскочил. Одежда сползло на пол.

Часы показывали три часа пятнадцать минут. Значит в Париже час. Возможно, она еще не спит. Стал, путаясь, набирать номер.

– Эмма! – крикнул он в трубку, едва дождавшись соединения. В который раз пожалел, что снова не берет видео. Хотелось видеть ее глаза. Хотелось, чтоб она видела его глаза.

– Олег. Я не спала. Я тоже думала, – торопясь заговорила она. – Я решилась (ты не представляешь, чего стоило мне это решение!) Я еду домой!

– Правильно. Я хотел просить тебя об этом.

– Я собиралась позвонить, но думала: ты спишь. У тебя уже ночь.

– Я люблю тебя, Эмма. Ты знаешь, как я тебя люблю! – от волнения рвал он фразу на части, но она была такой энергетически сильной, что снова сливалась в монолит, и прорывая все преграды, врывалась в Парижский номер Эммы. – Я буду за вас молиться. За тебя и ребенка, – задохнувшись на взлете, замер голос Олега.

– Я тоже тебя люблю, – задрожал голос Эммы в трубке. – Жди нас послезавтра. Если все будет нормально, с билетами и со всем... Я тебе перезвоню. Слышишь, все будет хорошо, – сказала она в трубку.

– Все будет хорошо, – эхом повторил он, успокаиваясь от ее голоса.

– Спокойной ночи, – желала Эмма.

– Спокойной ночи, любимая, – сказал Олег. – Целую тебя.

И жду.

Будто гора свалилась с плеч. Эта нервная встряска измотала его, отняла силы, но обострила мысли. Он пошел в мастерскую. То, что не получалось с вечера, сейчас ожило под первым движением карандаша. Еще несколько штрихов для будущей картины. Вот так! Вот так! Молодец, Олег! – похва-

лил он себя.

Быстро прыгал по холсту карандаш и снимал невидимую паутину ластик. Олег уже многое видел в цвете, и тут же воплощал, боясь упустить момент. Еще миг и на смену вдохновению придет отточенное с годами мастерство...

Он безумно устал, болела голова. Напился в кухне воды из-под крана и, не замечая времени, провалился в сон.

За окном пробивались сквозь тьму предутренние сумерки. Подморозило. Над карнизом нависли сосульки. На пустую кормушку сел воробей, и вытянув шейку, заглянул в окно, убедившись: "Жив?" – "Жив!"

Проснулся Олег поздно, отдохнувшим, но с теми же мыслями, и сразу позвонил Наталье на работу. Трубку долго не брали. Наконец, сотрудница музея побежала разыскивать Наталью.

– Мне встретиться с тобой нужно, – сказал Олег, едва она подошла к трубке.

– Опять? Мы же только вчера с тобой встречались, – рассмеялась Наталья. – А впрочем, я рада. До вечера я занята на работе. У нас идет ремонт. Закрываем белый зал. А что за срочность, ты слишком возбужден? Или что-нибудь случилось? – переспросила она. – С Эммой все в порядке?

– С Эммой все хорошо Она послезавтра приедет.

– Уже послезавтра? – удивилась Наталья.

– Да. Но мне просто необходимо тебя увидеть, – настаивал он.

– Поздно, Олежек, я другому отдана и буду век ему верна.

– Наталья, ты же знаешь, что я не о том. Может, приедешь, посмотришь, что я натворил.

– Хорошо, – подумала она. – Послезавтра вечером с Сергеем заедем. С Эммой давно не виделись.

– Мне надо с тобой лично поговорить без Эммы и Сергея. Это касается только тебя и меня.

– И что же это такое, что касается только тебя и меня? – шутливо спросила Наталья. – Ты меня заинтриговал.

– Можно я тебе перезвоню попозже? К концу дня, – не принимая шутливого тона Натальи, спросил он.

– Ну перезвони, – озадачилась она.

– Пока. Не буду тебя отрывать от работы.

Жизнь шла своим чередом. По телевизору шел очередной мистический сериал. В новостях говорили о новом Уголовном кодексе. Выходили газеты с сенсациями и описаниями катастроф. Наверняка кто-то написал и об Эмме, ее выступлении в Париже.

Стали поступать телеграммы, сообщения, поздравляющие Олега с ее успехом. На ее адрес поступали приглашения, отзывы поклонников, фотографии и видео молодых красивых мужчин. Они всегда раздражали Олега. А Эмма назло ему с удовольствием просматривала их.

Своих поклонниц Олег не любил. Большинство из них мало разбирались в живописи. Но если бы их не было, пожалуй, было бы пусто, и иногда в минуты грусти, он садился за

компьютер и читал-таки их письма. Тогда ревновала Эмма.

Но сегодня ему не до писем. Он не находил себе места, еле дождавшись до вечера. До окончания Натальей работы было еще три часа. Олег решил последовать совету мамы. Сел в машину и поехал в город к Виктору.

Сегодня дорога была хуже, чем вчера, ее будто посыпали битым стеклом. Непредсказуемая смена оттепелей и заморозков нервировала владельцев машин и пешеходов.

Серые сумерки напоздали со всех сторон и окутывали лес, только белые стволы берез молочной белизной выделялись в неприглядной тьме. Фонарей в этой глуши не было, но машина легко справлялась со всеми неприятностями бездорожья. Олег свернул к трассе. Ближе к городу автомобильный поток значительно увеличился, пришлось быть внимательней.

Город встретил огнями и суетой. Множество машин и пешеходов выплыли на улицы. Из-за городской морозной слякоти или из-за надвигающегося выходного по случаю восьмого марта на перекрестках часто попадались автоинспекторы, призванные помочь в предотвращении автомобильных пробок. Но и они не могли справиться большим потоком машин.

Водители, замученные постоянными нововведениями в дорожные правила, увеличением количества знаков на дорогах, путались, тормозя и сигналижая пешеходам, которые вовсе не собирались вникать в сложности вождения и торопились

по своим делам.

Вскоре Олег свернул с оживленных городских улиц и направил машину к белоснежному зданию храма. Здесь была особая торжественная тишина. В храме шла вечерняя служба. Никто никуда не спешил. Горели свечи. И Олег, войдя, впервые увидел не свечи и позолоту окладов, а свет, исходящий от образов и одухотворенных лиц молящихся. Почувствовал себя маленьким и никчемным перед величием Бога. Голос священника проник в душу, стали понятны слова молитв. Глаза сами собой наполнились слезами.

Только немного прозрев, человек понимает, как много еще скрыто от его глаз. Не часто так близко к человеку бывает Бог. Не часто человек сам приближается к Богу. Сегодня у Олега был один из таких редких моментов. Сегодня Олег знал, что его молитвы будут услышаны.

Вся служба в храме была будто для него одного. Мысленно он открывал Богу свои грехи и сомнения, страхи и мольбы.

Со страхом вступил он в храм, чтобы в который раз уж попать свою гордыню. После службы, уже очищенный молитвой, он все же решил исповедаться отцу Николаю.

– Страхи твои напрасны, – сказал священник. – Бог тебе открыл твои грехи даже без твоей просьбы. Это Благодать Божия. Мы, священники, об этом много молимся, и то не всегда это быстро дается, – задумался он. – На тебе исполняется особое Божье промышление. И ответственность это

на тебя накладывает определенную. Женщины тебя простили. Молись о младенцах невинных, некрещенных. И матери пусть о них молятся. В домашней молитве о них поминай ежедневно. А о ребенке в чреве жены твоей не бойся. Все с ним хорошо будет. Бог тебя своей волею водит, вот сегодня и в храм привел,— улыбался ему по-отечески священник. — Причастие нужно принять, тебе и жене твоей. Вот, когда приедет, подготовьтесь и приходите вместе.

— Хорошо, батюшка, — согласился в смирении Олег и с благоговением поцеловал у священника руку.

Глава 12

Виктор нес послушание на кухне. Оставив напарника чистить картошку, он вышел на минуту, вытирая потемневшие от крахмала руки полотенцем. Он был все такой же, как и пять лет назад, когда они познакомились в клинике, будто бы совсем не менялся с годами. Осветил по-детски чистой улыбкой. Выслушав Олега, обещал молиться за Эмму с ребенком.

Всегда приходил к нему Олег со смятенной и терзаемой сомнениями душой и находил у него успокоение и поддержку. Виктор поражал Олега своей уверенностью и спокойствием, тем, что бесстрашно смотрит в будущее. Потом, познакомившись поближе с монашеской жизнью, Олег понял, что эти черты свойственны всем глубоко верующим людям. Вдумчивый и пронзительный взгляд Виктора, так поразив-

ший Олега в начале знакомства, нес лишь любовь и доброту. Но и сейчас Олегу казалось, что Виктор видит больше, чем обычный человек.

– Помнишь, я еще три года назад вам ребеночка предрекал. Так вот, теперь я знаю, сын у тебя будет, не сомневайся!

– Приезжайте к нам в выходной с Артемом. Эмма уже дома будет

– Приедем. Артем теперь тоже знаменитость. Третье место на детской художественной выставке, – похвастался Виктор успехами сына.

– Да, он звонил мне, – сказал Олег.

– Спасибо тебе за него, – поклонился Виктор. – Благодаря тебе он в художественном училище не на последнем счету.

– На все воля Божия, – сказал Олег.

– На все воля Божия, – согласился Виктор.

Из храма Олег сразу поехал к Наталье. Улицы уже немного опустели. Суеты не наблюдалось. А в душе Олега поселилось волнение. Оно помешало ему позвонить Наталье.

Сияли витрины магазинов, двойной ряд уличных фонарей. Ветерок, пропахший городом, забирался в салон. Машина скользила по подтаявшей кашнице из снега и соли мимо домов его знакомых и друзей, просто известных ему людей. С возрастом все и всё в небольшом городе становятся знакомыми: и дома, и улицы, и каждое дерево. Там среди дворов затерялся его родной дворик и пятиэтажка, где сейчас живет его мама. Только к ней он сегодня не поедет. Вот ведь как

получилось, думал он, мама всегда считала Наталью роковой женщиной, приносящей несчастья, а получилось, что несчастье принес ей он.

Наталья жила в квартире, доставшейся ей от матери. Услышав его голос по домофону, она обрадовалась. В подъезде вкусно пахло чем-то жареным. Не дожидаясь лифта, Олег пошел пешком – всего-то третий этаж.

Увидев Наталью в домашнем фартучке, хлопочущей на кухне, подумал, что опять мама была неправа. Из Натальи вышла хорошая жена и хозяйка.

– Ну Олег, – удивилась она, увидев его. – Что-то тебе не терпится! Проходи, садись, сейчас ужинать будем. У нас с Сергеем сегодня праздник по случаю... ну в общем ты знаешь, по какому случаю, – улыбнулась она. – А также по случаю успешного окончания очередного эксперимента, – раздался ее голос с кухни. – Кажется скоро здешняя клиника перейдет целиком к Сергею. И надеюсь, когда-нибудь я стану женой профессора, – рассмеялась она. – Мой руки, Олег, я буду кормить тебя рыбой в кляре, а Сергею попозже пожарю мясо. Картошка у меня уже готова. – Наталья успевала хлопотать на кухне и заглядывать к нему.

В комнате было прибрано и только что проветрено, или работал кондиционер, не видимый из-за задвинутых штор. Торшер в углу равномерно освещал потолок. Горели несколько маленьких плафонов у двери. Было по-домашнему уютно.

– Про профессора Сидорова слышал? – спрашивала Наталья. – В Лондоне его очень ждут. Сергей свои материалы по последнему эксперименту тоже готовит, профессор Лассаль звонил ему из Лондона, просил об этом. А как тебе нравится эксперимент с участием женщин?

Олег что-то промычал в ответ.

– Если так дело пойдет, можно будет и смешанные группы делать! – болтала Наталья.

"Она совсем не догадывается, о чем я с ней буду говорить," – думал Олег, по-новому приглядываясь к ней.

Из стройной девушки, она превратилась в стройную женщину, с матовой, нежной кожей, мягкими линиями фигуры. Кажется, она стала лучше, чем была.

– Что ты так на меня смотришь? – спросила Наталья, расстилая скатерть.

Ничто почти в ней не напоминало ту, какой она была когда-то. Порывистую и страстную. Может быть, это и осталось в ней, даже, наверное, осталось, но не это теперь составляло ее женскую суть. Внешне она стала спокойной и более женственной.

– Ты красивая, – сказал он ей.

– Ты какой-то странный сегодня. Рассказывай, что случилось? – потребовала она. – Нет, давай сначала поедим, изменила она решение, – уловив в его глазах что-то непредсказуемое. – Наверно, ты хочешь мне сказать что-то не очень приятное, – почти уверенно сказала она в шутку – Она раскла-

дывала приборы и салфетки на столе.

Наталья принесла тарелки с дымящейся рыбой, сняла фартук и уселась напротив. Велюр кресла уютно очертил ее фигуру: оголившиеся до колен ноги в тонких чулках, бедра в бежевой юбке, блузку в крапинку простого домашнего покроя, в разрез которой виднелась ложбинка груди. Такая домашняя милая женщина.

Она удивленно следила за ним.

– Помнишь то время, когда мы любили друг друга? – неожиданно спросил он.

– Мы? – насторожилась она. – Разве ты любил меня когда-нибудь? – усмехнулась невесело. – Ну, по крайней мере, так, как мне хотелось?

– Любил, наверно. Как мог.

– Зачем ворошить прошлое? – махнула она рукой. Расправила салфетку. – Ты кушай пока не остыло, – пригласила она. – Когда-то она с легкостью могла перевести разговор на другое. Сейчас ей это тоже частично удалось. Она заговорила о том, что узнала от мужа о будущем эксперименте.

– Вкусно? – спросила она. Он кивнул.

Рыба была превосходна. Наталья действительно хорошая хозяйка, хороший друг. Только то, что между ними сейчас встало, не располагает к улыбкам.

С чем он сегодня к ней пришел? – смутно начала беспокоиться Наталья, разглядывая упрямые искорки в его глазах. За последние годы Олег стал сильнее, самостоятельней, уве-

ренной в себе, почти утратил мальчишескую мягкость. Нет, она осталась в манерах, улыбке. Но сейчас даже сквозь улыбку было видно, что скулы его напряжены. Он снова повернул разговор вспять:

– И все же ты и я пять лет назад...

– Пять лет назад... – прервала она его. – Разговор о прошлом мне не совсем приятен. Твоя клиника, смерть мамы... ты знаешь... Давай поедим спокойно, – попросила она, искоса поглядывая на него, пытаясь угадать его мысли. Когда-то ей и это удавалось.

«А разве кроме смерти матери ничего не было?» – хотелось спросить Олегу, но он только молча смотрел на нее.

– Кстати, что ты говорил об Эмме по телефону? Я звонила ей, но она уже съехала из гостиницы. Она что, решила прервать контракт? – спросила она, пытаясь сохранить беззаботность. «Кто знает, какая муха его сегодня ужалила!»

– Да, решила.

– Молодец. Ребенок ведь главное, – сказала Наталья, прислушиваясь к себе. Радость, поселившаяся в ней в связи с беременностью, напомнила о себе.

– Да. Ребенок главное, – согласился Олег, отложив вилку. И взглянув прямо в глаза Наталье, спросил тихо, почти не слышно: – Кто был у тебя: мальчик или девочка?

– А зачем ты... это... – побледнела от неожиданности Наталья. Буря чувств пронеслась у нее в душе. Вот, оказывается, зачем он пришел к ней.

Взгляд ее заметался, не находя приюта. Она не думала, что когда-нибудь этот разговор состоится.

– Это был мой ребенок? – спросил Олег, не сводя с нее глаз.

Она молчала, разом сникнув. Лицо – серая остывшая зола.

– Почему ты молчишь?

– Да.. – чуть слышно прошептала она. – Я... Ты не знаешь., – неожиданно всхлипнула она, отвернувшись. И стала жалкой, маленькой, не похожей на себя.

– Не говори ничего. Я все понимаю, – поднялся он и приласкал ее, глядя по голове, как ребенка. Плечи Натальи вздрагивали.

– Ты не понимаешь. Ты ничего не понимаешь. И не можешь понять. Это я ходила семь месяцев беременная, а не ты. Я, а не ты думала об этом ребенке день и ночь. Я, а не ты по два месяца лежала в клинике. Не ты! Не ты! – Глаза ее стали злыми. Он узнал в ней прежнюю Наталью из своей юности. Как же ей нужна была тогда его помощь!

– Прости, – смущенно замолчал он и тоже напомнил ей себя молодого... – Но я имею права знать хотя бы, кто это был: мальчик или девочка, – потребовал он тихо, но настойчиво, совсем не в характере того парня из прошлого.

Наталья подняла ставшие усталыми глаза. Да, да, конечно, кивнула головой.

– Прости и ты меня, – сказала она, немного успокоившись.

– Это был мальчик. Он прожил всего пять дней. У него были такие же светлые волосики, как у тебя, – Наталья чуть слышно вздохнула. – Сейчас бы ему было почти пять лет. – Прикрыв глаза, она вжалась в кресло.

В тишине было слышно, как зашумел на кухне чайник.

– Отчего он умер?

– Какое-то скоротечное воспаление легких. У него совсем не было иммунитета.

Все пережитое страдание опять отразилось на ее лице.

– Где ты его похоронила?

– Он умер в роддоме. Не знаю... Я была в таком состоянии. Наверно... – пыталась она сдержать лицо, но проявившиеся на лбу морщины не исчезали. – Ты мучаешь меня...

– Она готова отвечать на все вопросы. Наверно, он имеет на это право, но...

– Прости... Я должен был догадаться раньше... ты должна была мне сказать.

– Наверно... Да что теперь об этом! Я подумала, это возмездие из-за Танечки, из-за той ее беременности. Как я ей завидовала тогда. Я то забеременеть не могла, а ей сразу и мужа, и ребенка, – окунулась она в свои прошлые беды. – Ведь ты бы женился на ней?

– Ты была несправедлива к ней!

– А ты? – тихо спросила Наталья.

Все это он уже не раз обдумывал. На образ беззащитной Танечки, так мучивший его первое время после разлуки, на-

слоился образ Натальи. Вдруг вспомнились ее слезы в клинике Сидорова, и капли растаявшего инея на траве.

Но теперь-то и Танечка, и Наталья уже другие люди, и все плохое для них в прошлом...

Глаза Олега стали теплеть, лицо расправилось, отмякло. Наталья успокоено вздохнула.

– Я рад, что этот тяжелый разговор позади, – сказал Олег после паузы.

– Я тоже.

– И знаешь, все теперь будет хорошо. Я был в церкви, – он стал рассказывать, желая помочь себе и Наталье избавиться от гнета тяжелых переживаний, связавших их воедино, вдохновляя ее к покаянию и очищению. – Знаешь, если Бог нам дает детей снова, значит, он нас простил.

– Вижу воздействие Виктора. Боюсь, что мне не так легко будет договориться с Богом, как вам с Виктором, – засомневалась Наталья с чуть насмешливой улыбкой.

– Это просто необходимо, раз ты ждешь ребенка.

– Наверно, – согласилась она.

– Помнишь, когда ты пришла ко мне уговаривать меня принять участие в эксперименте? – напомнил он. – Каким я тогда был? Ты много для меня сделала.

– Ой, это было сто лет назад! – воскликнула она. Но эти воспоминания были ей приятны. – Теперь, мы будто поменялись местами. Уже ты уговариваешь меня, заблудшую, пойти в храм.

– Я не уговариваю. Может быть, я пришел просить прощения, а у меня это не очень получилось.

– Я тебя прощаю, – сказала она. – И давай пить чай!

– Давай! – согласился он.

Спустя несколько секунд Наталья появилась с чашками. Проходя мимо зеркала, улыбнулась себе, прогоняя напряжение.

– Я очень устал за эти дни, ты прости меня. Приходи смотреть картину. За два дня, вернее ночи, я, мне кажется, здорово продвинулся. Там будет тема жизни и смерти, нерожденных детей, любви и радости.

– Слушай, ты уверен, что ты эту тему свернешь? – спросила она, возвращаясь к их обычному дружескому тону.

– Постараюсь.

– Смотри шею себе не сломай. Впрочем, ты знаешь, я в тебя верю.

– Приходи обязательно, – сказал Олег, улыбнувшись. – Мне нужен твой совет.

– Приду, – длинно и ласково улыбнулась ему в ответ Наталья.

– Я так мало сделал для этого ребенка, – казнил себя Олег. – Получается, что Сергей больше сделал, чем я.

– Получается... А я, дура, боялась, что, когда ребенок вырастет, все увидят, что он не похож на отца.

– Приемные дети становятся похожи на своих родителей... И ты бы мне никогда не сказала, что это мой ребен-

нок? – спросил Олег.

– Ну ты же догадался сам, – ответила Наталья.

Они молчали. Крепкими ниточками их связывало прошлое. О том, что они все знают, они не скажут никому.

– Ну подумай, если бы все сложилось иначе, стал бы ты тем, кем стал? – задала ему вопрос Наталья, не дожидаясь ответа. – Ты полюбил Эмму, а она не любила тебя, а лишь позволяла себя любить, и то недолго. А я была рада: теперь-то ты узнаешь, что значит быть нелюбимым... – рассмеялась она легко и беззаботно. – Нужно было, чтоб в твоей жизни появилась Эмма со своей молодостью, тщеславием, неверием в твой талант и твои мужские достоинства, в которых ты никогда не сомневался...

– Да, Эмма была нужна, – согласился он.

– Ты приехал тогда из Москвы брошенный, одинокий, в сто раз несчастней, чем я – потерявшая ребенка. Но какой-то огонь горел у тебя внутри. Его зажгла Эмма.

– Как же ты меня понимала, Наташка! И как помогала всегда!

– То-то, – вернулась она к своей манере держать себя. В глазах ее невозможно было увидеть никаких следов пережитого чувства, только лицу еще не совсем вернулись краски. – Ты думал, я бесчувственная карьеристка? Или ты считал, что я всю жизнь буду любить только тебя? Та моя любовь умерла вместе с ребенком. А Сергею я очень благодарна, что он тогда поддержал меня. Я ведь всего-навсего женщина. И Эмме

твоей благодарна за московские дни. Она всегда была очень душевным человеком.

– Не по отношению ко мне.

– Ты сам был виноват. Ты, кстати, сказал ей мою новость?

– Она очень обрадовалась за тебя.

– Она молодец! – сказала Наталья.

Олег засобирався домой.

Наталья пошла за ним в прихожую.

– Ты читал, что пишут о ней газеты? Ты не читал газет? – спросила она его, удивившись. – Ты что же, медведь, там и про Сидорова также есть статейка. Подожди. Я сейчас, – собрала она с журнального столика в комнате газеты и сложила в пакет: – Почитай на досуге.

– Поеду сейчас еще поработаю, мысль одна возникла, – рассеянно сказал Олег, принимая пакет.

Он мысленно уже стал удаляться от Натальи. Но она это понимала. Его мысли шли на каком-то ином уровне только ему доступного воображения и раскрашивались в разные цвета. Он уже готов был перенести их на холст.

– Смотри, осторожней на дороге, – бросила ему вслед Наталья и присела в прихожей у зеркала, вглядываясь в свое лицо.

Растревоженное прошлое не хотело отступать. Пальцы невольно теребили широкое старинное кольцо на среднем пальце.

Кто-то должен за все ответить, сказал Олег. Разве кто-то?

И почему это должен быть ее ребенок? Как несправедлива жизнь!

Глава 13

Возвращаться памятью к тем дням ей было больно. Смерть мамы, тяжелая беременность, больницы, больницы... А потом – Олег и Эмма. Для неустоявшейся Натальиной жизни любовь Олега к Эмме была дополнительным ударом, ведь она носила его ребенка. И какие права на Олега могли быть у нелюбимой? У нее осталось только одно право – уйти.

Но, на удивление, с Эммой они подружились. Они много говорили, гуляли в больничном парке, если у Эммы было время, и Олег жутко ревновал свою подружку к Наталье. И Наталье это доставляло удовольствие, как и поначалу сознание того, что юная балерина не любит Олега. Эмма не казалась Наталье не красивой, не умной. Но, несмотря на свою взбалмошность, она была доброй. Приносила Наталье её любимые зеленые яблоки, журналы, книги и ...новости об Олеге.

Два года после потери ребенка Наталья приезжала в Москву на обследование и встречалась с подругой, если та не была в отъезде. Каждый раз врачи давали надежду на новую беременность, но она не оправдывалась.

В тот день, когда она встретилась с Антоном Ивановичем Победимцевым, Эммы в Москве не было.

Билет домой удалось купить только на ночной поезд, и она, побродив по Третьяковке, посетив храм Василия Блаженного, зашла на телеграф, отправить телеграмму мужу. В абонентской книжке Москвы отыскала адрес и телефон Победимцева А.И., и не звоня, поехала на станцию Маяковского.

Внезапно принятое это решение теперь, в поезде метро, стало казаться сомнительным. Что она ему скажет? "Здравствуйте, я ваша дочка". – Смешно! Мерно гудели колеса, шипели двери, голос, объявляющий станции, успокаивал нервы.

Только перед самой смертью мама сообщила ей об отце, раньше на вопросы дочери Мария Петровна всегда отмалчивалась или сочиняла какие-то небывлицы. Профессору теперь должно быть под восемьдесят. Есть у него дети? Внуки? Ведь он был женат.

Выйдя из метро, Наталья села в автобус, погруженная в свои мысли. "Нет, все же я должна с ним встретиться," убеждала она себя. Сладко раскинулись по московским дворикам летние душистые сумерки. Появились на улицах парочки. Припарковывались у подъездов машины. А Наталья все не решалась подняться в квартиру Победимцева. В окнах зажигались огни. И она, наконец, решилась.

Когда ей открыли дверь, она уже почти не волновалась. На пороге возник смешной, что-то жующий рыжий толстячок в длинном полосатом халате, одетом поверх рубашки и брюк.

Неужели это и есть знаменитый профессор, ее отец?

– Здравствуйте, – поздоровалась она, не зная, что говорить дальше.

Старичок порозовел со свойственной всем рыжим особенностью и слегка закашлялся.

– Вы... Мария? – выдохнул он.

– Я из... – назвала она свой город. – Меня зовут Наталья. Наталья Павлова, – сказала она, удивляясь, что он назвал ее материным именем, значит, это действительно ее отец.

– Ваша мама – Мария Павлова? – удивленно, с волнением спросил он.

– Мария Петровна. Она умерла шесть лет назад.

– Умерла... О Господи, – огорчился он. – Я знал... подозревал о вашем существовании. Меня Антон Иванович зовут, – представился он.

– Антон... Иванович? – переспросила она.

– Вы ведь – Наталья Альбертовна? – с уверенностью спросил он. – Я брат вашего отца. Да вы проходите, проходите, – засуетился он, отступая. – Простите старика, как-то все очень неожиданно. Альберт умер еще в 2000 году.

Она прошла в темную прихожую, затем по узкому коридору в комнату.

– Так случилось, что не у него, не у меня детей не было. Господи, да что же я говорю. Вы садитесь, – волновался Антон Иванович. Проведя ее в комнату, убрал он какие-то тряпки и несколько обернутых материей картин с дивана.

Наталья уселась в массивное низкое кресло.

В комнате было мрачновато, пыльно. Высокие шкафы доверху наполнены книгами. На стене висели картины, маски. Овальный стол на выгнутых ножках занимал всю комнату. Какие-то бюро, шкафчики загромождали проход.

– Сейчас я свет включу, – сказал Антон Иванович.

Оттого, что он включил свет, намного светлей не стало. Но Наталья смогла различить разностилевую старинную мебель, тяжелые тусклые подсвечники тонкой работы, картины в потрескавшихся рамках.

– У вас как в музее, – сказала она, с радостью заметив небольшой пейзаж Олега на стене.

– Я антиквар в прошлом. Это – вся моя жизнь. Не хочу ни с чем расставаться, – сказал он как-то грустно. – Вы отдохните с дороги. Сейчас чай будем пить. Я вам фотографии покажу, – опомнился он, но замешкался. – Вы очень похожи на свою маму, – присел в кресло напротив, волнуясь. – Вам должно быть сейчас лет... тридцать...? – спросил он, наморщив лоб. Сквозь редкие волосы на темени выступил пот.

– Тридцать три, – ответила она.

– Да, да, – кивнул он.

– Вы знали мою маму? – спросила Наталья заинтересованно.

– Знал, – кротко ответил он.

Какой он знал ее? Не усталой и больной, рано постаревшей и поседевшей, такой, какой ее знала Наталья, а другой.

Была ли она другой? Наталья не помнит, чтобы мама много смеялась, чаще она была озабоченной.

– Марии было двадцать девять, когда я с ней познакомился. Она была красавицей. Тонкая, образованная. А Альберт был женат... Я любил вашу маму. Что уж теперь скрывать? – замолчал он. – Да, – стукнув себя по лбу, встрепенулся он. – Я же обещал вам показать фотографии. Ну, где же у меня ключ? – стал он рыться среди бумаг и писем на столе и в карманах халата.

Наталье было жалко его. И его. И маму. Может быть, будь Антон Иванович порешительней в свое время, их жизнь сложилась бы иначе. Какие же все-таки некоторые мужчины не решительные! Неужели им нравится одиночество!

– Одинокие мужчины стареют быстро, – ответил он на ее взгляд. – Это молодым кажется, что старость не наступит никогда. И никогда не придет смерть, – запнулся он, поняв, что сказал лишнее. – Простите, – пробормотал он извинение. Он наклонился с ключом к нижнему отделу шкафа. От усилий полы его халата распахнулись, пояс развязался, обнаружив круглый, обтянутый спортивными брюками, живот. Ключ никак не попадал в скважину. – Вот! – положил он перед Натальей толстый плюшевый альбом, сел, отпыхиваясь, на диван, скрипнувший под его весом пружинами. Подхватил поясом, спрятал живот в халат.

– Здесь вся наша жизнь, – открыв альбом почти в самом начале, сказал он: – Вот Альберт с золотой медалью в шко-

ле. – показал он. На фотографии был изображен высокий улыбчивый мальчик. На другой он же – уже повзрослевший серьезный молодой человек в очках.

– Здесь он со студентами, – пояснил Антон Иванович. Наталья жадно разглядывала фотографии отца.

– Он всегда был первым, всегда мне нужно было на него равняться. Старший сын, гордость родителей! – комментировал Антон Иванович. – А я прожил всю жизнь будто в тени его успехов. И мама с папой все ему отдали. И его жена... Вот она, кстати, – указав на миловидную блондинку, рядом с братом, пояснил он. – ...Альберт любил женщин, а они любили его, – некстати вспомнил он. Наверно, если бы он не отдался целиком науке, он был бы счастлив в семейной жизни. А может быть, он и был счастлив. Его жена немного его пережила... – Вот снова они вместе, – указал он. На фотографии пожилые супруги были похожи друг на друга. – Вот только о вас он так и не узнал.. – огорчился Антон Иванович.

– А вот и ваша мама, – сказал он, взяв в руки черно-белый снимок советских времен. Снимок не был вклеен в альбом. Он просто лежал между страниц. – Узнаете свой город? Это старинная башня. Наталья похолодевшими руками взяла фотографию из рук Антона Ивановича. Ведь ее и мама держала в руках. На фотографии изображены были трое. Стройная черноволосая Маша счастливо смеялась в объектив. Моложавый Альберт Иванович деликатно поддерживал ее под локоть, другой рукой придерживая у плеча пиджак. Модно за-

чесав вьющиеся волосы на затылок, улыбался фотографу и тогда не в меру полный Антон.

Наталья старалась скрыть волнение. Что-то в отце смутно напоминало ей себя. Прямой взгляд темных глаз, овал лица, более тонкий, чем у матери. Мать всегда была круглолицей. Только волосы темные у Натальи – в мать и пухлые губы – ее, не отцовы.

– Там посмотрите дальше: есть еще фотографии, где одна Маша, и снова мы втроем. Теперь все фотографии: и мои, и Альберта – у меня. Я его единственный наследник, – пояснил он, неловко вставая, скрипнув пружинами. Замешкался, оглянулся: – Вы можете выбрать себе любую. Я пока приготавливаю чай, – деликатно удалился Антон Иванович, почувствовав, что госте необходимо побыть одной.

Листая чужой альбом, вместивший в себя трагические и счастливые моменты жизни, пересечение судеб, роковым образом касающихся ее, Наталье трудно было остаться спокойной.

Молодая мама... Почему у нее самой не было такой фотографии? Суетливый Антон Иванович – ее дядя. Сколько ему? Семьдесят? Почему не он, не отец – никто из них никогда не вспомнил о ее матери? Не подумал о Наталье?

Справившись с волнением и выпив чаю, Наталья завела разговор о картине Олега.

– Ведь он же ваш земляк. Вы с ним близко знакомы? – удивился Антон Иванович.

– Мы друзья, – ответила она.

– Вот как! – удивился он еще больше. – Как у него дела?

Я часто читал о нем в газете.

– Готовится новая выставка в Москве.

– Вот молодец! Я, честно говоря, не ожидал, что Олег Дубов так высоко взлетит. Мне тоже довелось с ним пообщаться. Да что там, ведь Петр Моисеевич – дедушка Эммы – мой хороший знакомый.

– Как тесен оказывается мир! – засмеялась Наталья.

– Да, тесен, – подтвердил он.

– Не оставляйте меня, Наташа. У меня совсем не осталось родственников, а вы мне как дочь, – увидев, что она готовится уходить, сказал он. – Возьмите себе фотографии.

– Я возьму вот эту, – сказала Наталья, выбрав фотографию у башни.

Ей необходимо было спешить на поезд.

В свои приезды в Москву Наталья стала навещать Антона Ивановича. Между ними завязалась переписка.

– После всех что-то остается. А что останется после меня? – жаловался он на судьбу в одну из встреч.

– А ваша коллекция, этот стол, картины, посуда?

– Да, да... – рассеянно говорил он. – А ведь ты могла бы быть моей дочерью. Мы с твоей матерью даже однажды целовались, – глаза его подернулись дымкой, и морщины будто разгладились. – Она грустная тогда была. Альберт уехал в Москву на Новый год к жене. А я остался. Мы с ней гуляли

всю ночь. Шел пушистый снег, как сейчас помню. У нее были белая шуба и белые сапожки. Она была похожа на Снегурочку. На площади стояла новогодняя елка.

– Там и сейчас украшают елку к Новому году, – вставила Наталья.

– Какая-то компания угостила нас шампанским, и почему-то нас приняли за влюбленных и заставили целоваться, – молодо и озорно засмеялся Антон Иванович, вздрагивая брюшком. – Мне было очень хорошо тогда. Я готов был перевернуть весь мир ради нее... Но когда вернулся Альберт, она отдалилась от меня еще больше.

– Почему вы потом не приехали к ней? – спросила –таки Наталья.

– Я приезжал. Но, увидев ее с коляской, решил, что она вышла замуж. Она выглядела счастливой. А я всегда был толстым, рыжим, закомплексованным.

– А что Вам рассказывал о маме брат, то есть мой отец? – поправила Наталья.

– Он любил ее, как может любить занятой человек. Хранил ее фото – вот то, что ты видела, – пояснил он, – в томике Ахматовой. Она любила поэзию Ахматовой. Как там «... и казалось... – с запинкой медленно продекламировал он, – ... что после конца никогда ничего не бывает... кто же бродит там возле крыльца, и по имени нас окликает?»

В одну из встреч Антон Иванович поведал Наталье о своей любви к Нонне. – " Всегда я влюблялся в женщин, кото-

рые любили других." – И, выведав у нее все, что она знает о Нике и Виталии, передал ей старинное кольцо.

– При случае отдай его Нике, оно принадлежит ей. Наверно, я должен был раньше это сделать. Но отчего-то поосторожничал. Или может.., – не договорил он, мысленно упрямая себя в алчности. – Это кольцо приносит женщинам счастье в семейной жизни. Так Нонна говорила. Она очень хотела, чтобы кольцо досталось дочерям. Сама она не носила его, потому что очень дорожила им и боялась мужа. А ты поноси. Я хочу, чтоб ты его поносила.

С тех пор на среднем пальце Натальи был обруч из червленого золота со старинной монограммой. Она прикоснулась к кольцу. Принесло-таки ей колечко счастье. Ребенка Натальи Антон Иванович будет считать внуком.

А с тем первым ребенком? Она чуть ли не сделала ту же ошибку, что мать: хотела утаить от Олега, что у него будет сын.

Если бы он был жив, и все можно было бы исправить! Наталья вздохнула, высушив глаза. «Где же наш папа?» – вслух разговаривая с будущим малышом, прошла на кухню. Взялась за мясо, надо приготовить к его приходу отбивную. И неплохо бы на днях посмотреть, что там получается у Олега.

Глава 14

В день приезда жены, Олег выспался, съездил в город за продуктами, купил розовые розы для Эммы. Пусть сегодня

его букет стоит в холле!

Какой-то чудака перед каждым приездом Эммы с гастролей через посыльного присылал ей цветы. И всегда это были желтые розы. Принимать цветы приходилось Олегу, и он не очень был этим доволен, каждый раз оглядывая букет: нет ли там любовной записки. Эмма смеялась над его подозрениями, отшучивалась на все расспросы, но выбрасывать букет не разрешила.

Зная, что жена не любит встреч и расставаний, Олег ждал ее дома, беспокоясь из-за скользкой дороги, автомобильных пробок, усталости шофера и прочих нелепостей, приходящих в голову. Легче было бы поехать самому и встретить ее на вокзале. Но Эмма была слишком самостоятельной женщиной. Появилась она после обеда, как всегда неожиданно и прямо с порога, как была в пальто и перчатках, бросилась ему на шею.

– Сумасшедшая, разве так можно? Ты меня чуть с ног не сбила. Вот ненормальная! – обнимая, целовал он ее. – Вот чокнутая! С ума с тобой сойти можно, – раздевал, пьянея от ее близости Олег. Ни у кого не было таких глаз, как у Эммы. Он буквально тонул в них.

– Как я соскучилась, – жаловалась она. – И как устала.

Они были почти одного роста. Он видел темные круги под ее глазами, но сами глаза смеялись.

– Как ты... там? – спрашивал он, вглядываясь в ее лицо.

– А ты тут? – смеялась она.

Но все было ясно и без слов.

– Я тебе ванну приготовлю, – сказал Олег. – Готов твой любимый салат и мясо по-армянски.

– А где же цветы? – разочарованно протянула Эмма, разочарованно оглядываясь в прихожей.

– А мои тебя уже не устраивают? – сделал вид, что обиделся Олег.

– Твои само собой, – подошла она к букету. Сбросила на паркет пальто и перчатки, упав в кресло.

– Устала.

– Я сейчас, – убрал он в шкаф ее вещи и пошел наливать воды.

Выйдя из ванной услышал звук подъезжающей машины.

– А вот и твои цветы, – выглянув в окно, увидели они знакомый фургончик.

– Ура! – обрадовалась Эмма. Посыльный принес желтые розы.

– Вот всегда так. Какие-то пустяки тебе дороже, чем собственный муж, – проворчал Олег.

– Ну это ж неправда, Олежек. Просто я загадала... – поделилась она с заговорщицким видом.

– О чем? Господи, ты точно сумасшедшая! – подхватив, понес он ее в ванну: – Смывать грехи! – распорядился он. Она шутливо вытолкнула его, закрыв за собой дверь. Потом дверь приоткрылась на минутку, показалась ее взлохмаченная головка.

– Желтые поставь в холле, а розовые отнеси в столовую, – распорядилась Эмма. С какой легкостью ей удавалось им командовать! Олег был счастлив, его Эмма с ним, и все волнения и сомнения отлетели прочь.

После ванной с распущенными волосами, в коротком махровом халатике, она напоминала ему куклу Барби, некогда популярную у детей. Лицо порозовело, но тени под глазами остались.

– Моя куколка устала, ей нужно поспать, – ласково предложил Олег, после того, как Эмма отказалась от еды.

– Пожалуй, – протянула она к нему руки. Руки были прохладными, как и ее лицо.

Кошачья грация совмещалась в ней с непосредственной шаловливостью ребенка. Но по трудолюбию и выносливости она могла дать фору Олегу. Рядом с кухней они оборудовали спортзал, оснастили его всем, что нужно было ему и ей, и Эмма ежедневно по многу часов проводила у балетного станка.

Олег отключил телефон. Вечером он будет разрываться и заберет у него Эмму. А пока – спящая – она принадлежит ему. Он рад, что его взбалмошная девчонка, наконец, дома. Это значит, что она любит его и дорожит своим будущим ребенком больше, чем собственной славой. Вчера позвонил Виталий. На днях они с женой будут в Москве. Он уже получил приглашение в Лондон от профессора Сидорова, но решил сделать всем сюрприз и заявиться на пресс-конферен-

цию.

– На родине сто лет не был. Так что, ждите нас! – заявил он. – Приедем, сразу – к вам!

– Адрес-то помнишь? – спросил Олег.

– Да уж если забуду, как-нибудь подскажут, где живет всемирно-известный художник, – съехидничал он. – А про нас ты пока никому не говори.

– Сколько же ты не был в России? – спросил Олег.

– Больше четырех лет, – ответил Виталий.

Из редких его посланий Олег знал, что Виталий прочно обосновался в Америке, открыв там ресторан, и возвращаться совсем не собирался.

Тогда им с Никой, используя знакомства Полянского, удалось быстро уехать за границу. И на долгое время они словно в воду канули: не было от них ни слуху, ни духу. Тогда каждый занимался своим делом, строил свою жизнь так, как считал нужным. А сейчас было бы интересно собраться всем первым выпускникам клиники. Сан Саныч стал теперь директором крупного издательства, у него растет дочка. Интересно, у Виталия есть дети или нет? Что-то он никогда об этом не писал.

Проблема материнства и отцовства в последнее время вплотную приблизилась к жизни Олега. Что ж, значит, всему свое время. Будет ли он хорошим отцом? Надо уговорить Эмму сделать УЗИ и узнать пол ребенка. Виктор сказал, что будет сын. Олег очень хочет, чтобы был сын. Малыш, кото-

рого можно будет возить в коляске, показывать ему этот прекрасный мир. Малыш, который впервые скажет ему «папа». Как много нужно пройти дорог, чтобы прийти к этому счастью, чтобы понять: вот это и есть настоящее счастье!

На восьмое марта Эмма наверняка приглашает целый дом гостей, будут детишки Владимира. Интересно, какие новые успехи у них? Виктор с Артемом тоже обещались быть. Нужно и маму с Вячеславом Михайловичем пригласить. Наталья с Сергеем. Эмма, конечно, никого не забудет.

Завтра седьмое, и с утра они поедут с Эммой по магазинам, хотя у нее, наверняка, чемодан битком набит французскими подарками. И Олег, кроме прочего, подарит Эмме свою картину. Она обязательно поймет ее. И будет плакать, как всегда плачет над его картинами. Она такая мудрая, хоть еще совсем молодая. Ведь она догадывалась о ребенке Натальи и молчала. И не получилось у них в Москве ничего из-за того, что Олег мог бы построить свое счастье на несчастье ребенка, а она – нет. А он-то считал ее тогда не в меру капризной и глупенькой. А глупым оказался сам.

На улице растеплилось. Снегири у дома затеяли игры. В их стайку затесалась пара синичек- живописная акварель в черно-белой графике леса. Оживает природа, радуется солнцу все живое. А за радостью – труд, что у птиц, что у людей.

Виталий с женой приехали восьмого.

– А ты здорово изменился. Этакий американский ковбой, – обнимаясь с ним, сказал Олег. Виталий стал еще креп-

че и сильнее физически, было видно по пожатию руки, даже плечи его как бы раздались. Та же сила отражалась и в лице. Только в глазах светилась искренняя радость, и искрой проскакивал огонек всегдашнего его любопытства к жизни.

«Еще не совсем остепенился, все еще тянет на приключения,» – с усмешкой подумал Олег.

– Знакомьтесь. Моя жена Ника. Николь. Так ее зовут в Америке, – пояснил он.

– Очень рада встрече, – пожав, унизанную кольцами руку Ники, сказала Эмма, слегка наклонившись, прикоснулась к ее щеке.

Женщины с любопытством разглядывали друг друга. Ника – натуральная блондинка с милыми завитками у шеи и пронзительными голубыми глазами, была безукоризненно красива. Джинсовый костюм подчеркивал ее стройные бедра и пышную грудь. Эмма не носила брюк. Кольцам предпочитала браслеты и цепи. Но броская красота гостыи не могла затмить грации и изящества хозяйки.

– У вас хороший дом, – сказала Ника дежурную фразу. От стеклянной двери, ведущей на веранду, отодвинули шторы, и было видно, что лес начинается прямо от порога. – А мы снимаем в Америке квартиру. Неплохую, правда. У нас есть работница, которая стирает и убирает. Тоже из России. А у вас есть домработница?

– У нас нет. Мы часто уезжаем. Много живем в Москве. Я не хотела бы, чтоб в моем доме хозяйничали посторон-

ние. – Вы располагайтесь, Ника, – сделала приглашающий жест Эмма.

– У вас необычный оттенок волос – болотный какой-то. По телевизору вы смотрите иначе, – сказала Ника, – присаживая на диван рядом с хозяйкой, одетой в платье из мягкой шерсти светло-зеленого цвета. Известность Эммы заставляла приглядываться к ней, отыскивая в ней что-то особенное. Но, на взгляд Ники, ничего особенного в ней не было. Лицо будто написано одним неярким живым мазком, почти без косметики. Ему явно не хватает румян.

– Это мой собственный цвет. Я не крашу волосы, – ответила Эмма, улыбаясь гостье. Улыбка красила ее, как и движение рук. – Угощайтесь, – придвинув фрукты, конфеты, предложила она, – Может, чаю? У нас есть замечательный пирог. – Сквозь тонкую белизну ее лица проступила розовая краска, придав ей трогательную детскость.

– Нет, спасибо, Эмма. Мы пообедали в ресторане, – беря конфету из коробки, сказала Ника. – А я столько лет жила с черным цветом волос. Он ужасно мне надоел, – призналась она. – Хотя многим нравился. Для сцены это более эффектно, чем блонд.

– Вы выступаете на сцене?

– Пела в ресторане у мужа. Сейчас уже не пою.

– Почему? У вас должно быть очень хороший голос. «С такими внешними данными можно петь и без голоса», – подумалось Эмме.

– Жду ребенка.

– Как, и вы тоже? – удивилась Эмма. – Надо же какое совпадение! –

– Да разве ж не заметно? – повернулась боком Ника, рассмеявшись. В глазах ее запрыгали озорные огоньки. И вести чинную беседу стало уже совсем не возможно. Холодок в отношениях стал таять.

– Совсем не заметно, – заверила Эмма. Они разговорились о сроках и самочувствии.

– Долгое время мы не могли себе этого позволить, и вот теперь, когда все проблемы позади..., – поделилась Ника.

– Я немного знаю о ваших проблемах, – приготовилась слушать Эмма, делая знак гостье располагаться удобнее. – Этот ужасный отчим, который преследовал вас...

– Вы не представляете себе, Эмма, что нам пришлось пережить. – Волнение Ники передавали расширившиеся зрачки голубых глаз и побледневшие сквозь румяна щеки.

– Не волнуйтесь так. Теперь все уже в прошлом. А волноваться вам нельзя, – предупредила ее Эмма.

– Как я тогда не потеряла ребенка, до сих пор удивляюсь, – поделилась Ника. – Но теперь-то уж ему ничего не грозит, – погладила она себя по животу.

– Мы ведь с вами обе москвички, – вспомнила Эмма. – Вот и еще одно совпадение.

– Да, – согласилась Ника. Обе. – А моя сестра десять лет прожила в этом городе...

– Грустная история, – заключила Эмма. – Но злодей сам себя наказал.

Из мастерской Олега возвращались мужчины. Слышался приглушенный рокошующий смех Виталия.

В холле было светло от белого солнечного дня. Солнечные зайчики прыгали по стенам и зеленому плюшу дивана, весело рассыпались по стеклам, соперничая с блеском хрустальной капли за окном.

Раздался мелодичный сигнал подъехавшей машины. Мужчины пошли встречать гостей.

– Это Наталья! И Сергей! Наши друзья, – весело сообщила Эмма, – грациозно, расправив мягкую материю на коленях. – между прочим, Наталья тоже ждет ребенка, – сообщила она полупшепотом Нике.

– За нами едет Володя с семейством, – сообщила Наталья, расцеловавшись с женщинами.

– Вот и хорошо! – сказал Олег.

– Замечательно, – подхватил Виталий.

– Я так рада за тебя, – шепнула на ухо Наталье Эмма.

– А я – то как рада, – улыbnулась она в ответ.

– Вы красавица, Ника! – похвалила Наталья жену Виталия. – А ты, Виталий, такой крутой стал.

– Я такой и есть, – со смехом согласился он. – А ты совсем не изменилась, все так же очаровательна.

– Скажешь тоже, – отмахнулась Наталья. Узкая юбка вишневого костюма до колен прикрывала ее красивые ноги. Под-

веденные глаза и брови придавали лицу загадочный восточный вид.

– А пойдёмте, девушки, в другую комнату, посплетничаем. Наши идеальные мужчины с ужином и сами справятся. Сегодня как-никак – восьмое марта, – пригласила Эмма.

Они уселись в комнате для гостей около стеклянного столика. Оранжевые кресла, коричневато-фиолетовый габардин по контрасту с оранжевыми шторами, толстый узбекский ковер в тон мебели, все создавало веселое настроение.

– Вот посмотрите, – достав из-под стекла книгу, положила ее на стол Эмма. – Прислал Сан Саныч вместе с поздравлениями к восьмому марта.

Книга называлась «Идеальный мужчина – история одного эксперимента».

– Это Сан Саныч? – удивилась Наталья. – Никогда бы не подумала, что он так изменится. На первой страничке книги был изображен респектабельный мужчина в элегантном свитере. Лицо его украшали модные бакенбарды, плавно переходящие в каплю на подбородке.

– Теперь он известный издатель-документалист, – пояснила Эмма Нике.

– Звездами больше не увлекается? – посмеялась Наталья.

– Вряд ли. Ты же знаешь, что у него родилась дочка? – спросила Эмма Наталью.

– Да, слышала.

– И мама его теперь с ними живет. В снохе души не чает.

– А книга интересная? – спросила Ника.

– Я еще не успела прочесть. Но, думаю, нашим мужчинам будет интересно. Он придет на пресс-конференцию двадцать первого и всем бывшим пациентам подарит книгу сам.

Пока Эмма болтала о книге, Наталья все больше приглядывалась к Нике. Несмотря на современный облик в Нике проглядывала томность и незащищенность женщин прошлых веков. Изящные пальцы ее холеных рук были длинные, в посадке головы чувствовалось благородство. Под джинсовой курткой на груди виднелся медальон.

Перехватив взгляд Натальи, медальоном заинтересовалась и Эмма.

– Ника, этот медальон, что у вас на груди... один из тех двух, о которых рассказывал мне Олег?

– Нет. Этот медальон мы отыскиали в Америке... Тогда, весной, мы с помощью дяди быстро оформили визы и уехали в Америку. Поначалу нам было трудно, приходилось соблюдать осторожность, ведь Губерман тоже мог там появиться. Особенно, когда мы нашли медальон в сейфе одного из банков. Мы не сразу отгадали зашифрованный код.

– И вы сразу поняли, что этот медальон настоящий? – спросила, замирая, Эмма.

– Да. Бриллиант старинной огранки 36 карат. – Ника изящно сняла медальон с шеи. – Там же были браслет и два кольца. К ценностям был приложен документ на английском, заверенный нотариусом. Это все перешло в наследство от те-

ти моей маме – Полянкой Нонне Викентьевне, а по ее смерти детям и внукам.

– Замечательная вещь, – изумилась Эмма, держа в руках медальон. Бриллиант искрился множеством лучей, от него невозможно было оторвать глаз.

– Одно кольцо нам пришлось продать. Поначалу мы очень бедствовали в Америке, – пояснила Ника.

– Поэтому вы и не писали? – спросила Наталья.

– Да! И надеть кулон я решила всего только месяц назад.

– Почему? – удивленно спросила Эмма.

– Я боялась. А в последнее время мы с Виталием совсем потеряли бдительность. Я даже решила вернуть свой цвет волос, – потрепала она себя за кончики кудряшек... А в тот день мы устраивали в ресторане большой банкет, и я впервые решила надеть кулон, – Ника заволновалась, прикусила губу. Ее красивый голос задрожал. – Я вышла из машины у ресторана и в упор столкнулась с Губерманом. Я даже крикнуть не успела. Так стремительно он приближался ко мне, и в руках его блестел нож. «Меня ждет та же участь, что и сестру», – подумала я. – А умирать не хотелось, я недавно узнала, что у меня будет ребенок. Можете представить себе мое отчаяние. Вдруг он упал. Началась перестрелка. Кто-то подхватил меня под руки и буквально втащил в машину. Больше я ничего не помнила. Когда пришла в себя, увидела рядом Виталия. Он спросил: «Кто, ты думаешь, тебя спас?» Я ничего не могла сообразить, только знала, что Губерман

мертв. «Гиви»,— сказал он. Оказывается несколько лет Губерман мирно проживал в Израиле под чужим паспортом, а потом принялся за старое. Гиви удалось устроиться к нему шофером. Если б не он, я бы здесь с вами не сидела. Теперь Гиви работает у нас главным администратором,— сказала Ника.

— Да, там, где такие ценности, всегда рядом беда,— сказала Эмма, возвращая медальон.

— Ну теперь-то все позади. Жаль только, мы не смогли раскрыть его, посетовала Ника.

— Не смогли раскрыть? — переспросила Эмма.

— Здесь нужен какой-то ключ. В Америке мы обращались к ювелирам, но они помочь не смогли,— огорчилась Ника.

— Можно я посмотрю,— с волнением сказала Наталья. Дрожащими пальцами она осторожно взяла со стеклянного столика медальон, разглядела сбоку маленькое, неровное углубление в виде монограммы. Сняв со среднего пальца кольцо, Наталья начала совмещать выпуклость на нем с углублением на стенке медальона.

— Что это? — удивилась Ника. И Эмма, в ожидании чуда, замерла от волнения.

— Это кольцо передал мне Антон Иванович Победимцев — друг твоей мамы. Он — мой родной дядя,— старалась как можно спокойнее говорить Наталья.

— Да? — переспросила Ника. — Значит...

— Значит, оно принадлежит тебе. Попробуй сама, у меня

не получается. Антон Иванович говорил, что кольцо передала ему Нонна Викентьевна с просьбой передать его дочерям. Оно приносит счастье в семейной жизни. Мне оно счастье принесло.

– Действительно. И почему это я раньше никогда его у тебя не замечала, – удивилась Эмма, вглядываясь в Наталью. – Давно оно у тебя?

– С прошлого лета. Помнишь, я ездила лечиться в Москву.

– Помню, – сказала Эмма.

– Девушки! – позвала ошеломленно Ника. Три головки склонились над столом.

Медальон в руках Ники раскрылся.

– Ах! Оу! – раздались сдержанные возгласы.

– Не может быть! – со слезами воскликнула Ника. – Это портрет моей прапрабабушки.

Внутри медальона столько лет хранился портрет молодой белокурой дамы отдаленно похожей на Нику.

«Графиня Полонская. 1.4.1820г», – прочитали они.

– Посмотрите-ка, – обратила внимание Эмма. – Она ведь беременна.

– Действительно.

– Может быть, это и есть тайна медальона. И кольцо, и медальон способствуют семейному счастью? – спросила с блестящими в глазах слезами чувствительная Ника.

– А мужья, вы полагаете, здесь совсем не причем? – иро-

нично заметила Эмма. Девушки засмеялись.

– Милые дамы, очень не хотелось бы разбивать вашу дружную компанию, но прошу вас в холл,– сказал по-хозяйски Виталий. – Приехал Володя с семьей. Вот-вот подъедут Виктор с Артемом... А что у моей милой женушки глаза на мокром месте? – спросил он, сгребая ее в объятия.

– Это от счастья, – ответила Ника, мелодично рассмеявшись. – Мы открыли тайну медальона.

– Да! – обрадовался Виталий. – И что же это за тайна?

– Я тебе потом расскажу,– секретничала Ника.

В холле было шумно, по зеленым диванам кувыркались нарядные дети. Мать тщетно пыталась их успокоить. Володя и Олег читали вслух привезенную газету:

– «...Известная балерина Эмма К. прервала контракт с ради здоровья будущего ребенка. Счастливый отец – известный художник Олег Дубов поддержал желание жены и согласился заплатить неустойку в размере...»,– назвал Володя цифру, воскликнул: – Ого-го!

– Все уже знают! – немного огорчилась Эмма шумихой в газете.

– Володя, брось газету, посмотри, что натворил наш многоуважаемый Сан Саныч, – передал Виталий Владимиру книгу.

– Ну-ка, ну-ка! – заинтересовался и Сергей Иванович, сверкнув стеклами очков.

– Не переживай Сергей, про тебя тут тоже есть. Наш Сан

Саньч никого не обидел. Я читал, – пояснил Олег.

– Откуда же он все помнит? – удивился Володя, листая книгу.

– Так он же в клинике дневник вел, – пояснил Виталий. Зазвонил телефон. И на видеоэкране возникло интеллигентное улыбающееся лицо Сан Саньча.

– Ну, сейчас я ему всё выскажу! – засмеялся Виталий.

– Подожди. Слушай, он поздравляет женщин, – остановил Олег.

– Да как цветисто, – заметил Володя.

– Он это умеет, – сказал Виталий.

– Спасибо, Сан Саньч. Наши женщины просто счастливы. Твою жену, маму и дочку тоже поздравляем. Вот «американец» Виталий рвется с тобой говорить.

– Олег, нам, наверно, пора заняться столом, – подсказал Володя.

– Пора, – согласился Олег. – Наш шеф-повар сейчас распорядится.

Слышался раскатистый смех Виталия, которому вторил телевизионный смех Сан Саньча.

– О чем вы? – переспросил возвратившийся из кухни Олег, когда экран погас.

– Я напомнил ему, как он выпил Ванькино пиво, подогрев и подсластив его вместо чая, а потом удивлялся, откуда у него в данных наличие алкоголя.

– Да, было дело, – поддержали смех Олег и Володя.

За окном посигналило такси, спугнув стайку синичек. Гости прибывали.

Испуганная белка взметнулась на вершину ели, на снег посыпалась сухая хвоя. Из окон дома полилась музыка.

—

Использованы фрагменты картин:

Художника Дубовского, 1891 г.

«Радостный май» художника Жуковского (1875-1944),